

Основная часть

- Во время кризиса
- «Земля прежде всего!»
- Поставить Землю вначале
- Кто говорит за Волка?
- Высокомерие Просвещения
- Ген дикой природы
- Сохранение опыта Дикой Природы
- Разрушение дикой природы
- Принципы движения «гаечного ключа»
- В защиту движения «гаечного ключа»
- Нельзя ли обойтись без шипования деревьев?
- Стратегия движения «гаечного ключа»
- Опасности незаконной акции
- Некоторые мысли о нетерпимости, разнообразии... и Эде Эбби
- Мечта о Большой дикой природе
- Максимальное использование профессионализма
- Куда ты, «Земля прежде всего!»?

Во время кризиса

В дикости состоит сохранение мира.

Генри Торо

Есть особый способ оценивать отношения человека с природным миром — интуитивное понимание, основы которого заложил защитник природных ресурсов и альпинист XIX века Джон Мюир, а позже развивала наука экология. Это идея о том, что все вещи объединены, взаимосвязаны, что человеческие существа представляют собой просто один из миллионов видов, которые сформировались за три с половиной миллиарда лет эволюции. Согласно этому представлению все живые существа имеют одинаковое право находиться здесь. Так я вижу мир. Так мы можем ответить на вопрос, «почему дикая природа?».

Не потому ли, что дикая природа живописно выглядит на открытках? Что она защищает водоразделы для сельского хозяйства, промышленности, и жилья ниже по течению? Что это хорошее место, чтобы вычистить паутину из наших голов после длинной недели на автозаводе или за дисплеем видеотерминала? Что она сохраняет ресурсы для будущих поколений людей? Что какое-то неизвестное растение, существующее в дикой природе может содержать средство от рака?

Нет, правильный ответ — потому, что дикая природа существует. Потому что это реальный мир, поток жизни, процесс эволюции, хранилище тех трех с половиной миллиардов лет общего странствия.

Медведь гризли, шлепающий вдоль Ручья Пеликанов в Йеллоустонском национальном парке с двумя детенышами имеет столько же прав на жизнь, сколько имеет любой человек, и гораздо более важен экологически. Все вещи имеют внутреннюю ценность, внутреннее достоинство. Их ценность не определяется тем, какой звук они издадут на кассовом аппарате национального валового продукта, или тем, действительно ли они являются хорошими. Они хороши, потому что они существуют.

Даже более важным, чем отдельное дикое существо, является дикое сообщество — дикая природа, поток жизни, не испытывающий препятствий со стороны человека.

Мы, как человеческие существа, как члены индустриального общества, не имеем никаких божественных полномочий прокладывать дороги, завоевывать, управлять, разрабатывать или использовать каждый квадратный дюйм этой планеты. Как сказал Эдвард Эбби, автор «Отшельника Пустыни» и «Банды гаечного ключа», мы имеем право находиться здесь, но не одновременно повсюду.

Сохранение дикой местности — не просто вопрос уравнивания особых интересов конкурирующих групп, чтобы достичь надлежащего использования и сочетания видов на наших общественных землях, и разрешить конфликт между различными способами отдыха

на открытом воздухе. Это — этический и моральный вопрос. На уровне религии. Люди переступили границы; мы уничтожаем сам процесс жизни.

Лесничий и сторонник дикой природы Олдо Леопольд наверное, лучше всего сформулировал эту этику:

Правильно то, что сохраняет целостность, стабильность и красоту биотического сообщества. Неправильно то, что имеет противоположную тенденцию.¹

Все цитаты из Олдо Леопольда, используемые в этой книге, взяты из его классической работы «Альманах песчаного графства» (Нью-Йорк: Издательство Оксфордского Университета, 1949 г.), которая считается наиболее известной книгой по охране природы в этом столетии. Леопольд, возможно, наиболее влиятельный мыслитель в области охраны природы, которого породила наша страна. Его прекрасная биография, «Олдо Леопольд: его жизнь и работа», написана Куртом Мейне (Мэдисон: Издательство Висконсинского Университета, 1988 г.).

Кризис, на пороге которого мы сейчас стоим, взывает к нашим чувствам. Когда я лоббировал охрану природы в Вашингтоне (округ Колумбия), мне посоветовали поместить свое сердце в сейф и заменить свой мозг карманным калькулятором. Мне посоветовали стать рациональным, а не эмоциональным, использовать факты и числа, цитировать экономистов и ученых. Ты потеряешь доверие, если позволишь себе показать эмоции.

Но, черт побери, я — животное. Живое существо из плоти и крови, бури и ярости. Океаны Земного текут через мои вены, ветры неба заполняют мои легкие, сами скалы планеты — мои кости. Я живой! Я — не машина, бессмысленный автомат, винтик в индустриальном мире, какой-то андроид Нового Века. Когда бензопила врезается в сердце двухтысячелетних прибрежных сейквой, она врезается в мои внутренности. Когда бульдозер пробивается через амазонский дождевой лес, он едет на меня. Когда японский китобой стреляет взрывающимся гарпуном в большого кита, мое сердце разрывается на куски. Я — это земля, земля — это я.

Почему я не должен быть эмоциональным, сердитым, страстным? Сумасшедшие мужчины и женщины разрушают эту красивую, сине-зеленую, живую Землю. Одержимые люди, для которых нет ничего ценного, кроме грязного долларового счета, крушат колонны здания эволюции четырех тысяч миллионов лет.

В мире, управляемом ТНК, нас учат использовать только часть наших умов: левое полушарие мозга, рациональную, расчетливую часть. Эта часть нашего мозга является ценной и необходимой, но это не единственное местоположение нашего сознания. Мы должны восстановить контакт с эмоциональным, интуитивным правым полушарием нашего мозга, с нашей мозговой корой рептилий, со всем нашим телом. Затем мы должны выйти за его пределы, чтобы мыслить со всей Землей. Дэвид Броуер, бывший одно время руководителем Сьерра Клуба, сказал, что нельзя посадить калифорнийского кондора в зоопарк Сан-Диего и по-прежнему иметь кондора. Принадлежность к кондорам не ограничивается кончиками черных перьев на его крыльях. Кондор — это также место; это — термальные источники,

бьющие над Прибрежным хребтом, скалистые обнажения, на которых он откладывает свои яйца, и падаль, которой он питается.

Общество сделало нам лоботомию. Социум сегодня может работать как наркотик, как сома в книге «О дивном новом мире», удерживать нас в строю, успокаивать нас, лишать нас способности к страсти. Роботы не задают вопросов. Свободные мужчины и женщины задают. Дикими животными нельзя управлять; их можно одомашнить, даже сломать, но тогда они не будут больше свободными, не будут больше дикими.

Мы должны вырваться из общества, замораживающего наши страсти, мы должны стать животными снова. Чувствовать притяжение полной луны и слышать музыку гусей над головой. Мы должны любить Землю и испытывать гнев против ее разрушителей. Мы должны открыть себя для отношений друг с другом и с землей; мы должны сметь любить и испытывать чувства к кому-то. И когда придет последний поцелуй жизни — смерть, — мы должны не прятаться, а быстро и радостно идти в эту прекрасную ночь. Когда я умру, то не хочу, чтобы меня обработали и положили в свинцовый ящик. Положите меня в дикой природе, позвольте мне насладиться воссоединением с пищевой цепью, возрождаясь в ласке, стервятнике, черве и плесени.

Освободиться от позолоченных цепей цивилизованности — не легко. Нельзя почерпнуть состояние дикого изящества из книг, из умствований, из рациональных аргументов. Наша страсть происходит от нашей связи с Землей, и только непосредственно в дикой природе мы можем соединить наши умы и наши тела с землей, понимая, что не существует никакого различия.

Наряду со страстью, мы нуждаемся в новом видении мира. Почему мы должны удовлетворяться тем, как его нам представляют Луизиана-Пасифик, Мицубиси, Пентагон, и Эксон? Почему мы должны быть ограничены узкими альтернативами, представленными нам Конгрессом и Лесной Службой при обсуждении защиты земли?

Нам говорят, что Серый Волк и Медведь Гризли ушли с большей части Западных земель и никогда не смогут быть восстановлены, что Лось и Бизон и Пантера — не более чем тени на Востоке и больше не вернуться, что Глен Каньон и Хетч-Хетчи находятся под мертвой водой водохранилища, и мы никогда не увидим их снова, что Прерия Высокой Травы и Восточный Лиственный Лес остались только в воспоминаниях, и что мы больше никогда не сможем вернуть дикие земли к востоку от Скалистых гор.

Чушь! Почему мы должны быть связаны прошлыми ошибками? От нас зависит противопоставить ли представлению о Большой Дикой Природе правительства и общества, представление людей, скромно живущих в сообществе медведей, гремучих змей, лосося, дуба и полынь, москитов и морских водорослей, рек, камней и облаков.

Мы должны потребовать, чтобы были закрыты дороги и реабилитированы зоны сплошной вырубки, разрушены дамбы, а Волки, Гризли, Ягуары, Речные Выдры, Бизон, Лось, Вилорогий Олень, Большерогий Баран, Карибу, и другие истребленные виды возвратились в их родную среду обитания. Мы должны предлагать восстанавливать области дикой природы всех

экосистем Америки на нескольких миллионах акров земли, с коридорами между ними для передачи генетической вариативности. Область дикой природы представляет собой арену для эволюции, и ее должно быть достаточно, чтобы природные силы имели свободу действий.

Джон Сид, австралийский основатель Центра Информации Дождевых Лесов, рассказывает о встрече с группой австралийских аборигенов, которая произошла в Сиднее. После встречи они вышли на ночной воздух. Большой город простирался перед ними. Один из аборигенов спросил: «Что Вы видите? Что Вы там видите?»

Джон смотрел на пульсирующие автострады, башни из анодированного стекла и стали, суда в гавани, и ответил: «Я вижу город. Огни, мощные дороги, небоскребы». Абориген сказал тихо: «Мы по-прежнему видим землю. Мы знаем, где под бетоном растет лес, пасутся кенгуру. Мы видим, где утконос роет свою нору, куда текут реки. Этот город, там... — только струпья. Земля под ним — жива».

То же самое — и в Северной Америке. В кустистых зарослях Новой Англии все еще стоят призраки Белых Сосен высотой 220 футов. На пастбищах и кукурузных полях Великих равнин пасутся призрачные Бизоны и Вой волков звучит эхом из прошлого столетия. На берегах Сан-Франциско фантом Гризли кормится выброшенными на берег останками Китов.

Геноцид против этих диких народов, который велся во всем мире цивилизованными людьми, продолжался лишь мгновение в эволюционном времени. Некоторая виды ушли навсегда, некоторые экосистемы безнадежно испорчены, но, в основном, земля, дикая земля, остается все еще живой под струпьями бетона. Есть ли у нас глаза, чтобы видеть?

Страсть и видение являются предельно важными, но без действия они пусты. Легко опустить руки перед действительно огромными проблемами, стоящими перед Землей, задачами, требующими Геркулеса, нам, простым смертным. Мы чувствуем себя не вправе требовать изменений, когда знаем, что наша жизнь не является чистой, что мы — участники той жизни, которая разоряет планету. Мы чувствуем себя беспомощными, сталкиваясь повсюду с косной серой бюрократией правительства и промышленности.

«Это — слишком сложно, — хныкаем мы и сдаемся. — Лучше не сражаться, чем быть побежденным. Кроме того, с чего нужно начинать? Я — не эксперт и не лидер. Почему они не сделают чего-нибудь?»

Мы цепенеет, потому что проблемы слишком велики. Легче включить телевизор, увлечься современной игрой (тот, кто умирает с наибольшим количеством игрушек, выигрывает!), притупить наши ожидания и страсти выпивкой или белым порошком.

Земля кричит. Слышим ли мы? Мартин Лютер Кинг-младший как-то сказал, что, если у человека нет ничего, за что стоило бы умереть, то он ничего не стоит.

Пришло время для смелых.

Смелость нужна во многом. Требуется смелость, чтобы не позволить вашим детям «присесть» на телевидение. Требуется смелость, чтобы сказать группе охраны природы, к которой вы принадлежите: «Больше никаких компромиссов!» Требуется смелость, чтобы сказать, что дикая природа важнее, чем рабочие места. Требуется смелость, чтобы написать письмо в местную газету. Требуется смелость, чтобы встать и высказаться на публичных слушаниях. Требуется смелость, чтобы жить жизнью, оказывающей меньшее воздействие на природу.

И требуется смелость, чтобы поместить свое тело между машиной и дикой природой, встать перед бензопилой или бульдозером.

В 1848 году Генри Торо отправился в тюрьму, отказавшись в знак протеста против Мексиканской войны выплачивать подоходный налог. Когда Ральф Уолдо Эмерсон пришел, чтобы выкупить его под залог, то спросил: «Генри, что вы делаете здесь (внутри)?»

Торо спокойно ответил: «Ральф, что Вы делаете там (снаружи)?»

В этом безумном мире, где сиюминутная алчность правит долгой жизнью, те из нас, кто разделяет этику земли, непоколебимо и страстно должны сопротивляться безумной машине. Мы должны стать на ее пути, как это сделала 19-летняя орегонская активистка группы «Земля прежде всего!» Валери Вейд, взобравшись на древнюю Ель Дугласа высотой восемьдесят футов, чтобы спасти ее от вырубки; как это сделал проводник и поставщик снаряжения из Вайоминга, основатель «Земля прежде всего!» Хоуви Вольке, когда убирал шесты геодезической разметки вдоль трассы газовой разведки в первозданной среде обитания Лося. Обое подвергали свою жизнь опасности, обое попали в тюрьму. Обое гордились тем, что они сделали. Обое — герои Земли, как и сотни других смелых защитников дикой природы.

Эта защита — не высокомерное отношение Господа-Человека, защищающего нечто меньшее, чем он сам. Скорее — это смиренное соединение с Землей, превращение в дождевой лес, пустыню, гору, дикую природу, защищающие сами себя. Именно становясь частью дикого мы обретаем смелость, гораздо большую чем у нас самих; этот союз дает нам храбрость противостоять агрессивному гуманизму, машине, доллару, тюрьме, уничтожению, защищая то, что является священным и правильным: Великий Танец Жизни.

Восемьдесят лет назад Олдо Леопольд закончил Йельскую школу лесоводства и пошел работать в недавно созданную Лесную Службу в Аризоне и Нью-Мексико. Он был назначен на работу по инвентаризации потенциальных запасов древесины в высоких, диких Белых Горах восточной Аризоны, которые были тогда большой свободной от дорог территорией. Однажды его группа остановилась на краю скалы, нависающей над бурным потоком. Во время обеда они увидели большое животное, переходящее вброд Peryu. Сначала они подумали, что это олениха, но когда вертящиеся щенки выскочили из-за ив, чтобы поприветствовать свою мать, они поняли, что это был волк. В те дни, волк, которого вы видели, был волком, в которого вы стреляли. Леопольд и его люди поспешно вытащили свои ружья из чехлов и стали палить. Волчица упала, щенок тянул раздробленную ногу в скалы, и Леопольд поехал вниз, чтобы завершить дело. Позже он написал:

«Мы добрались до старой волчицы вовремя, чтобы увидеть, как яростный зеленый огонь умирает в ее глазах. Я тогда увидел и уже никогда не мог забыть нечто новое в этих глазах — нечто известное только ей и горе. Я был молод тогда и мне не терпелось нажать спусковой крючок; я думал, что поскольку меньше волков означает больше оленей, то отсутствие волков будет охотничим раем. Но, видя угасание зеленого огня, я почувствовал, что ни волк, ни гора не согласились бы с такой точкой зрения».

Зеленый огонь. Нам необходим огонь в глазах волка. Нам необходим огонь земли. И нам необходим огонь в наших собственных глазах.

«Земля прежде всего!»

Если оппозиции недостаточно, мы должны сопротивляться. И если сопротивления недостаточно, тогда ниспровергать.

Эдвард Эбби

Первое природоохранное движение Соединенных Штатов было ребенком истеблишмента, и ребенком вполне законным. Основатели Сьерра-Клуба, Национального Общества Одюбон, Общества дикой природы, и групп охраны диких животных были, как правило, столпами Американского общества. Они были элитной группой, спортсменами-охотниками, вроде Тэдди Рузвельта, натуралистами, подобно Джону Берроузу, любителями жизни под открытым небом, подобно Джону Мюиру, пионерами-лесоводами и экологами, типа Олдо Леопольда, и богатыми социальными реформаторами, подобно Джиффорду Пинчоту и Роберту Маршаллу. Никаких анархистов-луддитов в их среде.

Когда Сьерра-Клуб превратился в политически значимую силу, которая заблокировала в 1956 году дамбу Эхо-Парка и добилась в 1964 году принятия Акта об Облациях Дикой Природы, она состояла (как и родственные организации), в основном, из врачей, математиков и физиков-ядерщиков. В 1950—1960-е годы к природоохранным группам присоединились беженцы от господствующих мнений; Дэвид Броуэр, в то время исполнительный директор Сьерра-Клуба, один из создателей современного движения в защиту окружающей среды, ко времени его отставки советом директоров в 1969 году стал всерьез интересоваться вопросами ограничения и направлений развития индустриального общества. Но только в 1970 году, на День Земли, движение защиты окружающей среды получило первый реальный приток радикальных противников истеблишмента, когда протестующие против Вьетнамской войны нашли новое дело — окружающую среду. В один момент, на встречах группы охраны природы рядом со стрижками под «ежик» появились бороды — и полемика вспыхнула с новой силой.

Воинственность была недолгой. Эко-анархистские группы, как «Защита Черной Столовой горы», которые представляли собой крайние течения, достигли вершины в 1972 году на Стокгольмской Конференции Организации Объединенных Наций по Окружающей среде, а затем постепенно сошли со сцены. Наряду с десятками других выходцев 1960-х, которые стали работать в организациях охраны природы в начале 1970-х годов, я обнаружил, что, казалось, лучше всего работает компромисс. Тогда как костюм и галстук обеспечивает доступ к региональным главам Лесной Службы США и членам Конгресса. Мы учились делать умеренными свои мнения и свою одежду. Узнали, что советы правительства игнорируют экстремистов, а чтобы заставить сенатора обнять вас за плечи и опустить законопроект о Дикой природе в ящик для голосования, нужно рассматривать конфликты — с горной и лесозаготовительной промышленностью, выпасом скота — и соответственно урезать свое предложение. Конечно, мы были хорошими, патриотичными американцами. Конечно, мы

были озабочены производством красного мяса, древесины и полезных ископаемых. Мы пытались показать, что сохранение диких земель не так уж сильно конфликтует с валовым национальным продуктом, а чистый воздух способствует экономике. Мы утверждали, что можно развивать промышленность, и не бурить нефтяные скважины в девственных областях.

Эта умеренная позиция казалась оправданной, когда в 1977 году к власти в Белом доме пришел Джимми Картер, первый Президент и общепризнанный защитник природных ресурсов после Тэдди Рузвельта. Самопровозглашенным защитникам природы в администрации Картера давали решающие посты. В передовицах трубили, что защита окружающей среды взлелеяна истеблишментом, и охрана природы пришла надолго. Под рукой была новая этика: Качество Окружающей Среды и Непрерывный Экономический Прогресс.

Тем не менее, хотя мы имели доступ и влияние в высших кругах, кое-что выглядело неправильным. Когда споры улеглись, охрана природы по-прежнему проигрывала промышленности. Но расхолаживали нас именно наши друзья. Мы пытались понять проблемы, с которыми они сталкивались в реальной политике. Предоставили им презумпцию невиновности. Мы не решились предъявить им иск, когда должны были это сделать...

Я размышлял обо всем этом серым январским днем 1979 года, когда сидел в своем офисе в штаб-квартире Общества Дикой Природы, всего в трех кварталах от Белого дома. Я только что вернулся с пресс-конференции в Здании Южного Сельского Хозяйства, на которой Лесная Служба объявила безрадостное решение по второму Исследованию и оценке областей свободных от дорог (RARE II), двадцатимесячной работы Лесной Службы, имеющей целью определить, какие Национальные леса должны быть защищены в их естественном состоянии. Я ослабил свой галстук, закинул ноги в ковбойских ботинках на стол, сорвал крышку с еще одного «Штроз» и подумал о RARE II и почему все пошло не так. Джимми Картер был предположительно большим другом дикой природы. Доктор М. Руперт Катлер, бывший помощник исполнительного директора Общества Дикой Природы, был помощником министра сельского хозяйства по Лесной Службе и задумал программу RARE II. Но мы проиграли лесной, горной промышленности и интересам скотоводства по всем пунктам. Из 80 миллионов акров (всего 190 миллионов акров Национальных Лесов), все еще свободных от дорог и неразработанных лесов Отдел сельского хозяйства рекомендовал охранять от строительства дорог и вырубки древесины только 15 миллионов. Хуже всего, что мы, защитники природных ресурсов, были, черт побери, умеренными. Сторона противников окружающей среды была экстремистской, радикальной и эмоциональной, их аргументы притянуты за уши. Мы основывались на фактах и были рациональны. Обеспечили более серьезную и лучшую поддержку общественности. Но мы проиграли и сейчас беспокоились о том, чтобы какая-нибудь местная группа защиты дикой природы не отбросила сдержанность и не предъявила иск Лесной Службе за явно неадекватную оценку RARE II воздействия на окружающую среду. Мы не хотели судебного процесса, потому что знали, что можем выиграть и боялись политических последствий такой победы. Мы могли бы рассердить некоторых влиятельных сенаторов и представителей. Поэтому те из нас, кто был в Вашингтоне, сговаривались, как удержать в общем строю широкие массы. Что-то во всем

этом казалось мне неправильным.

После RARE II я оставил работу координатора в Обществе Дикой Природы Вашингтона, чтобы возвратиться в Нью-Мексико на свою старую должность юго-западного представителя Общества. Я был очень обеспокоен чрезмерным выпасом скота на Западе, на 180 миллионах акров общественных земель, управляемых Бюро менеджмента земли Министерства внутренних дел. На протяжении многих лет эти богатые дикими животными, пейзажами, местами для отдыха и дикой природой земли были частным угодьем скотоводов. БМЗ (Бюро менеджмента земли) недостаточно управляло общественными землями или контролировало серьезный чрезмерный выпас скота, который сбрасывал миллионы тонн верхнего слоя почвы вниз по Колорадо, Рио-Гранде и другим рекам, опустошая среду обитания живой природы, и вообще превращая землю в ад.

Подстегиваемое судебным иском Совета защиты природных ресурсов, БМЗ начало обращаться к проблеме чрезмерного выпаса посредством ряда определений о воздействии на окружающую среду. Они подтвердили, что большинство этих земель подвергается серьезному перевыпасу, и рекомендовали сокращение поголовья домашнего скота. Но после ожидаемого протеста владельцев ранчо и их политических союзников в Конгрессе и столицах штатов, БМЗ отступило. Почему БМЗ и Министерство внутренних дел были такими бесхребетными?

В то время как меня мучил этот вопрос, я все сильнее и сильнее тревожился относительно тенденций в самих организациях охраны природы. Когда я в 1973 году начал работать в Обществе Дикой Природы, чтобы получить работу в группе охраны природы нужно было проявить себя сначала как доброволец. Это не давало возможности получить правильную академическую подготовку, но опыт способного активиста охраны природы из широких масс был важнее.

Мы понимали, что не сможем получать такой зарплаты, как в правительстве или частной промышленности, но мы и не ждали этого. Мы работали на некоммерческие структуры, финансируемые пожертвованиями заинтересованных людей. Платите нам достаточно, чтобы хватало на еду, арендную плату и пиво — мы не стремились разбогатеть. Но с середины 1970-х годов все изменилось: люди, желающие работать в группах охраны природы были ориентированы на карьеру; они имели степени (в науке или юриспруденции, а не истории или английском языке); они рассматривали рабочие места в природоохранных организациях в том же самом свете, что в правительстве или промышленности. Каждое был ступенькой к следующей, более высокой должности. Они были в большей степени профессионалами и в меньшей степени болели за дело.

Увеличивался разрыв между постоянным персоналом и добровольцами. Начались ссоры из-за зарплаты. Мы больше не довольствовались заработной платой на пропитание, величина зарплаты стала отражать наш статус в движении.

В Обществе Дикой Природы в 1978 году руководителя Силию Хантер, феминистку, видную защитницу природы Аляски и пилота Второй Мировой Войны, заменил Билл Тернаж, рьяный молодой бизнесмен, который отличился в маркетинге Ансельма Адамса. В течение двух лет

Тернаж заменил практически всех, кто работал в постоянном штате под руководством Силии, профессиональными организаторами. Управляющий Совет также работал над тем, чтобы привлечь миллионеров с неопределенным интересом к окружающей среде. Как заметили некоторые из нас, мы перестали отличаться от тех, с кем якобы боролись.

Я подал в отставку в июне 1980 года.

Казалось, что то же самое происходило и с другими частями движения. Имелись ли где-нибудь радикалы? Кто-нибудь, занимающий твердую позицию? К сожалению, нет. Национальные организации — Сьерра-Клуб, Друзья Земли, Национальное общество Одюбон, Совет защиты природных ресурсов и другие стояли на практически одинаковых нерешительных позициях по большинству вопросов. И даже в эти нерешительных требования с готовностью шли на дальнейшие компромиссы. Штат этих организаций больше беспокоился о том, чтобы удержать местных защитников природы (и некоторых своих представителей в поле) в общем строю, не дать им превратиться в экстремистов или неблагоразумных и подорвать умеренную национальную стратегию. Даже «Друзья Земли», которые имели радикальное начало еще в неистовую эру Дня Земли, тяготели к центру и, как правило, были удобными членами неформальной коалиции больших организаций защиты окружающей среды.

На протяжении многих лет и я защищал этот подход. Я верил, что мы сохраним больше диких земель, выбирая умеренный путь. Сдержанное поведение вызовет меньше возражений. Рациональные экономические аргументы помогут внедрить охрану природы в истеблишмент. Нам необходимо было выступить единым фронтом.

Мои умеренные идеи дали серьезную трещину в начале 1979 года, когда я вернулся из Вашингтона в маленький поселок ранчерио Гленвуд, Нью-Мексико. Я уже жил там когда-то в течение шести лет, и хотя был известным защитником природы, принимали меня довольно хорошо. Через некоторое время «Нью-Йорк Таймс» опубликовала статью о RARE II, главной темой которой был Национальным Лес Джила вокруг Гленвуда. К моему изумлению, в статье цитировали хозяина ранчо, которого я считал своим другом, с угрозами в мой адрес из-за опасений местных жителей о последствиях заповедания областей дикой природы. Пару дней спустя меня остановили на улице четыре человека, один из них был хозяином городского кафе, где я съел немало куриных отбивных. Они тоже угрожали мне из-за RARE II.

Я не испугался, но был раздражен и удивлен. Я был умеренным среди умеренных защитников природы Нью-Мексико. Я убедил природоохранные группы Нью-Мексико уменьшить территорию Национального Леса Джила как области дикой природы областей в RARE II. Чем же вызваны эти неприятности? Я снова сравнивал различные подходы к RARE II: умеренный и смягченный основных групп охраны природы; воюющий, страстный и экстремистский фанатиков внедорожных автомобилей, многих владельцев ранчо, сторонников местного развития, лесорубов и шахтеров. Они выглядели, как дураки. Мы выглядели как государственные деятели. Они победили.

Последняя каплей было четвертое июля 1980 года в Моаве (штат Юта). Местная комиссия графства направила бульдозер с развевающимся флагом в область, которую Бюро менеджмента Земли определило как вероятную область дикой природы, изучаемую на предмет заповедания. Вторжение бульдозера было первым ходом так называемого «попынного восстания» — движения торговых палат, владельцев ранчо и правых фанатиков на Западе за передачу федеральной общественной земли в ведение штатов и, в конце-концов, в частные руки. Восстание было явно экстремистским и не имело поддержки даже со стороны многих консервативных членов Конгресса на Западе, и все же БМЗ побоялось остановить комиссию графства.

Чего мы действительно достигли? — думал я. Улучшилась ли ситуация по спасению Земли спустя десять лет? Я рассмотрел реальные проблемы: всемирный рост народонаселения, разрушение тропических лесов, расширяющуюся бойню африканских диких животных, загрязнение нефтью океанов, кислотные дожди, увеличение содержания двуокси углерода в атмосфере, распространение пустынь на каждом континенте, вымирание туземных народов и навязывание единой культуры (европейской) всему миру, планируемый раздел Антарктиды и добычу полезных ископаемых с морского дна, распространение ядерного оружия, исследование рекомбинации ДНК, токсические выбросы... Это меня ошеломило. И увидел, что мы не сделали ничего, чтобы повернуть вспять этот поток. В действительности, он усилился.

А после — Рональд Рейган. Джеймс Ватт стал Министром внутренних дел. Лесная Служба принадлежала компании Луизиана-Пасифик. Министерство внутренних дел — Эксон. Управление по охране окружающей среды — Дау. Администрация Рейгана и Республиканский Сенат сразу заговорили о выхолащивании уже выхолащенного законопроекта о Землях штата Аляска. Новая редакция Акта о чистом воздухе наткнулась на правительство, которое больше интересовалось черными чернилами корпораций, чем черными легкими людей. Территории Бюро менеджмента земли показались Департаменту Внутренних Дел неприлично голыми без одеяния из нефтяных скважин. В то же время Департамент Сельского хозяйства предписал Лесной Службе очистить Национальные Леса от пришедших в упадок и больных старовозрастных деревьев. Ковбои получили земли для выпаса, и упаси Боже путешественника, койота или былинку травы, которые оказались на их пути.

Возможно, некоторые из нас почувствовали еще до избрания Рейгана, что пришло время для нового джокера в колоде: воинственной, бескомпромиссной группы, не боящейся сказать то, что нужно сказать и сопроводить слова более решительными действиями, чем те, на которые осмеливались сформировавшиеся организации. Эта идея витала в воздухе пару лет. Наконец, в 1980 году несколько рассерженных защитников природы, в том числе Сьюзен Морган, работавшая директором по образованию в Обществе Дикой Природы; Хоуви Уолк, бывший вайомингский представитель «Друзей Земли»; Барт Келер, бывший вайомингский представитель Общества Дикой Природы; Рон Кезар, давний активист Сьерра-Клуба, и я решили, что время разговоров прошло. Мы создали новую национальную группу, которую назвали «Земля прежде всего!». Мы настроились на радикализм стиля, позиций, философии и организации, для того чтобы быть эффективными и избежать ловушек кооптации и умеренности, которые мы уже испытали.

Сидя вокруг походного костра в Вайомингских горах, мы спросили себя, каковы причины и цели радикальной защиты окружающей среды?

Честно высказывать взгляды, разделяемые многими защитниками природы.

Показать, что Сьерра-Клуб и его союзники были слишком умеренными, они верили в систему и опровергали утверждение Рейгана о том, что являются «экстремистами от окружающей среды».

Уравновесить таких радикальных противников окружающей среды, как Большая комиссия графства, и обеспечить более широкий спектр точек зрения.

Вернуть энергию, радость и энтузиазм утомленному, лишенному воображения движению защиты окружающей среды. Удерживать сформировавшиеся группы на честных позициях. Выработывая чистую, бескомпромиссную про-земную позицию, мы чувствовали, что «Земля прежде всего!» могла бы помочь не сбиться с пути другим группам.

Стать отдушиной для многих бескомпромиссных защитников природных ресурсов, которые разочаровались в политике компромиссов и кооптации организаций окружающей среды.

Создать продуктивное краевое течение, поскольку идеи, творческий потенциал и энергия имеют тенденцию возникать на краю и позже распространяться в центр.

Вдохновлять других претворять в жизнь действия со страниц «Банды гаечного ключа» (роман об экологическом саботаже Эдварда Эбби), даже невзирая на то, что «Земля прежде всего!» как мы согласились, само по себе будет якобы законопослушным.

Развивать новое мировоззрение, биоцентрическую парадигму, философию Земли. Бескомпромиссно и страстно бороться за Землю.

Название «Земля прежде всего!» кратко подытоживало одну вещь, по поводу которой мы все могли согласиться: в любом решении здоровье Земли должно иметь приоритет.

В истинно радикальной группе защиты Земли мысль о сохранении дикой природы должна быть краеугольным камнем. Идея дикой природы, в конце концов, наиболее радикальная идея человеческого разума, более радикальная, чем идеи Пейна, Маркса и Мао. Идея дикой природы провозглашает: люди — это не главное, Земля не только для Homo sapiens, человеческая жизнь — всего лишь одна из форм жизни на планете и не имеет никакого права на исключительность. Дикая природа существует ради нее самой и нет необходимости оправдывать ее человеческой выгодой. Дикая природа — ради дикой природы. Ради медведей и китов, синиц, гремучих змей и клопов-вонючек. И ради человеческих существ. Потому, что она представляет собой лабораторию человеческого развития, и потому что это наш дом.

Не достаточно защитить немногие последние частицы дикой природы. Единственная надежда для Земли (включая человечество) состоит в том, чтобы защитить огромные области как ненарушенные природные святыни от современной промышленности и

технологии. Сдерживайте Кливленд и Лос-Анджелес. Ограничьте их. Попытайтесь сделать их пригодными для жизни. Но выделите обширные территории, в которых можно восстановить подобие природных условий, верните Медведя Гризли, Волка и прерии, и объявите их вне пределов современной цивилизации.

В Соединенных Штатах выберите область для каждой из наших главных экосистем, и воссоздайте Американскую дикую природу — не маленькими частями по тысяче акров, а крупными кусками по миллиону или по десять миллионов. Уберите людей и автомобили. Восстановите земли, занятые дорогами или пашнями. Больше недостаточно протестовать против дамб на диких реках. Мы должны начать разрушать уже построенные дамбы — начиная с Глен Каньона на реке Колорадо-Ривер в Аризоне, Теллико в Теннесси, Хетч Хетчи и Нью Мелонз в Калифорнии — и освободить скованные реки.

Акцент на диких землях не требует отвернуться от других проблем окружающей среды или отказаться от решения социальных проблем. Мы должны искать точки соприкосновения с другими прогрессивными элементами общества всякий раз, когда это возможно.

Очевидно, у группы, более преданной Монстрам Джилы и Пумам, чем людям, не будет тесного союза с другими социальными движениями. Но существуют вопросы, в которых радикалы Земли могут сотрудничать с феминистскими, коренными американскими, антиядерными, пацифистскими, защищающими гражданские права и гражданские свободы группами. Консерватизм, присущий природоохранному сообществу, не позволяет ему сблизиться с этими левыми организациями. Тем не менее, мы надеялись положить начало более тесному их сотрудничеству с природоохранными движениями.

Мы полагали, что необходима новая тактика — совершенно иная, чем комментарии к печальным экологическим выводам и написание писем членам Конгресса. Политика на улицах. Гражданское неповиновение. Пропагандистские трюки в средствах массовой информации. Выставление злодеев на осмеяние. Использование музыки для пользы дела.

Ключевым пунктом является действие. Действие важнее чем философские искания или бесконечное очищение догмы (которым так знамениты радикалы). Пусть наши действия прояснят более тонкие моменты нашей философии. И давайте признаем, что разнообразие придает жизни не только остроту, но и силу. Все, что необходимо для того, чтобы присоединиться к «Земля прежде всего!», решили мы, это вера в то, что прежде всего — Земля. Кроме этого, «Земля прежде всего!» должна быть достаточно обширной, чтобы объединить уличных поэтов и вышибал из ковбойских баров, агностиков и язычников, вегетарианцев и поедателей сырых стейков, пацифистов и тех, кто думает, что подставить другую щеку — хороший способ получить больное лицо.

Радикалы часто балансируют на грани праведной серьезности. Но мы почувствовали, что если не сможем смеяться над собой, то станем еще одной бандой опасных фанатиков, которых следует держать под замком, подобно ответственным служащим нефтяных компаний. Мало того, что юмор сохраняет здравомыслие группы и индивидуума; он удерживает от высокомерия, важной причины насилия над окружающей средой, и тоже является эффективным оружием. Огонь, страсть, храбрость и эмоции также необходимы.

Мы были слишком рассудительны, слишком спокойны, слишком понимающи. Пришло время стать сердитыми, кричать, позволить гневу излиться на то, что рак человечества делает с Землей, и быть бескомпромиссными. Для «Земля прежде всего!» нет перемирия или прекращения огня. Никакой капитуляции. Никакого раздела территории.

С тех пор, как земные богини Древней Греции были вытеснены мужественными Олимпийцами, угнетение женщин и Земли шли рука об руку с империализмом. «Земля прежде всего!» решила быть незаорганизованной: никаких служащих, никакого регламента или конституции, никаких учреждений, никакого налогового статуса, только собрание женщин и мужчин, преданных Земле. На рубеже столетий Уильям Грэм Самнер написал известное эссе, называющееся «Завоевание Соединенных Штатов Испанией». Его мысль состояла в том, что Испания все-таки выиграла испано-американскую войну, потому что Соединенные Штаты восприняли империализм и тоталитаризм Испании. Мы чувствовали, что, если примем организацию индустриального государства, то вскоре воспримем и их антропоцентричную парадигму, как это во многом уже произошло с Одюбоном и Сьерра-Клубом.

И когда мы вдохновились, мы действуем.

Массивно, мощно, как в произведении Дарта Вейдера, дамба Глен Каньона перегораживает каньон Колорадо-Ривер на границе штатов Аризона и Юта и задерживает холодные, мертвые воды «Озера» Пауэлл примерно на 180 миль вверх по течению, затапливая наиболее поразительный и волшебный каньон на Земле. Дамба Глен Каньона больше, чем что-либо другое, является символом разрушения дикой природы, технологического изнасилования Запада. Самая прекрасная фантазия эковоинов Запада — разрушение дамбы и освобождение Колорадо. Так что вполне естественно, что 21 марта 1981 года во время весеннего равноденствия — традиционного времени возрождения — «Земля прежде всего!» провела свое первое национальное собрание на дамбе Глен Каньона.

Тем утром семьдесят пять членов «Земля прежде всего!» выстроились на пешеходной части моста через Колорадо Ривер, в семистах футах над когда-то свободной рекой и наблюдали за пятью соотечественниками, занятыми с неудобным черным свертком на массивной дамбе чуть выше по течению. Те, кто стоял на мосту, держали плакаты гласящие «Проклятье Ватту, а не рекам», «Освободите Колорадо», и «Пусть течет». Пятеро из нас на дамбе прикрепили веревки к решетке, выкрикивая «Земля прежде всего!», и дали тремстам футам черной пластмассы развернуться вниз по стене дамбы, создавая впечатление растущей трещины. Те, кто стоял на мосту, ответили приветствием.

Потом Эдвард Эбби, автор «Банды гаечного ключа», рассказал о «зеленой и живой дикой природе», которой был Глен Каньон всего девятнадцать лет назад:

«Они забрали его у нас. Политические деятели Аризоны, Штата Юта, Нью-Мексико, и Колорадо, вкупе с землепосадчиками, городскими и промышленными застройщиками Юго-Запада, украли это сокровище у нас, чтобы нести и продвигать свою сумасшедшую идеологию роста, прибыли и власти — рост ради власти, власть ради роста».

Эбби дал следующий совет на будущее: «Выступайте против, выступайте против разрушения нашей родины этими чуждыми силами из Хьюстона, Токио, Манхэттена, Вашингтона (округ Колумбия) и Пентагона! И если оппозиции недостаточно, мы должны сопротивляться. И если сопротивления недостаточно, тогда ниспровергать».

Едва он закончил речь, как на сцене появилась полиция Службы Парков и помощники шерифа графства Коконино. Пока они допрашивали Хоуви Уолка и меня и пытались разогнать незаконное собрание, запрещенный сельский певец Джонни Сейгбраш (полынь) вел демонстрантов песней еще в течение двадцати минут.

Выходка на дамбе Глен Каньона принесла группе «Земля прежде всего!» неожиданно много внимания со стороны средств массовой информации. Количество его членов быстро перевалило за тысячу человек, от уроженцев штата Мэн до Гавайев. Даже правительство заинтересовалось. По сообщениям от дружественных зрителей парка, ФБР обработало порошком всю трещину дамбы Глен Каньона в поисках отпечатков пальцев!

Когда мы создавали «Земля прежде всего!», то ощущали растущий радикализм окружающей среды в стране, но не ожидали такой реакции. Возможно, «Земля прежде всего!» оказалась в нужном месте в нужное время.

“ «Но что Вы реально можете сделать? Как вы будете бороться с Эксон, Корз, Мировым Банком, Японией, и другими гигантами Земли? Как Вы будете бороться с доминирующими догмами западной цивилизации?», — ухмыльнется циник.

Возможно, это и безнадежная борьба. Но тот, кто любит Землю, не может сделать меньше. Возможно, будет спасен какой-то вид, или останется невырубленным лес, или будет разрушена дамба. Возможно, и нет. Гаечный ключ, брошенный в шестерни машины, может и не остановить этого. Но он может помешать, заставить заплатить дорожке. И когда ты бросаешь его туда, хорошо себя чувствуешь.

Поставить Землю вначале

Сейчас времена, когда испытываются души людей; летний солдат и патриот солнечного света будут уклоняться во время этого кризиса от службы своей стране, но тот, кто выстоит теперь, заслуживает любви и благодарности мужчин и женщин.

Томас Пейн

В июле 1987 года, спустя семь лет после рождения у походного костра группы «Земля прежде всего!», я пробрался в рассеянных лучах солнечного света среди Сосен Пондероза на северный склон Гранд-Каньона и соорудил сцену, украшенную знаменами «Земля прежде всего!» и американскими флагами. Передо мной сидело несколько сотен человек: хиппи в украшенных бахромой рубашках, жители диких земель в ковбойских ботинках и шляпах, путешественники из среднего класса в плетеных шлепанцах, седобородые и дети. Разнообразие было впечатляющим. Энергия была через край. Никогда в своих самых диких мечтах я не воображал, что движение «Земля прежде всего!» привлечет так много людей. Никогда я не надеялся, что мы сможем нанести такой удар. Мы привлекли внимание нации; мы вели дебаты по экологическим вопросам; мы стали легендой в природоохранной науке.

Тем не менее, через семь лет я начал опасаться, что мы несколько утратили ясность цели, а наш прицел сбился. Во время создания «Земля прежде всего!», я сказал: «Пусть в наших действиях определяются тонкости нашей философии». Но теперь меня беспокоило то, что в наших действиях что могло бы подавить почему. Для некоторых из недавно вовлеченных в движение «Земля прежде всего!», действие, казалось, стало своим собственным оправданием. Я ощутил потребность возвратиться к основам дикой природы, ясно сформулировать то, что я считал принципами, которые определили движение «Земля прежде всего!» и дали ему яркую индивидуальность. Реакция на принципы, которые я предложил в тот день, была настолько положительной, что я подробно рассмотрел их в журнале «Земля прежде всего!» осенью того же года. Вот они:

Благополучие Земли превыше всего, если это необходимо, даже превыше благополучия человека. Наше движение называется «Земля прежде всего!», а не «Люди прежде всего!». Иногда то, что кажется сиюминутным интересом человечества, отдельной группы людей или индивидуума, является роковым для кратковременного или долговременного здоровья биосферы (и для долгосрочного благополучия людей). «Земля прежде всего!» заявляет не о том, что нужно сохранить исконное разнообразие, если это не отразится негативно на «уровне жизни» группы человеческих существ. Мы прямо заявляем, что исконное разнообразие должно быть сохранено, что природное разнообразие, развивавшееся в течение трех с половиной миллиардов лет должно остаться свободным. Люди должны приспособиться к планете; было бы слишком самонадеянно ожидать, что планета и все, что она содержит, приспособится к требованиям людей. Во всех проявлениях человеческого общества, в первую очередь, следует принимать во внимание долговременное благополучие

и биологическое разнообразие Земли. После этого мы сможем уделить внимание благополучию людей. Мы должны быть добры, сострадательны и заботливы к другим людям, но Земля имеет приоритет.

Отказаться считать мерилем ценности человеческие существа. Отдельная человеческая жизнь имеет не большую внутреннюю ценность, чем жизнь отдельного Медведя Гризли. Человеческие страдания от засухи и голода в Эфиопии, конечно же, трагичны, но уничтожение других существ и мест обитания является даже более трагичным. Отсюда вытекает следующий пункт.

Безоговорочное принятие философии Глубинной Экологии или биоцентризма. Эта философия заявляет прямо и по существу, что все живущие существа и сообщества обладают внутренней ценностью, внутренним достоинством. Природные существа живут ради самих себя — еще один способ сказать, что они имеют ценность. Другие существа (как животные, так и растения) и даже так называемые «неодушевленные» объекты, реки и горы, созданы не для удобства человеческих существ. Наше биоцентрическое мировоззрение отрицает современную концепцию «ресурсов». Доминирующей философией нашего времени (которая содержит иудейство-христианство, ислам, капитализм, марксизм, научность и светский гуманизм) является антропоцентризм. Он помещает людей в центр Вселенной, отделяет их от природы и наделяет их уникальной ценностью. Члены «Земля прежде всего!» находятся в прямой оппозиции к этой философии. Наше, экологическое, мировоззрение рассматривает Землю как сообщество, а таких очевидных врагов как «болезнь» (например, малярия) и «вредители» (например, москиты) не как проявления зла, с которым нужно бороться, а скорее как жизненно важные и необходимые компоненты сложной и яркой биосферы.

Понимание того, что дикая природа — это реальный мир. Сохранение дикой природы представляет собой основополагающий вопрос. Дикая природа — не парки для туризма или пейзаж. Это — целый мир, арена эволюции, котел, из которого появились люди, дом для тех, с кем мы разделяем эту планету. Дикая природа — это реальный мир; наши города, компьютеры, самолеты, глобальная деловая цивилизация — искусственные и преходящие явления. Важно помнить, что только крошечная часть истории человеческого вида протекала вне дикой природы. Самая важная проблема — сохранение дикости и исконного разнообразия. Проблемы, затрагивающие непосредственно людей, не идут ни в какое сравнение. Конечно, экология учит нас, что все вещи связаны, и в этом отношении все другие вопросы становятся подвопросами сохранения дикой природы — предотвращение ядерной войны, например, но наиболее важные кампании, проводящиеся сегодня, это те, которые проводятся непосредственно от имени дикой природы.

Признание того, что на Земле существует слишком много людей. Нас слишком много повсюду — в Соединенных Штатах, в Нигерии, городах, сельских районах, с мотыгами и тракторами. Хотя очевидно существование вопиюще несправедливого распределения богатства и основных жизненных благ среди людей, этот факт неправильно использовать — как это хотели бы сделать некоторые левые — для того, чтобы утверждать, что перенаселенность не является проблемой. Это значительная часть проблемы; нас уже слишком много — и наша численность продолжает астрономически расти. Даже если

решить проблему несправедливого распределения, существуют шесть миллиардов человеческих существ, преобразовывающих природный мир в материальные товары и продовольствие и опустошающих природное разнообразие.

Это базовое признание проблемы перенаселенности не подразумевает, что мы должны игнорировать экономические и социальные причины перенаселенности и не должны критиковать накопление богатства во все меньшем и меньшем количестве рук, несправедливое распределение «ресурсов» и продажность многонациональных корпораций и хунт Третьего мира, мы просто должны понять, что Большие Синие Киты, Ягуары, Черные Носороги, и дождевые леса не совместимы с демографическим взрывом¹.

Двумя превосходными книгами по проблеме населения, которые освещают также социально-экономические проблемы, являются «Перелет. Экологическая основа для революционного изменения» Уильям Р. Каттона-младшего (Урбана, Иллинойс и издательство Чикагского Университета штата Иллинойс, 1982 г.) и «Демографический взрыв» Пола и Энн Эрлих (Нью-Йорк Саймон и Шустер, 1990 г.) Интересующиеся сохранением биоразнообразия не должны их пропустить.

Глубокое сомнение, и даже антипатия к «прогрессу» и «технологии». Рассматривая человеческую историю, мы можем заметить, что больше потеряли в нашем «подъеме» к цивилизации, чем выиграли. Жизнь в охотничье-собирательском обществе была в целом более здоровой, счастливой и безопасной, чем жизнь современного крестьянина, промышленного рабочего или служащего в бизнесе. На каждое материальное «достижение» прогресса, приходится дюжина потерь глубокой и невыразимой ценности. Мы можем с гордостью принимать бранные слова «луддит» и «неандерталец». (Это не значит, что мы должны немедленно начать избегать всех проявлений технологической цивилизации. Мы принадлежим к ней и используем ее; но из этого не следует, что мы не можем критиковать ее.)

Отказ от рационального мышления как единственно возможного. Внутри «Земля прежде всего!» достаточно места для большого разнообразия мнений по духовным вопросам, и нигде терпимость к разнообразию не является настолько необходимой. Но мы признаем, что линейное, рациональное, логически мыслящее левое полушарие мозга представляет собой только часть нашего мозга и сознания. Рациональность представляет собой прекрасный и полезный инструмент, но это всего лишь инструмент, один из способов анализа вопросов. Такую же, возможно даже большую, силу имеет интуитивное, инстинктивное понимание. Мы скорее постигнем истину в дикой природе, чем сидя в библиотеке. Чтение книг, участие в логических дискуссиях и компилирование фактов и чисел являются сегодня необходимыми, но они не единственные способы постигать мир и нашу жизнь. Часто в критической ситуации более эффективны наши инстинкты, чем осторожный рациональный анализ. Видя пациента, истекающего кровью, вы не будете ждать, когда сделают все анализы. Ваш внутренний голос говорит: « Действуй!». Так же действует «Земля прежде всего!», видя сегодня Землю в критическом положении.

Не добиваться респектабельности или «легитимности» в глазах банды головорезов, управляющих человеческой цивилизацией. В основе человеческой природы лежит желание

быть принятым социальной средой. Неприятно быть в глазах общественного мнения «чокнутым», «террористом», «сумасшедшим» или «экстремистом». Но мы — не сумасшедшие; мы — здоровые люди в безумном человеческом обществе и здоровом природном мире. Мы не вызываем «доверия» у сенатора или председателя, но и они не вызывают доверия у нас! (Они, однако, обращают на нас внимание). Они — безумцы, разрушающие чистое и красивое. Почему мы должны «разглагольствовать» с ними? Мы не разделяем одного и того же мировоззрения или ценностей. Однако, необходимо избежать и опасной ловушки, в которую попадают некоторые альтернативные группы: мы добьемся немногого, будучи намеренно агрессивными и попытавшись отпугнуть других. Мы можем быть сильными и упорными, не будучи неприятными.

Американская система очень эффективно поглощает и смягчает диссидентов, сначала оказывая им внимание, а затем поощряя быть «разумными», чтобы их идеи воспринимались всерьез. Обсуждение в вечерних новостях, на передней полосе газеты, в национальном журнале — все эти методы использует истеблишмент, чтобы соблазнить человека разделить его мировоззрение и сесть за стол переговоров в поисках компромисса. Действия «Земля прежде всего!» — одновременно смелые и комичные — привлекают внимание. Чтобы они достигали цели, мы должны сопротивляться искушению респектабельности, легитимности и участия в принятии решений. Мы разрушаем систему, а не преобразуем ее. В то же время крайне необходимо, чтобы аргументы и действия «Земля прежде всего!» основывались на экологии и имели биологическую респектабельность.

Стремление выйти за пределы затасканных и потертых догм левых, правых и центристов. Доктрины, обвиняющие капитализм, коммунизм или дьявола во всех проблемах в мире, на самом деле представляют собой междоусобные разборки между различными фракциями гуманизма. Да, многонациональные корпорации совершают большое зло (Советский Союз, по существу, является управляемой государством многонациональной корпорацией); в мире существует много несправедливости; богатые богатеют, а бедные беднеют — но во всех проблемах нельзя обвинить плохих капиталистов Соединенных Штатов, Европы и Японии. «Земля прежде всего!» не является ни левой, ни правой; мы даже не впереди. «Земля прежде всего!» вообще не должна участвовать в политической борьбе между гуманистическими сектами. Мы участвуем в совершенно другой игре.

Нежелание возносить какую-либо этническую, классовую или политическую группу людей на пьедестал и делать их неприкосновенными для вопросов. Легко, конечно, признавать, что белые мужчины Северной Америки и Европы (также как и японцы) несут основную ответственность за беспорядок, в котором мы находимся; что потребители высшего и среднего класса из Первого Мира получают львиную долю всемирных «ресурсов» и поэтому вызывают большее разрушение на душу населения, чем другие народы. Но из этого не следует, что все остальные безупречны.

Движение «Земля прежде всего!» родственно аборигенным народам во всем мире. Совершенно очевидно, что они находятся в наиболее близких и уважительных отношениях с природным миром. «Земля прежде всего!» должно поддерживать такие племена в общей борьбе, когда это только возможно, если это не противоречит нашим идеалам. Например, мы поддерживаем Дайн (навахо) Большой Горы против переселения, но это не означает, что

мы не видим серьезного перевыпаса овец в резервации навахо. Мы можем поддерживать образ жизни аборигенов Аляски и помогать им получать средства для пропитания, но не должны молчать о сплошной вырубке туземными корпорациями старовозрастного леса в юго-восточной Аляске или о давлении Эскимосской Корпорации Дойон в пользу разведки нефти и развития в Арктическом национальном убежище диких животных. Было бы расизмом осуждать или извинять кого-либо, основываясь на этнической принадлежности.

Точно так же мы непоследовательны, когда мы критикуем Чарльза Гурвица за уничтожение последних диких лесов секвойи, в то же время испытывая симпатию к лесорубам, работающим на него. Индустриальные рабочие, вообще-то, разделяют вину за разрушение природного мира. Возможно, их и притесняют парни с большими деньгами, но обычно они являются ревностными служащими, которые разделяют мнение своих боссов, что Земля является «шведским столом» ресурсов, которые следует брать. Фактически, иногда, именно упрямый йомен из неотесанного пролетариата совершает наиболее жестокие и разрушительные действия в природе (и по отношению к тем, кто хочет защитить ее). Рабочие — жертвы несправедливой экономической системы, но это не оправдывает того, что они делают. В то же время некоторые лесные рабочие выступают против уничтожения древних лесов, а некоторые могут даже быть членами «Земля прежде всего!», но неправильно не замечать злоупотреблений природным миром только из-за места, которое преступники занимают на экономической лестнице.

Конечно, большие лесозаготовительные компании манипулируют рабочими, угрожая закрыть заводы и прекратить разработки в областях дикой природы, но многие лесорубы (водители тракторов, рабочие нефтяных месторождений, шахтеры и т.п.) просто ненавидят дикое и получают удовольствие от «цивилизации» его. Даже экологическое просвещение рабочих изменит немногих; существуют базовые различия мнений и ценностей. Защитники природы должны искать точки соприкосновения с ними всякий раз, когда это возможно, но чем скорее мы избавимся от марксистских представлений о благородном пролетариате, тем лучше.

Позволить нашим действиям определять нюансы нашей философии и признавать, что мы должны действовать. Можно вести бесконечные дебаты о тонкостях догмы, считая, что прежде, чем действовать, необходимо исследовать каждый нюанс. Многие политические движения стали простыми дискуссионными клубами, где участники вовлекаются в философскую мастурбацию и никогда не переходят к живому делу. Можно доказывать, что нельзя ратовать за сохранение окружающей среды, пока вы не ведете чистый, не оказывающий воздействия на окружающую среду образ жизни. Мы не будем забивать себе голову этими вещами и ни один из нас никогда полностью не избавится от загрязняющего образа жизни. Но мы можем храбро и решительно действовать из любви к дикому и свободному. Мы не можем быть совершенными, но мы можем действовать. Мы — воины. «Земля прежде всего!» представляет собой общество воинов. Нам есть, что делать.

Признать, что мы должны изменить свой образ жизни, сделать его более согласным с природой. Мы должны сторониться излишеств. Хотя в различной степени мы все являемся пленниками нашей экономической системы и не можем полностью вырваться на свободу, мы должны, насколько это возможно, практиковать то, что мы проповедуем. Арне Нэйс,

норвежский философ и создатель термина «глубинная экология», указывает, что мы не способны достигнуть истинного «глубинно экологического» образа жизни, но каждый из нас должен стремиться к этому. Большинство из нас должно зарабатывать на жизнь, что связано с определенной степенью участия в «системе». Даже активисты идут на компромиссы — полет в реактивном лайнере, чтобы повесить флаг на Мировом Банке в Вашингтоне (округ Колумбия) с целью привлечения международного внимания к тяжелому положению тропических дождевых лесов; использование компьютера для написания книг, которые будут побуждать людей к действию, напечатанных на древесной целлюлозе; вождение грузовика-пикапа по лесной дороге, чтобы получить доступ к предложенной на продажу древесине. Мы должны осознавать эти компромиссы, и делать все возможное, чтобы ограничить свое воздействие.

Сохранять чувство юмора и радость жизни. Большинство радикалов — суровые, святее Папы Римского, лишенные чувства юмора люди. Члены «Земля прежде всего!» хотят быть другими. Мы не бунтуем против системы, потому что мы в ней — неудачники. Мы боремся за красоту, за жизнь, за радость. Мы веселимся, радуясь дикой природе, улыбаемся цветку и колибри. Мы смеемся. Мы смеемся над нашими противниками и, что более важно, над самими собой.

Осознание того, что мы являемся животными. Люди являются приматами, млекопитающими, позвоночными. Члены «Земля прежде всего!» признают свою принадлежность к животным; мы отвергаем эко-болтовню Нового Века, которая гласит, что мы должны преодолеть свои животные инстинкты и взять на себя контроль за эволюцией, чтобы стать высшими, моральными существами. Мы полагаем, что должны возвратиться к животному состоянию, к прославлению своего пота, гормонов, слез и крови. Мы боремся против того, чтобы стать унылыми, бесстрастными андроидами. Мы не живем стерильной, логичной жизнью; мы чувствуем запах, вкус, видим, слышим и чувствуем Землю; мы живем с удовольствием. Мы — Животные.

Признание движения «гаечного ключа» (экосаботажа) законным инструментом для сохранения природного разнообразия. Не все члены «Земля прежде всего!» занимаются саботажем, и даже не большинство, но в целом мы принимаем идею и практику движения «гаечного ключа». Посмотрите на футболку «Земля прежде всего!». Гаечный ключ на ней является символом сопротивления, наследником сабо — деревянного башмака, который бросали в шестерни, чтобы остановить машину; от него и происходит слово саботаж. Наше племя объединяет, наряду с мистикой и знанием «ночной работы», общее признание того, что стратегический саботаж является легитимным инструментом для защиты дикого.

И, наконец, «Земля прежде всего!» является обществом воинов. В дополнение к нашей абсолютной преданности и любви к этой живой планете, нас характеризует готовность защитить изобилие Земли и разнообразие жизни, даже если это потребует пожертвовать комфортом, свободой, безопасностью, или, в конечном счете, жизнью. Воин признает, что его жизнь — не самая важная вещь в его жизни. Помимо его жизни существуют более важные вещи, которые надо защитить. Для нас, членов «Земля прежде всего!», этими вещами являются Земля, эволюционный процесс, миллионы других видов, с которыми мы разделяем эту яркую сферу в пустоте космоса.

Не каждый может стать воином. Есть много других ролей, которые можно — и нужно — играть в защите Земли. Не обязательно постоянно нести бремя принадлежности к воинам; это может быть только краткий миг в жизни человека. Есть риск и ловушки на этом пути. Можно не дожидаться аплодисментов, почестей и вознаграждений от человечества. Но нет более желанных аплодисментов для воина Земли, чем крик полярной гагары в сумерках или вздох ветра в соснах.

Тем вечером, глядя на темнеющий Гранд Каньон, я знал, что какие бы трудности ни принесло будущее, в нем не будет ничего лучшего и более важного для меня, чем занять непримиримую позицию в защиту жизни, не вступать в компромиссы, продолжать воевать за Землю. Быть воином Земли независимо от последствий.

Кто говорит за Волка?

Все хорошие вещи являются дикими и свободными.

Генри Торо

В двадцатом столетии множество вдумчивых авторов, включая жену фермера Мэри Остин и лесника Олдо Леопольда, английского романиста и поэта Д.Х. Лоуренса придирчиво исследовали толстый ворох проблем XVII столетия. Джон Мюир, в большей степени, чем любой другой, положил начало движению охраны природы, от него исходил подспудный скептицизм, подводное течение в главном потоке охраны природы.

Но все попытки найти путь назад к скалистому Плимутскому берегу, чтобы обнаружить сквозь туман времени заросшую развилку тропы, которую мы пропустили много поколений назад, должны были дожидаться появления природоохранного движения и движения «Назад к земле» 1960-ых годов. В северных предгорьях Сьерра-Невады в Калифорнии осел поэт Гари Снайдер и пустил корни, которые, как он надеялся, будут сохраняться тысячу лет. В 1981 году разработчик идей Стюарт Бранд попросил Питера Берга и Стефани Миллз произвести гостевое редактирование специального выпуска его ежеквартального биорегионального журнала «Ко-эволюция» — имя, данное этой совокупности американского опыта второго шанса.

К 1984 году биорегиональные группы возникли по всему континенту как сказочные грибы после теплого дождя, и в Озаркс был созван первый Всеамериканский биорегиональный конгресс.

Одна из ключевых концепций биорегионализма состоит в том, что современные политические границы не имеют никакого отношения к природным экологическим областям. Биорегионалисты утверждают, что человеческое общество, а, следовательно, политика и экономика, должно быть основано на природных экосистемах. Они находят родственные черты с индейскими племенами, баскскими, уэльскими и курдскими сепаратистами, и не испытывают никакой симпатии к современному этническому государству, империи, или многонациональной корпорации.

Питер Берг и Раймонд Дасманн в книге 1978 года «Заселение заново отдельной страны»¹, наметили курс биорегионализма. «Жить на своей земле, — говорят они, — означает удовлетворять те потребности и получать те удовольствия от жизни, которые позволяет именно это уникальное конкретное место и искать способы обеспечить долговременное проживание на этой территории. Общество, которое практикует жизнь на своей земле, поддерживает равновесие через связи между человеческими жизнями, другими живыми существами и процессами планеты — временами года, погодой, водными циклами, — которые предоставлены самим местом. Оно — полная противоположность общества, которое обеспечивает свое существование посредством краткосрочной разрушительной

эксплуатации земли и жизни.

1 Сан-Франциско: Фонд «Барабан Планеты», 1978 год.

Далее они пишут: «Заселение земли заново означает научиться жить на своей земле в области, которая была разрушена и повреждена в результате эксплуатации в прошлом. Это означает сродниться с ней через осознание специфических экологических отношений, которые действуют внутри и вокруг нее».

Таким образом, биорегионализм кровно заинтересован в концепции проживания на своей земле, далеко отстоящей от пригородов, городов и ферм нашего континента. Заселение заново связано с умением приспособить себя к месту, а не место к себе; это значит стать частью уже существующего сообщества — природного сообщества зверей и птиц, рыб и растений, рек и гор, равнин и морей. Это означает стать частью пищевой цепи, водного цикла, окружающей среды именно этой природной среды, вместо навязывания ей сконцентрированного на человеке, технологического порядка. На Северном Тихоокеанском побережье это означает присоединиться к сообществу Лосося, Ели Дугласа, больших рек и дождя; в Южной Аризоне — к сообществу Сагуаро, Джавелины, пересыхающих русел и летних гроз; в Северных Скалистых горах — к сообществу Гризли, Лося, Корабельной сосны и долгой зимы.

Для Америки биорегионализм означает получить второй шанс в Новом Свете, другую возможность встретить этот духовный вызов.

Несмотря на то, что в пределах биорегионального движения существует много течений, я надеюсь, что большинство из тех, кто считает себя его частью, пришли бы к согласию бы по следующим моментам:

Мы стремимся к новому определению «сообщества». Мы отвергаем священность прогресса и технологии; и поворачиваемся к искусству и бытию. Мы признаем, что являемся частью природной экосистемы, в которой живем. Мы ищем новые (старые) пути, ведущие от иерархии к племенной организации. Мы танцуем, а не маршируем. Мы ниспровергаем доминирующую парадигму, а не реформируем ее; мы ниспровергаем ее, создавая свой собственный мир и избегая конфронтации — используя мощь машины против нее самой, применяя в политике принципы восточных боевых искусств. Таким образом биорегиональное движение выходит за пределы того, что, к сожалению, стало узкими границами движения защиты окружающей среды. Защита окружающей среды стала прогрессивным, но лояльным придворным доминирующего индустриального порядка. Ее мировоззрение исповедует полдюжины миллиардов людей, этнических государств, частных автомобилей и людей в деловых костюмах на каждом континенте.

Нет никакой надежды на реформу индустриальной империи. Современное общество представляет собой гоночный автомобиль без водителя и тормозов, едущий со скоростью девяносто миль в час вниз по тупиковой улице с кирпичной стеной в конце. Биорегионализм это то, что находится по другую сторону этой стены.

Конечно, даже сторонникам «возвращения к земле» в контркультуре, передовым постлиберальным мыслителям и радикальным защитникам природы нелегко подвергнуть сомнению весь европейский опыт на этом континенте. В то же время как мы стремимся стать продуктом этой земли — Черепашьего Острова, как индейцы называли Северную Америку, — мы являемся продуктом почти четырех столетий английской колонизации и восьми тысячелетий западной цивилизации.

Трудно стоять на западном краю Атлантики, спиной к Европе, и понимать, что здесь можно найти что-то новое, чистое, невинное и правильное. Трудно перестать быть англичанином и стать американцем. Тем более, что наши представления о Новой Земле являются слабыми, потерянными в дыму и тумане истории и мифов воспоминаниями, что единственная Северная Америка, которую мы знаем хорошо, — это Америка, переделанная по европейской мерке. Этот факт, вместе с привлекательной легкой жизнью этой нео-Европы, соблазняют нас с ухабистой тропы в болотах и Белых Сосновых рощах.

Не удивительно, что биорегиональное движение, кажется, увязло в грязи и чащобах этой тропы, что трудности возвращают нас обратно к легкому, уже пройденному пути. Я различаю три общих области, где биорегионализм отступает к широкой магистрали американской истории или в тупики беспольности: одержимость подходящей технологией; абсолютная вера в местный контроль и акцент на человеческих существах. Подходящая маломасштабная технология и простой, мягкий, дружественный Земле образ жизни представляют собой существенные аспекты биорегионализма. Развивая их, биорегионализм не только ставит перед движением защиты окружающей среды трудную задачу, практиковать то, что оно проповедует, но и предлагает нашему глобальному деловому обществу жизнеспособную, более здоровую альтернативу. И все же слишком часто увязает в своих биотуалетах, органических садах, велосипедах, ручных ремеслах, повторных батареях, солнечных коллекторах, ветрогенераторах, системах бартера, древесных печах... Эти средства устойчивого образа жизни действительно важны, но биорегионализм — больше чем техника; это восстановление священности и самозащита. Подходящая технология — средство для достижения цели, но не цель сама по себе. Целью является заселение заново¹.

¹Кристоф Мейнз, автор «Зеленой ярости» и Джон Дэвис, редактор журнала «Земля прежде всего!», утверждают, что ни одна технология не является подходящей, что технология по своей сути отличается от инструментов и ремесел. Их точку зрения не должны отбрасывать как простую семантику; она затрагивает суть вопроса о человеческой манипуляции нашей окружающей средой.

В прославлении местного контроля, биорегионализм может закончить ниспровержением самого себя, чтобы соответствовать видению «природного мира как супермаркета» неотесанным пролетариатом сельских районов Северной Америки. В то время как местный контроль за землей хорош в теории и как долгосрочная цель (после того, как мы верно оценим эту землю и согласимся приспособиться к ней), давайте не забывать о том, что в большинстве западных штатов было бы немного охраняемых диких или других природных областей, если бы это оставили на усмотрение политических деятелей или сельских жителей этих штатов.

Как бывший лоббист охраны природы, я могу часами возмущаться некомпетентностью и глупостью членов Конгресса, недостатком их интереса к природе, и тем, что их контролируют индустриальные корпорации. Но Конгресс — светоч экологического просвещения по сравнению с большинством законодательных собраний штатов или того хуже, сельской комиссией графства. У нас не было бы 100 миллионов акров Национальных Парков, Заповедников, Памятников, Убежищ для диких животных, Областей дикой природы и Диких рек на Аляске, если бы этот вопрос был оставлен на усмотрение населения и политических деятелей Аляски. Недавние Национальные законопроекты по Лесным областям дикой природы для штатов Юта, Вайоминг, Нью-Мексико, Аризона и других не прошли бы, если бы они не опирались на общенациональную точку зрения и общественность. Какими бы посредственными они ни были, эти законопроекты спасли какую-то часть дикой природы. Можете держать пари, что в Восточных Штатах, Калифорнии, Орегоне, Вашингтоне и Колорадо именно городские жители, а не местное сельское население превалировали в заповедании.

В безмятежный период моей жизни в маленьком городке в Национальном Лесу Джила в Нью-Мексико я наблюдал как сторонники движения «Назад к земле» приезжали на места с мечтами об областях дикой природы и готовностью политическими действиями защитить дикую природу, но, по мере роста потребности в долларовых купюрах и социальном признании среди добрых старых мальчиков и девочек графства, часть этих господ натуралов стало жалкими жлобами, обвешанными бензопилами, капканами, фургонами и нытьем по поводу того, как федеральное правительство ограничивает их «право» развивать «их» природные ресурсы за доллары в банке.

Преимущества местного контроля общественных земель по сравнению с национальным можно обсуждать бесконечно, но биорегионалистов должно больше заботить то, чтобы не позволять идеалистической цели местного контроля и самодостаточности уничтожить более высокую цель сохранения дикого природного разнообразия.

Для того, чтобы биорегионализм работал, чтобы он представлял ясную альтернативу создания мира на развалинах индустриального государства, необходимо заниматься более глубокими вопросами, чем альтернативная технология и неиерархическое человеческое общество — более важными вопросами, чем люди. Биорегионалист должен сопротивляться бранным просьбам слева и справа и господствующей тенденции больше беспокоиться о проблемах социально-экономических, чем экологических. Философия, мировоззрение и религия биорегионализма должна быть биоцентрической. Чтобы повторно заселить место, сформировать сообщество вместе с теми, кто там живет, и получить второй шанс в Америке, мы должны сопротивляться искушению присвоить себе руководящую роль. Другие существа — четвероногие, крылатые, шестиногие, укорененные, текущие — имеют столько же прав быть на этом месте, что и мы; они имеют ценность, полностью независимую от любой ценности, которую они имеют для людей.

Конечно, человек тоже должен зарабатывать себе на жизнь. Потребности в пище, воде, укрытии и другие должны быть удовлетворены. Защитники глубинной экологии не отрицают, что люди имеют право удовлетворять жизненные потребности с помощью экосистемы. Проблемы возникают, когда люди выходят за пределы своих жизненных

потребностей или когда они превышают свои полномочия. Пол и Энн Ерлич указывают, что воздействие людей на природное сообщество определяется совокупностью народонаселения, технологии и достатка. Увеличьте любой из этих факторов, и воздействие будет увеличено. «Практическое применение биоцентрической философии будет центральной задачей биорегионализма на следующую тысячу лет».

В наиболее классической форме, биоцентризм может проявляться первопоселенцами таким же образом, каким индейцы онейда сохранили ощущение своего места в природном мире. Согласно преданиям Онейда¹, численность их племени когда-то так сильно возросла, что часть из них была вынуждена отправиться на поиски нового места для жизни. Они нашли замечательное место и переселились туда. Однако, после обнаружили, что «выбрали Центральное Место великого сообщества Волка». Но люди не пожелали уходить. Через некоторое время они пришли к выводу, что места и для них, и для Волка не хватает. Тогда совет постановил, что они истребят всех волков до единого. Но когда они представили, кем они станут впоследствии, «то не захотели становиться такими людьми».

1 Паула Андервуд Спенсер, «Кто говорит за волка» (Остин: Издательство Tribe of Two Press, 1983 г.).

Так люди изобрели способ ограничить свое воздействие: во всех случаях, они спрашивали «кто говорит за Волка?» и, таким образом, учитывали интересы негуманоидного мира.

В наших советах и решениях, как индивидуальных, так и коллективных, мы не должны забывать, тех, кто не представлен. Мы должны представлять их сами. Кто говорит за Волка? Касатку? Красного Хохлатого Дятла? Дуб? Мы должны постоянно расширять сообщество, чтобы включить всех.

Далее, мы должны показывать сдержанность и применять самозащиту. В каждом биорегионе должны быть обширные области, не используемые человеком, оставленные нетронутыми, чтобы продолжить важную работу эволюции.

Основным шедевром каждой биорегиональной группы должен стать большой центральный заповедник дикой природы, где сохраняются все местные существа и естественное течение событий. Необходимо учреждать и охранять во всем биорегионе большие и малые заповедники дикой природы и организовывать природные коридоры, чтобы сделать возможным свободное перемещение генетического материала между ними и такими же заповедниками в других биорегионах. Они должны охранять не только «камень и лед» высоких, отдаленных гор, но и часть менее суровой, биологически более производительной земли в каждом биорегионе. Их разработка и учреждение должна стать ключевой частью биорегиональной деятельности. Во многих случаях, будет необходимо временное переходное управление, чтобы помочь природе восстановить до дикого состояния большие области. Должны быть возвращены, если это возможно, истребленные коренные животные. Чтобы восстановить лососевые реки и зоны сплошной вырубki, снова засеять прерии, устранить дороги необходимо практически заселение заново.

Эти центральные заповедники дикой природы должны быть святынями для нас как людей, заселяющих заново, но они даже более чем священны для нас, будучи просто тем, чем они есть — запасами туземного разнообразия. Местом вне добра и зла, местом, где живое существо может просто жить.

Хотя работа над такими заповедниками является центральной задачей биорегионализма, можно смело утверждать, что учреждение большого числа таких заповедников в современном человеческом обществе маловероятно, и что это реально только по другую сторону стены. Однако, они должны стать центром, который объединит все наши усилия, начиная с этого дня.

И именно так воинствующие общества, такие как «Земля прежде всего!» входят в биорегиональный мир. Заселяя землю заново, живя на ней, мы становимся этой землей. Мы принадлежим ей. И самая основная наша обязанность — это обязанность самозащиты. Мы являемся дикой природой, защищающей саму себя. Развивая свои «планы использования земли» с основными заповедниками дикой природы и соединяющими их коридорами, чтобы нести зародышевую плазму дикости, мы набрасываем план кампании нашей самозащиты. Мы разрабатываем план управления нашим регионом. Затем мы начинаем осуществлять его. Если умирающая индустриальная империя пытается посягнуть на наши священные заповедники, мы сопротивляемся этому. В большинстве случаев мы не сможем открыто противостоять ей, потому что она сейчас гораздо мощнее, чем мы. Но используя партизанскую смекалку, мы можем использовать ее силу против нее самой. Тормозите, сопротивляйтесь, ниспровергайте, используя все доступные инструменты: подачу апелляций и судебных исков, применение законодательных шагов — не для того, чтобы реформировать систему, но для того чтобы разрушить ее. Участвуйте в демонстрациях, в ненасильственном гражданском неповиновении, саботируйте. Защищайтесь.

Наша самозащита — это контроль за ущербом, пока машина не пробьет эту кирпичную стену и индустриальная цивилизация не саморазрушится, как она и должна.

Тогда начнется главная работа биорегионализма.

Высокомерие Просвещения

Есть те, кто может жить без диких вещей, и те, кто не может.

Олдо Леопольд

В двадцатом столетии множество вдумчивых авторов, включая жену фермера Мэри Остин и лесника Олдо Леопольда, английского романиста и поэта Д.Х. Лоуренса придирчиво исследовали толстый ворох проблем XVII столетия. Джон Мюир, в большей степени, чем любой другой, положил начало движению охраны природы, от него исходил подспудный скептицизм, подводное течение в главном потоке охраны природы.

Но все попытки найти путь назад к скалистому Плимутскому берегу, чтобы обнаружить сквозь туман времени заросшую развилку тропы, которую мы пропустили много поколений назад, должны были дожидаться появления природоохранного движения и движения «Назад к земле» 1960-ых годов. В северных предгорьях Сьерра-Невады в Калифорнии осел поэт Гари Снайдер и пустил корни, которые, как он надеялся, будут сохраняться тысячу лет. В 1981 году разработчик идей Стюарт Бранд попросил Питера Берга и Стефани Миллз произвести гостевое редактирование специального выпуска его ежеквартального биорегионального журнала «Ко-эволюция» — имя, данное этой совокупности американского опыта второго шанса.

К 1984 году биорегиональные группы возникли по всему континенту как сказочные грибы после теплого дождя, и в Озаркс был созван первый Всеамериканский биорегиональный конгресс.

Одна из ключевых концепций биорегионализма состоит в том, что современные политические границы не имеют никакого отношения к природным экологическим областям. Биорегионалисты утверждают, что человеческое общество, а, следовательно, политика и экономика, должно быть основано на природных экосистемах. Они находят родственные черты с индейскими племенами, баскскими, уэльскими и курдскими сепаратистами, и не испытывают никакой симпатии к современному этническому государству, империи, или многонациональной корпорации.

Питер Берг и Раймонд Дасманн в книге 1978 года «Заселение заново отдельной страны»¹, наметили курс биорегионализма. «Жить на своей земле, — говорят они, — означает удовлетворять те потребности и получать те удовольствия от жизни, которые позволяет именно это уникальное конкретное место и искать способы обеспечить долговременное проживание на этой территории. Общество, которое практикует жизнь на своей земле, поддерживает равновесие через связи между человеческими жизнями, другими живыми существами и процессами планеты — временами года, погодой, водными циклами, — которые предоставлены самим местом. Оно — полная противоположность общества, которое обеспечивает свое существование посредством краткосрочной разрушительной

эксплуатации земли и жизни.

1 Сан-Франциско: Фонд «Барабан Планеты», 1978 год.

Далее они пишут: «Заселение земли заново означает научиться жить на своей земле в области, которая была разрушена и повреждена в результате эксплуатации в прошлом. Это означает сродниться с ней через осознание специфических экологических отношений, которые действуют внутри и вокруг нее».

Таким образом, биорегионализм кровно заинтересован в концепции проживания на своей земле, далеко отстоящей от пригородов, городов и ферм нашего континента. Заселение заново связано с умением приспособить себя к месту, а не место к себе; это значит стать частью уже существующего сообщества — природного сообщества зверей и птиц, рыб и растений, рек и гор, равнин и морей. Это означает стать частью пищевой цепи, водного цикла, окружающей среды именно этой природной среды, вместо навязывания ей сконцентрированного на человеке, технологического порядка. На Северном Тихоокеанском побережье это означает присоединиться к сообществу Лосося, Ели Дугласа, больших рек и дождя; в Южной Аризоне — к сообществу Сагуаро, Джавелины, пересыхающих русел и летних гроз; в Северных Скалистых горах — к сообществу Гризли, Лося, Корабельной сосны и долгой зимы.

Для Америки биорегионализм означает получить второй шанс в Новом Свете, другую возможность встретить этот духовный вызов.

Несмотря на то, что в пределах биорегионального движения существует много течений, я надеюсь, что большинство из тех, кто считает себя его частью, пришли бы к согласию бы по следующим моментам:

Мы стремимся к новому определению «сообщества». Мы отвергаем священность прогресса и технологии; и поворачиваемся к искусству и бытию. Мы признаем, что являемся частью природной экосистемы, в которой живем. Мы ищем новые (старые) пути, ведущие от иерархии к племенной организации. Мы танцуем, а не маршируем. Мы ниспровергаем доминирующую парадигму, а не реформируем ее; мы ниспровергаем ее, создавая свой собственный мир и избегая конфронтации — используя мощь машины против нее самой, применяя в политике принципы восточных боевых искусств. Таким образом биорегиональное движение выходит за пределы того, что, к сожалению, стало узкими границами движения защиты окружающей среды. Защита окружающей среды стала прогрессивным, но лояльным придворным доминирующего индустриального порядка. Ее мировоззрение исповедует полдюжины миллиардов людей, этнических государств, частных автомобилей и людей в деловых костюмах на каждом континенте.

Нет никакой надежды на реформу индустриальной империи. Современное общество представляет собой гоночный автомобиль без водителя и тормозов, едущий со скоростью девяносто миль в час вниз по тупиковой улице с кирпичной стеной в конце. Биорегионализм это то, что находится по другую сторону этой стены.

Конечно, даже сторонникам «возвращения к земле» в контркультуре, передовым постлиберальным мыслителям и радикальным защитникам природы нелегко подвергнуть сомнению весь европейский опыт на этом континенте. В то же время как мы стремимся стать продуктом этой земли — Черепашьего Острова, как индейцы называли Северную Америку, — мы являемся продуктом почти четырех столетий английской колонизации и восьми тысячелетий западной цивилизации.

Трудно стоять на западном краю Атлантики, спиной к Европе, и понимать, что здесь можно найти что-то новое, чистое, невинное и правильное. Трудно перестать быть англичанином и стать американцем. Тем более, что наши представления о Новой Земле являются слабыми, потерянными в дыму и тумане истории и мифов воспоминаниями, что единственная Северная Америка, которую мы знаем хорошо, — это Америка, переделанная по европейской мерке. Этот факт, вместе с привлекательной легкой жизнью этой нео-Европы, соблазняют нас с ухабистой тропы в болотах и Белых Сосновых рощах.

Не удивительно, что биорегиональное движение, кажется, увязло в грязи и чащобах этой тропы, что трудности возвращают нас обратно к легкому, уже пройденному пути. Я различаю три общих области, где биорегионализм отступает к широкой магистрали американской истории или в тупики беспольности: одержимость подходящей технологией; абсолютная вера в местный контроль и акцент на человеческих существах. Подходящая маломасштабная технология и простой, мягкий, дружественный Земле образ жизни представляют собой существенные аспекты биорегионализма. Развивая их, биорегионализм не только ставит перед движением защиты окружающей среды трудную задачу, практиковать то, что оно проповедует, но и предлагает нашему глобальному деловому обществу жизнеспособную, более здоровую альтернативу. И все же слишком часто увязает в своих биотуалетах, органических садах, велосипедах, ручных ремеслах, повторных батареях, солнечных коллекторах, ветрогенераторах, системах бартера, древесных печах... Эти средства устойчивого образа жизни действительно важны, но биорегионализм — больше чем техника; это восстановление священности и самозащита. Подходящая технология — средство для достижения цели, но не цель сама по себе. Целью является заселение заново¹.

¹Кристоф Мейнз, автор «Зеленой ярости» и Джон Дэвис, редактор журнала «Земля прежде всего!», утверждают, что ни одна технология не является подходящей, что технология по своей сути отличается от инструментов и ремесел. Их точку зрения не должны отбрасывать как простую семантику; она затрагивает суть вопроса о человеческой манипуляции нашей окружающей средой.

В прославлении местного контроля, биорегионализм может закончить ниспровержением самого себя, чтобы соответствовать видению «природного мира как супермаркета» неотесанным пролетариатом сельских районов Северной Америки. В то время как местный контроль за землей хорош в теории и как долгосрочная цель (после того, как мы верно оценим эту землю и согласимся приспособиться к ней), давайте не забывать о том, что в большинстве западных штатов было бы немного охраняемых диких или других природных областей, если бы это оставили на усмотрение политических деятелей или сельских жителей этих штатов.

Как бывший лоббист охраны природы, я могу часами возмущаться некомпетентностью и глупостью членов Конгресса, недостатком их интереса к природе, и тем, что их контролируют индустриальные корпорации. Но Конгресс — светоч экологического просвещения по сравнению с большинством законодательных собраний штатов или того хуже, сельской комиссией графства. У нас не было бы 100 миллионов акров Национальных Парков, Заповедников, Памятников, Убежищ для диких животных, Областей дикой природы и Диких рек на Аляске, если бы этот вопрос был оставлен на усмотрение населения и политических деятелей Аляски. Недавние Национальные законопроекты по Лесным областям дикой природы для штатов Юта, Вайоминг, Нью-Мексико, Аризона и других не прошли бы, если бы они не опирались на общенациональную точку зрения и общественность. Какими бы посредственными они ни были, эти законопроекты спасли какую-то часть дикой природы. Можете держать пари, что в Восточных Штатах, Калифорнии, Орегоне, Вашингтоне и Колорадо именно городские жители, а не местное сельское население превалировали в заповедании.

В безмятежный период моей жизни в маленьком городке в Национальном Лесу Джила в Нью-Мексико я наблюдал как сторонники движения «Назад к земле» приезжали на места с мечтами об областях дикой природы и готовностью политическими действиями защитить дикую природу, но, по мере роста потребности в долларовых купюрах и социальном признании среди добрых старых мальчиков и девочек графства, часть этих господ натуралов стало жалкими жлобами, обвешанными бензопилами, капканами, фургонами и нытьем по поводу того, как федеральное правительство ограничивает их «право» развивать «их» природные ресурсы за доллары в банке.

Преимущества местного контроля общественных земель по сравнению с национальным можно обсуждать бесконечно, но биорегионалистов должно больше заботить то, чтобы не позволять идеалистической цели местного контроля и самодостаточности уничтожить более высокую цель сохранения дикого природного разнообразия.

Для того, чтобы биорегионализм работал, чтобы он представлял ясную альтернативу создания мира на развалинах индустриального государства, необходимо заниматься более глубокими вопросами, чем альтернативная технология и неиерархическое человеческое общество — более важными вопросами, чем люди. Биорегионалист должен сопротивляться бранным просьбам слева и справа и господствующей тенденции больше беспокоиться о проблемах социально-экономических, чем экологических. Философия, мировоззрение и религия биорегионализма должна быть биоцентрической. Чтобы повторно заселить место, сформировать сообщество вместе с теми, кто там живет, и получить второй шанс в Америке, мы должны сопротивляться искушению присвоить себе руководящую роль. Другие существа — четвероногие, крылатые, шестиногие, укорененные, текущие — имеют столько же прав быть на этом месте, что и мы; они имеют ценность, полностью независимую от любой ценности, которую они имеют для людей.

Конечно, человек тоже должен зарабатывать себе на жизнь. Потребности в пище, воде, укрытии и другие должны быть удовлетворены. Защитники глубинной экологии не отрицают, что люди имеют право удовлетворять жизненные потребности с помощью экосистемы. Проблемы возникают, когда люди выходят за пределы своих жизненных

потребностей или когда они превышают свои полномочия. Пол и Энн Ерлич указывают, что воздействие людей на природное сообщество определяется совокупностью народонаселения, технологии и достатка. Увеличьте любой из этих факторов, и воздействие будет увеличено. «Практическое применение биоцентрической философии будет центральной задачей биорегионализма на следующую тысячу лет».

В наиболее классической форме, биоцентризм может проявляться первопоселенцами таким же образом, каким индейцы онейда сохранили ощущение своего места в природном мире. Согласно преданиям Онейда¹, численность их племени когда-то так сильно возросла, что часть из них была вынуждена отправиться на поиски нового места для жизни. Они нашли замечательное место и переселились туда. Однако, после обнаружили, что «выбрали Центральное Место великого сообщества Волка». Но люди не пожелали уходить. Через некоторое время они пришли к выводу, что места и для них, и для Волка не хватает. Тогда совет постановил, что они истребят всех волков до единого. Но когда они представили, кем они станут впоследствии, «то не захотели становиться такими людьми».

¹Паула Андервуд Спенсер, «Кто говорит за волка» (Остин: Издательство Tribe of Two Press, 1983 г.).

Так люди изобрели способ ограничить свое воздействие: во всех случаях, они спрашивали «кто говорит за Волка?» и, таким образом, учитывали интересы негуманоидного мира.

В наших советах и решениях, как индивидуальных, так и коллективных, мы не должны забывать, тех, кто не представлен. Мы должны представлять их сами. Кто говорит за Волка? Касатку? Красного Хохлатого Дятла? Дуб? Мы должны постоянно расширять сообщество, чтобы включить всех.

Далее, мы должны показывать сдержанность и применять самозащиту. В каждом биорегионе должны быть обширные области, не используемые человеком, оставленные нетронутыми, чтобы продолжить важную работу эволюции.

Основным шедевром каждой биорегиональной группы должен стать большой центральный заповедник дикой природы, где сохраняются все местные существа и естественное течение событий. Необходимо учреждать и охранять во всем биорегионе большие и малые заповедники дикой природы и организовывать природные коридоры, чтобы сделать возможным свободное перемещение генетического материала между ними и такими же заповедниками в других биорегионах. Они должны охранять не только «камень и лед» высоких, отдаленных гор, но и часть менее суровой, биологически более производительной земли в каждом биорегионе. Их разработка и учреждение должна стать ключевой частью биорегиональной деятельности. Во многих случаях, будет необходимо временное переходное управление, чтобы помочь природе восстановить до дикого состояния большие области. Должны быть возвращены, если это возможно, истребленные коренные животные. Чтобы восстановить лососевые реки и зоны сплошной вырубki, снова засеять прерии, устранить дороги необходимо практически заселение заново.

Эти центральные заповедники дикой природы должны быть святынями для нас как людей, заселяющих заново, но они даже более чем священны для нас, будучи просто тем, чем они есть — запасами туземного разнообразия. Местом вне добра и зла, местом, где живое существо может просто жить.

Хотя работа над такими заповедниками является центральной задачей биорегионализма, можно смело утверждать, что учреждение большого числа таких заповедников в современном человеческом обществе маловероятно, и что это реально только по другую сторону стены. Однако, они должны стать центром, который объединит все наши усилия, начиная с этого дня.

И именно так воинствующие общества, такие как «Земля прежде всего!» входят в биорегиональный мир. Заселяя землю заново, живя на ней, мы становимся этой землей. Мы принадлежим ей. И самая основная наша обязанность — это обязанность самозащиты. Мы являемся дикой природой, защищающей саму себя. Развивая свои «планы использования земли» с основными заповедниками дикой природы и соединяющими их коридорами, чтобы нести зародышевую плазму дикости, мы набрасываем план кампании нашей самозащиты. Мы разрабатываем план управления нашим регионом. Затем мы начинаем осуществлять его. Если умирающая индустриальная империя пытается посягнуть на наши священные заповедники, мы сопротивляемся этому. В большинстве случаев мы не сможем открыто противостоять ей, потому что она сейчас гораздо мощнее, чем мы. Но используя партизанскую смекалку, мы можем использовать ее силу против нее самой. Тормозите, сопротивляйтесь, ниспровергайте, используя все доступные инструменты: подачу апелляций и судебных исков, применение законодательных шагов — не для того, чтобы реформировать систему, но для того чтобы разрушить ее. Участвуйте в демонстрациях, в ненасильственном гражданском неповиновении, саботируйте. Защищайтесь.

Наша самозащита — это контроль за ущербом, пока машина не пробьет эту кирпичную стену и индустриальная цивилизация не саморазрушится, как она и должна.

Тогда начнется главная работа биорегионализма.

Ген дикой природы

Для меня и для тысяч мне подобных, наибольшей страстью в жизни является всеподавляющее желание периодически убегать из душащих объятий механистической цивилизации. Для нас удовольствие одиночества, полной независимости и красоты неиспорченной земли абсолютно необходимо для счастья.

Боб Маршалл

В начале 1970-ых годов Общество Дикой природы начало национальный цикл семинаров по персональному развитию, чтобы снабдить активистов охраны природы «навыками обработки людей». Я помню, как сидел в круге знакомства из пятидесяти человек у Говарда Джонсона в Солт-Лейк-Сити в 1973 году, когда каждый из нас рассказывал, что привело его в активисты охраны природы. Кроме ощущаемой сердцем (и вдохновенной) страсти, раскрытой в заявлении каждого человека, меня поразило то, что не было единой причины, объясняющей нашу приверженность дикой природе. Одни вспоминали конкретный случай в детстве; другие всегда были связаны с «вещами, дикими и свободными». Одних в «Большое Снаружи» брали родители, другие должны были найти дорогу самостоятельно. Одни были поражены, как был поражен Саул по дороге к Дамаску; у других никогда не было чувства «возрождения» или пробуждения.

Такое отсутствие единого образца повторилось на множестве подобных конференций. Оно было замечено и стало темой живой беседы между мной и несколькими другими молодыми членами Общества Дикой природы (мы были на многих из этих семинаров). Что заставило нас по-разному сходить с ума по дикой природе? Почему большинство людей это так не беспокоит? Если есть какой-то общий источник просвещения, определенный фактор, который мы все испытали, специфический спусковой механизм, на который нажали, тогда нам просто нужно продублировать это для массы человечества, и каждый будет хотеть охранять дикую природу!

Как это ни печально, но мы не смогли найти никакой общей нити, которая притягивала фанатиков дикости к дикому. Разнообразие защитников дикой природы с точки зрения образа жизни, индивидуальности, работы, местожительства, возраста, образования, дохода, политики и философии отражалось на причинах того, почему они работали для сохранения дикой природы.

Наконец, один из моих коллег полушутя предположил термин «ген дикой природы». Возможно, привязанность к дикой природе определяется не опытом человека, а, скорее, генетически, подобно цвету глаз.

С годами, когда я подолгу обдумывал эту идею поздними вечерами, я принимал ее все больше, и я заходил в рассуждениях еще дальше: может быть этот ген дикой природы уходит корнями в нашу эволюционную историю как *Homo sapiens*, к первому представителю

нашего вида — неандертальцу. В отличие от нашего собственного, подобного слону в посудной лавке вида, не существует никаких свидетельств того, что неандертальцы когда-либо нарушали равновесие, разрушали окружающую среду, забывали свое место в природе или вызывали исчезновение другого вида. (Именно современные люди начали истребление мегафауны плейстоцена двенадцать тысяч лет тому назад.)

Возможно, когда тридцать тысячелетий тому назад кроманьонцы переместились на территорию неандертальцев, вытесняя их и вызывая их исчезновение, неандертальские гены были включены в кроманьонский генофонд, чтобы впоследствии дрейфовать под поверхностью, бурля время от времени у Лао Цзы, Святого Франциска, Догена, Мэри Воллстоункрафт, Вождя Сиэтла, Торо, Мюира, Мэри Остин, Рэйчел Карсон.

Чтобы подойти к этим полуночным бдениям с другой стороны, давайте рассмотрим роль, которую мы, современные люди, играем в общей экологии нашей планеты. Если мы принимаем гипотезу Геи о том, что Земля функционирует как единый организм, то где наше место? Современные носители классического греческого рационализма и высокомерия заявляют, что мы представляем собой нервную систему Геи — мозг, коммуникационный аспект, что мы устроились на месте водителя. Более мудрые исследователи, такие как выдающийся историк Чикагского Университета Уильям Х. Мак Нейл, вместо этого сравнивают нас с болезнью:

Рассматриваемое, с точки зрения других организмов, человечество ...напоминает острое эпидемическое заболевание, случайные облегчения которого до менее смертоносных форм все же никогда не были достаточными, чтобы сделать возможным установление каких-либо действительно устойчивых, долговременных отношений¹.

1Уильям Х. Мак Нейл, «Эпидемии и народы» (Гарден Сити, Нью-Йорк: Энчор/Даблдей, 1976 г.).

По всеобщему мнению, эта характеристика стоит поперек горла. Если есть одна вещь, по поводу которой соглашались и соглашались все «цивилизованные» религии и философии, с тех пор как первая цивилизация выползла из шумерской ирригационной канавы, это то, что люди занимают господствующее положение на планете. Рассмотрение нас как заболевания идет вразрез со всем, что забивалось в наши головы от рождения. Все же, если мы попытаемся подойти к этому с точки зрения биологической объективности, если мы попробуем посмотреть на это, пусть даже кратко и несовершенно, глазами другого вида, то увидим свет истины: в истреблении биологического разнообразия, производстве токсинов, разрушении основных систем жизнеобеспечения Земли и взрывном приросте народонаселения, мы, люди, стали болезнью — человеческой оспой.

Организмы живых существ, сталкиваясь с болезнью или агрессивными организмами, производят антитела и бросают в бой морскую пехоту — белые кровяные тельца (фагоциты), которые, не заботясь о своем собственном благополучии, но только ради общего блага, сражаются, пожирают и преодолевают агрессивные болезнетворные организмы.

Возможно, этими антителами и являются защитники природы. Когда человеческая оспа перешла от простой неудобной, ограниченной сыпи на коже к системной угрозе жизни, Гая стала искать антитела в самой болезни. Этот давно забытый неандертальский ген был извлечен на поверхность, и в качестве мрачного возмездия за истребление неандертальцев современными людьми (кроманьонцами), была рождена новая раса неандертальцев, людей, которые любят дикое, чья верность принадлежит, в первую очередь, Земле а не Homo sapiens, и они будут сражаться, подобно антителам и фагоцитам ради дикого, ради драгоценного исконного разнообразия нашей планеты.

Дикий полет воображения? Возможно. Ненаучно? Полностью. Но я думаю об этом в грозовые ночи, потягивая вино и куря сигары, когда луна становится «призрачным галеоном, брошенном в облачные моря». Я размышляю над этим, когда держу в руке бокал, ветер дует мне в лицо, запах дождя щекочет мне ноздри, грубая сила природы нависает над головой с молнией и косматыми облаками. Антитела. Антитела против Человеческой оспы. Месть Неандертальца. Ген дикой природы.

Антитела не нуждаются в оправдании. Их работа состоит в том, чтобы просто бороться и уничтожать то, что уничтожило бы большее тело, частью которого мы являемся, ради чего они собирают войско.

Я думаю, что лучше забыть об этом и заняться тем бульдозером.

Сохранение опыта Дикой Природы

«Какова ценность сорока свобод без белого пятна на карте?»

Олдо Леопольд

Когда я рос в Альбукерке, Нью-Мексико, белым пятном на моей карте была область дикой природы Джила в двухстах милях к юго-западу. По мере того как я исследовал близлежащие области дикой природы, такие как Сандия, Джемез и гор Сангре де Кристо, Джила принимала в моем уме фантастические очертания. Она была обширной, отдаленной, несравнимо дикой ...и неизвестной. Она стала моим Эльдорадо. Она была Сердцем Тьмы, центром волшебства.

Как только смог, я начал бродить по тропам, карабкаться на вершины и исследовать каньоны этой горной твердыни в тысячу квадратных миль. За четверть века наслаждения Джиллой меня смывали со стоянок летние дожди, сбрасывали с горных хребтов молнии и сдували с высокогорья поздние и ранние бураны. Однажды я уступил тайник с продовольствием медведю. В начале семидесятых, когда я работал проводником на полставки, чтобы получить прибавку к скудному заработку в Обществе Дикой Природы, я потерял в этом «Большом Снаружи» двух мулов; в одном из этих случаев мул разбил колено моей жене, Нелли Бель, и я нес ее на спине.

Но даже невзирая на такие приключения, от летней снежной бури до оползня над лагерем, я постепенно становился жирным и неосторожным, легко проводя дни и ночи в глубинке, позволив ленивому знакомству с путешествиями в дикой природе затупить мои первобытные умения и бдительность.

Путешествие в Джилу в августе 1988 года устроило мне взбучку и вернула остроту ощущений. Моя жена (но не та, которая была жертвой мула) и я пригласили моего двенадцатилетнего племянника Джерарда в десятидневный пеший поход в область дикой природы Джила. Мы планировали легкую прогулку, были здоровы, но не в форме, наша десятидневная поклажа давила на плечи как былые грехи (моя поклажа поначалу была тяжелее, чем племянник), и поскольку Джерард только второй раз пошел в поход с рюкзаком, мы не хотели отпугнуть его от будущих путешествий тяжелым переходом.

Нашей точкой назначения был Парк Маккены, плато в десять квадратных миль, ограниченное скалистым каньоном западного притока реки Джила на севере, горами Дьяболо на востоке и юге, и более высокими горами Моголлон на западе. Это было самое удаленное от дороги место в Нью-Мексико, и самый девственный лес Сосны Пондероза на

Юго-западе.

Парк Маккены в последние десятилетия был защищен даже от домашнего скота. Аборигенный Лось Мерриама был истреблен в начале столетия коммерческой охотой, чтобы прокормить горнодобывающие поселки, поэтому Отдел Дичи и Рыбы Нью Мексико в 1954 году интродуцировал Лося из Йеллоустона. Чтобы гарантировать ему среду обитания, рогатый скот удалили из большей части Области Дикой Природы Джила, включая Парк Маккены. Благодаря этому тридцатилетнему отдыху от коров Парк выглядит и функционирует так, как должен выглядеть и функционировать лес Сосны Пондероса. Под соснами высотой 150 футов и дубами высотой пятьдесят футов растет густой ковер исконных трав и Папоротника-Орляка.

Наше путешествие в Маккена не было трудным, хотя август — сезон гроз в Джиле, и нам приходилось пробираться сквозь ежедневные ливни и уворачиваться от молний на перевалах Дьябло. Путешествуя пешком через древний лес, мы испугнули Большую Рогатую Сову со старой сосны и наткнулась на стадо Лосей, лениво пасущееся в траве высотой до их живота. Джерард и Нэнси соревновались в орнитологии: Жаворонок, Пестрая горихвостка, Темная мехоловка, Красный Клест... пополняли их списки.

Мы планировали вернуться к своему грузовику возле Национального Памятника Джила Клифф Двеллингз, пройдя пешком вниз по западному притоку реки Джила. Я ходил по этому маршруту полдюжины раз. Хотя на протяжении шестнадцати миль было множество бродов, я запомнил эту реку спокойной, глубиной не более чем до середины икры. Мы планировали потратить на переход три дня, что оставляло нам неторопливые полудни для ловли рыбы на мотыля.

Дикая природа имела другие планы.

Из-за необычно сильных дождей тем летом приток ревел. Несущаяся вода была выше моих коленей, но первый переход не был слишком труден. Вооружившись ольховыми посохами, Джерард и Нэнси нащупали себе путь через брод. Мы поняли, что неторопливой прогулки по каньону не получится, но не думали, что он станет смертельно опасным. По мере того как мы прокладывали себе путь вниз по течению, поток становился быстрее, броды глубже, тропа превратилась в длинную, грязную лужу, а дождь и не думал заканчиваться. Скоро вода поднялась до пояса и пыталась утащить меня вниз по течению. Я переложил свой спальный мешок с его обычного места на дне моего рюкзака наверх. Нэнси, которая однажды потеряла свой рюкзак и была брошена на скалы на середине реки в Области Дикой Природы Иши в Северной Калифорнии, стиснув зубы пробивала себе путь через брод. Но Джерард, невысокий, маленький наглец, не мог перейти реку так, чтобы весь его рюкзак (и спальный мешок) не намокли. Это значило, что я был должен делать по три ходки через каждый брод: одну со своим рюкзаком, одну назад, и третью, переводя Джерарда с его поклажей.

Чтобы сделать наши обязательные пять миль в день, мы были должны были идти большую часть светлого времени суток. Наш энтузиазм наблюдать за птицами и рыбачить на мотыля унесла река; все наши силы уходили на прокладывание себе пути через эти проклятые

броды, а затем энергичный спуск по сырой тропе сквозь непрерывный дождь, чтобы предотвратить гипотермию. Было бессмысленно пытаться не намочить. Молния щелкала по скалистым ободам и башенкам над нами. Обычно сухие стоки превратились в каскады водопадов. По мере того как река погружала меня в уныние, Джерард развивал замечательную ловкость в переходе реки вброд. По мере того, как я ослабевал, он становился сильнее. Передав свой спальный мешок в мой рюкзак, он то прыгал по камням, то плыл поперек потока при помощи своего ольхового посоха. Тоже хорошо. На третий день у меня больше не осталось сил по три раза переходить через каждый брод. Однажды, когда старые знатоки дикой природы Нэнси и Дейв растерянно смотрели на брод, где поток несся под упавшее дерево, создавая для нас потенциальную опасность, Джерард отыскал безопасный переход для нас выше по течению.

На исходе третьего дня, когда мы прихромали к автостоянке, я улыбнулся своему племяннику и поддразнил его: «Держу пари, что ты ждешь-не дождешься возвращения к Биг-Макам, видеоиграм и телевизору».

Мокрый, как бродячая кошка, которую смыло в канализацию, он взглянул на меня, обернулся назад на скалистый каньон, на черную грозовую тучу, рычащую над головой, и сказал: «Давайте вернемся назад».

Мы были воплощенным страданием, когда 24 августа 1988 года прихромали, замерзшие, истощенные и кровоточащие из Области Дикой Природы Джила, но стали лучше, приняв вызов, который бросила нам река. Джерард запомнил эту поездку на всю оставшуюся жизнь; она стала мерилем всех его будущих путешествий в природе. Способность преодолеть трудности полноводной реки в возрасте сорок один год помогла мне почувствовать себя лучше. Я не был таким старым и слабым, каким иногда казался. Нэнси была довольна возможностью проверить себя еще одной полноводной рекой в дикой природе и обнаружить, что она выдержала.

То, что мы испытали в Области Дикой Природы Джила, было встряской, которой дикая природа привлекает многих из нас, вызовом, который заставляет нас отказаться от машины в пользу собственных двух ног и от теплой кровати ради ночевки на жесткой земле. Однако, в областях дикой природы мы слишком часто попадаем не в первобытные условия, где мы предоставлены сами себе, а в парки для пеших походов, оборудованные и управляемые ради нашего комфорта и безопасности.

Прошло почти семьдесят лет с тех пор как Олдо Леопольд добился, чтобы истоки Реки Джила в юго-западном Нью-Мексико были взяты под охрану, как первая в Америке (и в мире) Область Дикой Природы. Первые защитники заповедания дикой природы сначала рассматривали Области Дикой Природы как места для хорошего (немоторизованного) отдыха на открытом воздухе; для охоты, рыбной ловли и походов с рюкзаком; как возможность вновь пережить опыт пионера; как испытательный полигон традиционной американской самодостаточности и твердости. Они мечтали об этом вместе с Джорджем С. Эвансом, который в 1904 году написал (возможно в сексистских терминах, но это был 1904 год), что «дикая природа захватит вас. Она даст вам хорошую красную кровь. Она сделает вас мужчиной».

В «Альманахе Песчаного Графства», Олдо Леопольд написал:

Области дикой природы... представляют собой святилища первобытного искусства путешествия в дикой природе, особенно на каноэ и с рюкзаком. Думаю, что некоторые усомнятся, нужно ли развивать это примитивное искусство. Я не буду это обсуждать. Либо вы чувствуете это нутром, либо вы очень, очень стары.

Сегодня многие природоохранники и биологи признают, что первичная ценность дикой природы не в том, чтобы быть местом самоутверждения для молодых Гекльбери Финнов и Энни Оклейс. Она в том, чтобы сохранить исконное биоразнообразие, дать пристанище на этой подавляемой человеком Земле для свободного действия природных сил, быть местом покоя для чего бы то ни было. Тем не менее, возможность человеку получить опыт дикой природы, позволить ему напрягать мускулы палеолита или искать видения, остается чрезвычайно важной вторичной целью. Организации, отвечающие за наши Области Дикой Природы, защищали региональные ценности Областей Дикой Природы недостаточно. (Я обсуждаю в другом месте неспособность определять и управлять областями, достаточными для сохранения экологической дикой природы.) Как Лесная Служба и другие организации могли бы управлять узаконенной Областью Дикой Природы, чтобы она предъявляла максимальные требования к человеку, который стремится ее посетить?

Акт об областях дикой природы 1964 года разрешает множество видов застроек и искусственных сооружений для удобства посетителей. Это обустроенные и обслуживаемые пешеходные тропы и тропы для походов с рюкзаками, подробные карты и брошюры, моторизованное оборудование для поиска и спасения и даже постоянные кострища, примитивные уборные, причалы для лодок, водостоки, мосты и искусственные источники там, где это необходимо. Большинство участников пешеходных походов с рюкзаками рассчитывает и надеется на некоторые из них. Понятно, что в некоторых посещаемых или особенно хрупких областях хорошо спланированные тропы, обозначенные места для разбивки лагеря с кострищами, и иногда уборные необходимы, чтобы ограничить воздействие человека на экосистему дикой природы.

Ошибка Лесной Службы и Службы Парков в отрицании необходимости разнообразных возможностей. Некоторые из нас временами хотят испытать свое тело и разум в условиях настоящей дикой природы, и их коробят даже нечасто обслуживаемые пешеходные тропы и примитивные знаки. Не все Области Дикой Природы должны предоставлять «мягкий» опыт глухой местности. Не на всей территории отдельной области должна быть обеспечена равная доступность путешествия или безопасность. Необходим диапазон вариантов — от благоустроенных троп и всех аксессуаров в таких местах, как Йосемит и горы Сандия, до чего-то подобного доколумбовой Америке в более отдаленных и менее часто посещаемых областях. На диком конце спектра была бы истинно дикая природа, где путешественник был бы полностью предоставлен самому себе.

Схема управления этими «первобытными» областями включала бы несколько смелых правил.

Никаких троп. Никаких новых троп и никакого дальнейшего обслуживания существующих. Для предотвращения эрозии некоторые из них можно было бы укрепить бетоном. Через Область Дикой Природы пропускали бы только посетителей и диких животных. Прокладывать новые тропы было бы запрещено.

Никаких знаков. Никаких указателей троп, расстояний или местоположения где бы то ни было. Единственный указатель должен быть на границе Области Дикой Природы с объяснением, что посетитель входит в Первозданную Дикую Природу.

Никаких сооружений. Никаких лодочных причалов, оборудованных мест для разбивки лагеря, стоек для крепления палаток и т.п. Пожарные каланчи, административные строения, заборы, и тому подобные сооружения были бы устранены или их оставили бы разрушаться. От посетителей строго требовали бы практиковать «невидимую разбивку лагеря» (устранение кострищ, никакой вырубki растительности, никакого выкапывания рвов вокруг палаток, никакого мусора), что, конечно, должно практиковаться в любой дикой местности.

Никаких карт. Не печатать никаких карт или брошюр этой области. Американская геологическая комиссия прекратила бы издавать и распространять топографические карты области. На картах, охватывающих более обширные территории (то есть, карте Национального Леса), Первозданная Дикая природа была бы белым пятном; не были бы указаны даже топографические характеристики (потоки, горные хребты, пики). Посетителей не поощряли бы пользоваться старыми картами области. Могли бы быть разрешены набросанные от руки карты только очень густо поросшей лесом местности. Детальные топографические карты заставляют нас забывать, что возможно проложить маршрут только с помощью компаса (если он имеется) и нашего собственного чувства дикой природы.

Никаких проводников. Не разрешались бы услуги профессиональных проводников и продажа снаряжения. Посетители были бы сами по себе и противостояли бы дикой природе только с помощью своих знаний и навыков.

Охота. Если бы она разрешалась, то только с помощью примитивного оружия (лук и стрелы, праща, нож, острый камень). Рыбная ловля на мотыля была бы единственным разрешенным методом рыбной ловли. Не разрешалось бы разводить рыбу.

Никаких спасателей. Посетитель Первозданной Области Дикой Природы должен полагаться на свои собственные ресурсы для выживания. Никаких организованных или механизированных поисково-спасательных операций. Если вы ломаете ногу, то выползаете сами, вас вытаскивают на своих спинах ваши друзья или вы умираете. Горец Джон Колтер в 1808 году не рассчитывал на вертолет, который спасет его из страны черноногих индейцев. Он шел к Форту Лайзы без одежды 150 миль.

Такая спасательная политика требует федерального законодательства, освобождающего управляющие организации от ответственности за несчастные случаи. Этот вид «безвредного» законодательства для посетителей и пользователей федеральных земель

давно следовало бы принять на всех общественных землях. Опасение судебного преследования со стороны идиотов, которые беспокоят Медведей, Бизонов или Американских Лосей, а затем бывают ранены ими, довело Йеллоустонский национальный парк до того, чтобы истреблять «проблемных» диких животных. Ни один посетитель Национального Парка, Национального Леса или других общественных земель не должен ожидать, что его защитят от неизбежных опасностей природного мира. Не рассматривались бы никакие судебные иски об ущербе против организаций, не предупредивших туристов, что Американский Лось является опасным.

Никакого современного оборудования. В некоторых из этих областей, даже современное туристическое оборудование (печи, синтетические материалы, алюминиевый каркас рюкзака и т.д.) должно быть запрещено. По крайней мере, в Первозданных Областях Дикой природы были бы запрещены яркие цветные палатки и рюкзаки.

Большинство областей в Национальной системе заповедной дикой природы не обязательно должны управляться таким образом. Поскольку в моем среднем возрасте я имею плохие суставы и пивной животик, я наслаждаюсь хорошими тропами и топографическими картами в такой же степени, как и любой пеший турист. Во время недавнего пятидневного путешествия по крутым, узким, покрытым буреломом дорожкам в Области Дикой Природы Вентана в Калифорнии, я мечтал о хорошо ухоженных тропах. Однако, иногда вы нуждаетесь в испытании вместо отдыха. Для тех, в чьей крови — жажда приключений, должно быть несколько Первозданных Диких местностей. Такие места привлекают сравнительно немного посетителей, их тропы обычно находятся в плохом состоянии, и они очень дикие. Не обязательно они должны быть большими и труднодоступными. Есть и небольшие Области Дикой Природы типа Иши в Калифорнии и Бассейна Грейсез в Нью-Мексико, которые могут управляться без троп, карт, перспектив спасения, или других удобств для посетителей.

В 1930 году Боб Маршалл написал, что дикая природа, должна предоставить «возможность полной самостоятельности». Давно пора воплотить эту философию в жизнь и создать несколько белых пятен на карте.

Разрушение дикой природы

Вселенная дикой природы исчезает подобно сугробу на южном склоне в теплый июньский день.

Роберт Маршалл

Люди уничтожали дикую природу на протяжении тысячелетий. Прежде, чем на Ближнем Востоке зародилось сельское хозяйство, людей окружала дикая природа. Не существовало никакой концепции «дикой природы», потому что все было дикой природой, и мы были частью ее. Но с ирригационными каналами, излишками урожая и постоянными деревнями, мы стали отдаляться от природного мира и заменили его нашими полями, жильем, храмами и складами. Между дикой природой, которая создавала нас и цивилизацией, созданной нами, появилась постоянно растущая трещина.

Сегодня дикая природа разрушается бесчисленными способами. Ради справедливости мы должны признать, что все мы уничтожаем дикую природу из-за отчужденности нашего общества от природы; из-за человеческого высокомерия; из-за огромной перенаселенности, сочетающейся с расточительным образом жизни современных людей, которые используют 30 процентов продуктов фотосинтеза Земли на свои нужды. Проживать сегодня в Соединенных Штатах, значит потреблять пищу, изделия из бумаги, топливо и другие материалы, которые мы забираем у дикой природы.

В этой главе я хочу более подробно описать способы, которыми мы уничтожаем дикую природу в Соединенных Штатах Америки в конце XX столетия. Одновременно мы изобличим и тех, кто уничтожает дикую природу.

Дорожное строительство. Армада, разрушающая дикую природу передвигается по дорогам. За немногими исключениями, нападение на дикую природу требует дорог или моторизованных транспортных средств. Дорожная сеть в Соединенных Штатах вездесуща: самая дальняя точка в континентальных сорока восьми штатах отстоит от дороги лишь на двадцать одну милю и совсем немного мест в десяти или больше милях от дороги.

Дороги используют для заготовки леса, строительства дамб, нефте- и газоразведки, «менеджмента» перевыпаса, строительства и обслуживания линий электропередачи, разведки и добычи полезных ископаемых, лыжной индустрии и рекреационного развития. Ловцы, браконьеры, грязные охотники, геодезисты, сейсомграфы, вандалы археологических участков и другие авангарды индустриального ограбления дикого пользуются дорогами. Дороги обеспечивают грабителям доступ к ключевым точкам среды обитания живой

природы и к ядру диких областей. Дороги вызывают эрозию, нарушают миграцию и создают «краевой эффект», который позволяет обычным видам растений и животных вторгаться в девственные области, которые служат убежищем для чувствительных и редких коренных видов. Многие существа гибнут под колесами на дорогах.

Без дорог, без механизированного доступа коренные виды сильнее защищены от преследования и разрушения среды обитания, а меньшее количество людей с меньшим количеством «инструментов» способно злоупотреблять землей.

Заготовка леса. Когда пионеры столкнулись с приграничьем на марше от Атлантического побережья до Реки Миссиссипи, то первым шагом в цивилизации земли стало стремление открыть ее: пугающий лес, предоставляющий кров дикарям, диким животным и безбожию и закрывающий солнечный свет и прогресс, должен был быть расчищен. В то время как значительная часть этого древнего леса пошла на дрова, часть его питала растущую древесную промышленность, которая попала под пяту растущих компаний, по мере того как граница леса перемещалась от Новой Англии до Верхнего Среднего Запада и далее к Тихоокеанскому Северо-западу.

Ситуация становится все хуже. Согласно недавним исследованиям Общества Дикой Природы, в течение следующего десятилетия планируют увеличить лесозаготовки в национальном масштабе на 25 процентов. Фактически каждая неохраняемая большая, покрытая лесом, свободная от дорог область в Национальных Лесах находится под угрозой вырубки и связанного с ней дорожного строительства. За исключением небольшой части старовозрастных лесов в официально заповеданных Облациях Дикой Природы, Лесная Служба планирует в течение следующих пятидесяти лет преобразовать имеющийся старовозрастный лес в интенсивно управляемые древесные фермы. Опыт древесного фермерства в Лесной Службе не всегда приносит успех: многие области сплошной вырубки так и не были восстановлены даже с помощью дорогостоящей повторной посадки, удобрения и гербицидов. После сплошной вырубки леса сотни мест десятилетиями так и остаются испорченными, кровотокащими пустошами.

Выпас скота. Скотоводство, вероятно, нанесло Западным Соединенным Штатам более серьезный экологический ущерб, чем что-либо другое. В угоду скотоводам на большей части Запада были истреблены Серый Волк и Гризли. Гризли по-прежнему убивают в окрестностях Йеллоустонского национального парка и на границе Скалистых Гор в угоду овцеводам; в значительной степени была истреблена новая популяция Серых Волков в Национальном Парке, чтобы защитить рогатый скот; владельцы ранчо являются главными противниками реинтродукции волка в Йеллоустоне и на Юго-Западе. Пуму, Рыжую Рысь, Черного Медведя, Койота, Золотого Орла и Обыкновенного Ворона владельцы ранчо неуклонно отстреливали, ловили в ловушки и травили, до тех пор, пока от популяций Пумы и Рыжей Рыси не осталась лишь небольшая часть. В результате выпаса домашнего скота катастрофически сократились популяции Лосей, Большерогих Баранов, Вилорогих Оленей и Бизонов. На значительной части Запада почти безвозвратно деградировали реки и прибрежная растительность. Выпас рогатого скота и овец радикально изменил исконные растительные сообщества и привел к интродуцированию некоренных трав, полезных только для домашнего скота; эрозия почв и образование оврагов уничтожила большую часть плодородной почвы на Западе. В степных

областях большая часть «строений» на общественных землях — дороги, заборы, ветряные мельницы, трубопроводы, резервуары для скота и т.п. — приносят пользу только нескольким владельцам ранчо.

Горная промышленность. Хотя в горной промышленности задействованы меньшие участки земли, чем при лесозаготовках или выпасе скота, ее воздействие было значительным. Помимо изрытой земли и сопутствующего загрязнения воздуха, воды и почвы, горная промышленность требует сети дорог, линий электропередач, трубопроводов и другой инфраструктуры, которые отпугивают диких животных и рассеивают дикость. Геологические процессы таковы, что полезные ископаемые имеют тенденцию концентрироваться в пересеченной местности, которая является не только более уязвимой, но и с большей степенью вероятности дикой и свободной от дорог.

Сегодня имеется, по существу, два типа горнодобытчиков: «малый горнодобытчик» и горнодобывающая корпорация. Малые горнодобытчики — это обычно неудачники с бульдозером и фанатическим убеждением, что они сделают большое открытие, которое смогут продать большой корпорации за миллионы. Эти люди живут в захолустных городках возле раскопок, или добираются по уикэндам из Феникса, Лос-Анджелеса и других городов в глубинку. Хотя эти маленькие парни не сделали практически никаких больших открытий, они, кажутся на Западе вездесущими, и чрезвычайно разрушительно воздействовать на дикую местность, когда занимаются разведкой. Вдобавок они часто браконьерствуют, ловят животных или имеют другие нездоровые привычки. Они являются крикливыми и потенциально склонными к насилию противниками учреждения Областей Дикой Природы и других «закрытостей».

Средние и большие корпорации занимаются настоящей горной добычей. Они имеют профессиональных геологов, используют сложные методики обнаружения потенциальных залежей и вкладывают большие средства в разведку. Хотя финансово и институционно они могут добывать полезные ископаемые и восстанавливать земли лучше, чем малые горнодобытчики, они не делают этого, если их не заставить. Горнодобывающие компании имеют значительное политическое влияние в Западных штатах; они и их лоббистская ассоциация, Американский Конгресс Горной промышленности, являются сильными противниками заповедания, провозглашая, что все общественные земли должны быть доступными для более сложных методов разведки в будущем, чтобы они могли поставлять стратегическое сырье, необходимое Америке, чтобы держать в страхе всемирный безбожный коммунистический заговор.

Получение энергии. В отличие горной промышленности, получение энергии (нефтяной и газовой, угольной, из смолы, геотермальной) осуществляется частными компаниями на арендованных землях.

Разведка нефти и газа начинается с работы сейсмографических команд, которые используют взрывчатые вещества или «ударные транспортеры» чтобы произвести вибрацию в грунте. Подземное эхо читается на мониторах, чтобы определить, где существуют потенциально благоприятные геологические образования. Поскольку конкурирующие компании тщательно охраняют свою информацию, порой дюжина различных сейсмических

команд работает в одной и той же местности. Взрывы тревожат диких животных, а для ударных транспортеров через Западные дикие земли прокладываются тысячи миль дорог.

После того, как обнаружено благоприятное образование и получен арендный договор на разведку, начинается разведывательное бурение. В диких областях строят дороги, расчищают площадки под буровые установки, которые устанавливаются на несколько недель или месяцев. Рабочие в таких командах часто являются браконьерами, охотниками и другими непросвещенными пользователями дикого. Даже если ископаемые не обнаружены, построенные дороги часто включаются в постоянную дорожную систему Национального Леса или БМЗ и обеспечивают доступ к дикой местности имеющей транспорт публике.

Если ископаемые найдены, бурят еще больше скважин, строят дороги, прокладывают трубопроводы, и устанавливают насосные станции, пока множество квадратных миль общественной земли не превращается в индустриальный комплекс, а Лось, Медведь и другие живые существа не оказываются вытесненными. Таков сценарий для сотен тысяч акров свободной от дорог земли в так называемом Тектоническом Поясе Центральных и Северных Скалистых гор.

Дамбы и другие строения водного хозяйства. Водохранилища затопили некоторые из наиболее замечательных диких земель и рек в Соединенных Штатах.

Эра строительства гигантских дамб в Соединенных Штатах подходит к завершению, и строительство угрожает только нескольким большим свободным от дорог областям. Однако, возникла новая угроза — угроза строительства «малых гидроэлектростанций», чтобы производить электричество на тысячах малых рек, которые часто находятся в более диких частях Национальных Лесов.

Лучшим способом защитить свободно текущие реки является их включение в Национальную систему диких и живописных рек или государственную систему охраны рек. Национальная система была создана в соответствии с Национальным Актом о диких и живописных реках 1968 года; такие системы есть уже во многих штатах. Хотя в течение последних двадцати лет заповедано не так много диких и живописных рек, защитники природы готовят новую крупную национальную акцию. В охранную зону попадает только четверть мили шириной по каждую сторону от реки, но это охраняет реку от дамб и других застроек, которые изменили бы ее свободно текущий характер.

Линии электропередач и коридоры трубопроводов. С добычей энергоносителей связано строительство трубопроводов, линий электропередач, работающих на угле электростанций и т.д. Линии электропередач и трубопроводы пересекают природную местность и отделяют части «Большого Снаружи» друг от друга. Прорезают насквозь многие отдаленные участки страны, отделяя большие свободные от дорог области друг от друга, ирригационные каналы, акведуки и линии электропередач от гидроэлектростанций и плотин.

Проектируется также и новые коридоры электропередачи сквозь большие свободные от дорог области.

Грязная охота. Расхожее представление об охотнике как жирном, пьяном мужлане или городском старичке, курсирующем по глухим лесам на джипе и имеющем на вооружении мало знаний о природе, но много боеприпасов, недалеко от истины. Грязные охотники делятся на несколько категорий.

Рыночный охотник. Существует быстро развивающийся черный рынок частей тела Черных Медведей (желчный пузырь, лапы), рогов и зубов Лося, когтей и шкуры Гризли и так далее, поставляющий их практикующим восточную медицину, коллекционерам и сексуально ущербным чудакам, которые полагают, что эти вещи обладают афродизиакальными или укрепляющими свойствами. Как отдельные лица, так и хорошо организованные банды могут сделать на этом большие деньги. Перегруженные лесничие ловят только горстку этих опасных преступников.

Апологеты охоты утверждают, что ни один вид не был истреблен из-за охоты. В действительности же, в истреблении или катастрофическом сокращении численности Американского аллигатора, Бизона, Серого волка, Лося, Большерогого барана, Странствующего голубя, Каролинского длиннохвостого попугая, Дикой индейки и многочисленных видов водной дичи и прибрежных птиц рыночная охота и жадное истребление сыграли такую же важную роль, как и разрушение среды обитания.

Дорожный охотник. Это — стереотипный охотник. Он хочет вести свой джип, горный мотоцикл, или вездеход туда, где он настреляет для своего морозильника мяса или всего, что движется. Он выступает против учреждения Областей Дикой Природы, потому что не сможет поехать туда на машине. Он не любит хищников, потому что они поедают его оленя или лося. Кстати, Аризонская Федерация Живой природы выступает против учреждения Областей Дикой Природы вообще, потому что она в значительной степени представляет этот тип охотника.

«Инстинктивный охотник». Эти парни стреляют в любую дичь, которую видят, независимо от расстояния. Расстреливая бесчисленные очереди в Лося или Оленя на расстоянии в несколько сотен ярдов, инстинктивные охотники чаще промахиваются, чем наоборот. Однако, слишком часто они преуспевают в том, чтобы инстинктивно подстрелить живое существо, которое затем уходит и умирает в агонии.

Браконьер. Эти люди также нуждаются в дорогах. Они стреляют без разбора и вне закона. Охотник за трофеями. Некоторые охотники за трофеями являются защитниками природы и поддерживают защиту земли. Другие, типа многих членов Фонда Североамериканской Дикой Овцы, хотят устранить хищников и иметь доступ по дорогам повсюду. Охотники за трофеями типа Большерогого барана обычно богаты и являются основными противниками учреждения Областей Дикой Природы в Калифорнийской пустыне и в Аризонских национальных убежищах диких животных. Другие охотники за трофеями концентрируются на Пуме, Гризли и других крупных хищниках.

Траппер. Ловля в ловушки является законной и в большинстве штатов поощряется департаментами рыбы и дичи. Помимо того, что это жестоко, обычно это делается с дорожных транспортных средств или вездеходов. Ловушки ставят на Рыжую и

Обыкновенную Рысь, Куницу, Норку, Пекана, Речную Выдру и других хищников с низкой репродуктивной способностью и нарушает нормальный баланс хищник—жертва. Ловля вызвала почти полное истребление Бобра в значительной части Соединенных Штатов, и сегодня продолжает удерживать популяции Бобра на неестественно низком уровне.

Рыбак «бросай и лови». В то время как лов на мотыля коренной, естественно воспроизводящейся рыбы — одно из высочайших призваний в жизни, многие рыбаки просто хотят выловить свой лимит (или превысить его, если рядом нет смотрителя). Это мощное лобби, которое сориентировало на рыбозавоевание организации живой природы штатов. Повсюду в Соединенных Штатах была интродуцирована некоренная, выращенная в инкубаторе рыба, которая конкурирует с коренной. Рыбаки «бросай и лови» запустили форель во многие высокогорные и карстовые озера в Облaстях Дикой Природы, в которых раньше не водилась рыба. Это нарушило тонкие водные экосистемы. Озерная и речная фауна была трансформирована больше, чем любая другая. Рыбаки «бросай и лови» в такой же мере виноваты в этом, как и строители дамб и загрязнители.

Грязные охотники всех оттенков выступают против учреждения Облaстей Дикой Природы, создают дороги, убивают множество диких животных и помогают превратить природную местность в ферму для дичи.

«Менеджмент» диких животных. Служба рыбы и диких животных США и департаменты дичи и рыбы штатов в какой-то степени состоят из выдающихся профессионалов, которые любят диких животных и дикую природу. Они — ученики Олдо Леопольда, который основал науку менеджмента диких животных и призывал к «этике земли». К сожалению, многие агентства диких животных контролируют политические ставленники, представляющие грязных охотников или зажиточных владельцев ранчо, и укомплектованы высокомерными бюрократами, которые верят в управление фермами дичи на общественных землях для их избирателей — дорожных охотников и рыбаков «бросай и лови». Такие менеджеры поддерживают сплошную вырубку, манипуляцию растениями, контроль хищников и дороги, потому что это часто благоприятствует таким излюбленным охотничьим видам, как олень, или обеспечивает доступ для охотников. Такие менеджеры наполняют озера и реки выращенной в инкубаторе рыбой, потому что это позволяет продавать лицензии и приносит больше средств в департамент. Такие менеджеры поддерживают охоту на крупных хищников типа Пумы и Гризли, потому что этого требуют политически сильные владельцы ранчо и охотники за трофеями. Такие менеджеры выпускает некоренных птиц, таких как фазан, потому что перепелка не обеспечивает достаточной охоты. В экстраординарных случаях, чтобы создать пригодные для охоты популяции и взимать высокую плату за лицензии, на общественные земли выпускают экзотические виды, такие как Антилопа Бейза, Варварская Овца и Иранский каменный козел, как сделал Департамент рыбы и дичи Нью-Мексико в начале 1970-х годов.

Понятно, что любая бюрократия поддерживает программы, которые создают работу для нее самой. Только когда менеджеров диких животных заставят понять, что их работа состоит не в том, чтобы максимизировать производство оленей, фазанов, форели или другого «желательного» вида дичи, а в том, чтобы поддерживать дикость и исконное разнообразие, эта профессия будет соответствовать стандартам, установленным для нее Олдо

Леопольдом.

Уничтожение видов. За редкими исключениями, каждая экосистема в умеренной зоне Северной Америки утратила ключевые виды. На Востоке практически исчезли Кугуар, Серый Волк и Лось. В центральных регионах исчез Бизон, когда-то насчитывавший 60 миллионов голов. На Западе в значительной степени истреблен Гризли и Серый Волк. Вдоль северной границы призраками, сохранившимися только в глуши, стали Росомаха, Лесной Карибу и Рысь. На Юго-западе редкими стали дикие кошки. Повсеместно резко сократилась численность Большерогого Барана, Черного Медведя и Дикой Индейки. Исконные рыба и беспозвоночная фауна прибрежных систем настолько изменились, что теперь доминируют экзотические виды. Без чувствительных, зависимых от дикой природы видов, дикая природа представляет собой полуу раковину. Без высших плотоядных животных динамический баланс больше не существует. Что станет с оленем без волка, чтобы подгонять его быстрые ноги? Будет ли гора по-прежнему живой без медведя?

Истребление исконного вида представляет собой, наверное, наиболее коварный момент разрушения дикой природы. Недостаточно просто защитить землю от бульдозера и бензопилы. Мы должны вернуть законных обитателей в их дом.

Интродуцирование экзотических видов. По мере того, как исконные виды исчезали, а равновесие нарушалось, наступали экзотические виды-сорняки, изменяя, таким образом, целые экосистемы. Для такого вторжения высоко уязвимы фрагментированные экосистемы, с малым ядром и большой краевой областью. Многие из этих экзотических видов были преднамеренно интродуцированы бездумными людьми. Большинство трав в Калифорнии — экзотические виды. Солевой Кедр (тамариск) с Ближнего Востока вытесняет Трехгранный Тополь и Ивы в бассейнах рек Рио-Гранде и Колорадо. Домашние Воробьи, Скальные Голуби и Скворцы захватили воздух и поля во многих местах. Пятнистый Василек душил исконные травы в Северных Скалистых горах Айдахо и Монтаны. Альфред Кросби в своей блестящей новаторской книге «Экологический Империализм» доказывает, что мы создали «нео-Европы» в умеренных областях во всем мире. Сегодня специальное интродуцирование Хохлатого Пырея в Большом Бассейне является, вероятно, основным нападением на «Большое снаружи» с этой стороны.

Подавление стихийных пожаров. Естественно возникающие стихийные пожары (обычно, вызванные молнией) представляют собой важный компонент большинства экосистем в континентальных сорока восьми штатах. Периодический пожар является необходимым для того, чтобы заставить некоторые семена пускать ростки, перерабатывать питательные вещества, поддерживать прерии, прореживать растительность и выполнять другие функции в экосистемах. Подавление стихийных пожаров («Синдром Дымчатого Медведя») вызвало деградацию областей дикой природы по всей стране. Пожары, которые бушевали в лесах Тихоокеанского побережья в 1987 году и по всему Йелоустону в 1988 году, были просто неизбежными естественными событиями, которые принесли много экологического блага. Лесная Служба и Служба Парков начали признавать ценную роль стихийного пожара в диких экосистемах и в некоторых случаях установила политику «пусть горит». К сожалению, когда оказываются под угрозой коммерческие лесозаготовительные области или частная собственность, спускается с цепи полномасштабный пожарный контроль,

включая бульдозеры и гидропушки. Борьба с лесным или степным пожаром почти всегда более разрушительна, чем сам пожар, потому что такая тяжелая техника как бульдозеры и вырубка пожарных просек причиняет большую эрозию и разрушение экосистем.

Внедорожные транспортные средства (ORV). Двадцать пять лет тому назад едва ли существовала проблема ORV. Джипы, полноприводные пикапы, внедорожные мотоциклы, и снегоходы были редки. Моторизованные трехколесные велосипеды (мотоциклы) и другие вездеходы (ATV) еще не были изобретены. Сегодня, однако, миллионы этих адских машин управляются мальчиками, пытающимися изгнать демонов своей половой зрелости, или людьми, которые хотят «попасть в дикую местность», для того чтобы охотиться, ловить рыбу, ставить капканы, браконьерствовать, искать сокровища, разведывать полезные ископаемые или устраивать лагерь, но не желают путешествовать пешком (или не находятся для этого в достаточно хорошей форме). ORV уничтожают растительность, разрушают живую природу, почву, загрязняют реки и воздух и обеспечивают доступ к древним областям тем людям, которые не уважают таких мест.

Владельцы четырехколесных транспортных средств, всесезонных мотоциклов и другие любители моторизованного отдыха представляют самую сильную оппозицию защите Калифорнийской Пустыни. Они представляют большие электораты противников Областей Дикой Природы и в других областях. Таким же камнем преткновения в защите диких земель в северных штатах и Скалистых горах являются владельцы снегоходов.

Индустрия туризма. Отдых на открытом воздухе стал большим бизнесом. Большие корпорации, застройщики земли и мелкие бизнесмены, работающие в Национальных Парках (концессионеры) и города-«ворота» (включая местные торговые палаты) эксплуататорски относятся к диким землям, в чем могут посоперничать с лесорубами или шахтерами. Администраторы Национальных Парков оценивают свой «успех» по числу посетителей, которых они приняли. Большое количество любителей отдыха на открытом воздухе не желает «терпеть это» и требует всех удобств (электричества, воды, канализации) для дорожных трейлеров или моторизованных домов, также известных как рекреационные транспортные средства (RV).

Этих индустриальных туристов обслуживают кемпинги для RV, кондоминиумы, подразделения «второй дом», курорты, поля для гольфа, лыжные области, теннисные клубы, рекреационные водоемы, пристани для яхт, живописные шоссе, центры для посетителей, мотели и подъездные пути. При этом они узурпируют главную зимнюю среду обитания Лося и Большерогого Барана, являются косвенной причиной смерти Медведей Гризли в Йеллоустоне и Гласире, загрязняют воздуха и создают пробки в отдаленных областях, вытесняют коренную растительность экзотическими видами, уничтожают дикие реки и ручьи, вылавливают чрезмерное количество рыбы и чрезмерно охотятся (таким образом поощряя разведения дичи) и приводят слишком многих неопытных людей в хрупкие экосистемы.

Служба Национальных Парков имеет много прекрасных служащих (также, как и Лесная Служба и БМЗ), которые ценят дикое и стремятся его защитить. К сожалению, некоторые из высшие руководители потеряли контакт с той дикой природой, для сохранения которой

были учреждены их Парки, и стали, во многих случаях, для них главной угрозой. Такие постройки как Рыбацкий Мост и Грант Виллидж, наряду с неумелым менеджментом Гризли, разрушили экологическую целостность Йеллоустонского национального парка. Вульгарный городской центр Йосемитской Долины — национальный позор. Продавцы снаряжения диктуют политику водных путешествий в Большом каньоне и других Парках и лишают работы частных лодочников. Суперинтенданты парков, которые тоже любят покружить в вертолетах, предоставляют свободный доступ к небесам над парками корпорациям, предлагающим «пейзажные перелеты». Концентрируя внимание на живописных видах и обслуживании посетителей, они допустили изменение чувствительных экосистем. Первичный электорат парков образуют не их жители — дикие животные, — а местные торговые палаты, концессионеры и моторизованные туристы. Действительно, концессионеры (часто филиалы многонациональных корпораций) в значительной степени узурпировали руководство популярными Национальными парками, забрав его у Службы Национальных Парков, и управляют ими, чтобы максимизировать свои прибыли.

Если Служба Национальных Парков не сможет вернуться к философии менеджмента экосистем и выгнать концессионеров, то идеал Национального Парка, который Соединенные Штаты дали миру, станет жестокой мистификацией.

Рекреация в дикой природе. Можно было бы думать, что те, кто уделяет время пешим, водным или путешествиям верхом по Областям Дикой Природы, будут стремиться защищать девственное качество земли. Большинство так и делает, но меньшинство, — чаще это местные жители верхом на лошадях, иногда городские — не проявляют уважения к дикой природе. Бесчисленные кострища, полусожженная алюминиевая фольга, «цветы» туалетной бумаги, порубленные зеленые деревья, пустые банки из-под пива, выброшенная рыболовная леска, мыло в реках и озерах, лошади, пасущиеся на привязи в местах разбивки лагеря или бродящие вокруг озер — все это визитные карточки нечужа в дикой природе. В некоторых случаях, профессиональные проводники организуют в дикой природе полупостоянные лагеря, которые напоминают маленькие города. Некоторые продавцы снаряжения даже организовали проституток, чтобы обслуживать охотников в таких местах, как Область Дикой Природы Тетон в Вайоминге.

Каждый в отдельности и в сочетании эти факторы разрушения дикой природы фрагментируют остающиеся дикие места. Когда большие экосистемы распадаются на меньшие части, они не только становятся чрезвычайно уязвимыми для разрушения, но также не могут больше поддерживать полный спектр коренных видов животных и растительности. Понимание факторов, которые вызывают разрушение дикой природы — первый шаг к предотвращению такого разрушения. Ни одна из последних свободных от дорог областей в Соединенных Штатах не является достаточно большой, чтобы существовать сама по себе. Ни одна не является достаточно большой, чтобы поддерживать минимальные жизнеспособные поселения хищников с большим ареалом.

Идентификация остатков «Большого Снаружи» представляет собой следующий шаг. История показывает нам, что даже наиболее величественное дикое место не может быть защищено от разрушения, каким бы вопиющим или дурацким оно ни было, если защитники дикого не знают об этом.

Пусть мы больше никогда не утратим мест, которых никто не знал!

Принципы движения «гаечного ключа»

Я говорю, нарушайте закон

Генри Давид Торо

Многие проекты, уничтожающие свободные от дорог области, являются экономически сомнительными. Так, некоторые служащие Лесной Службы считают, что по оптимистическим оценкам затраты на строительство 35,000 миль дорог в свободных от дорог областях превысят 3 миллиарда долларов, в то время как древесина, к которой они обеспечат доступ, стоит меньше 500 миллионов долларов. «Выцарапывать ресурсы» из этих последних диких областей обойдется Лесной Службе, БМЗ, лесозаготовительным, нефтяным, горнодобывающим и другим компаниям слишком дорого. Дорого поддерживать необходимую инфраструктуру дорог для эксплуатации диких земель. Стоимость ремонта, преодоления препятствий, задержек, и простоя может стать слишком высокой для бюрократов и эксплуататоров, если по земле широко распространится рассеянное, неорганизованное, стратегическое движение сопротивления.

Самое время для женщин и мужчин, в одиночку и небольшими группами героически защищать дикое, бросить гаечный ключ в шестерни машины, которая уничтожает природное разнообразие. Стратегией движения «гаечного ключа» может быть, хотя и нелегальная, но безопасная, легкая, забавная и, что наиболее важно, эффективная остановка вырубки древесины, строительства дорог, перевыпаса, нефте- и газоразведки, горнодобычи, строительства дамб и линий электропередачи, ловли животных, строительства лыжных курортов и других форм разрушения дикой природы, а также злокачественного разрастания пригородов.

Но, чтобы преуспеть, необходима стратегия, продуманный и разумный подход. Кампания сопротивления должна твердо придерживаться следующих принципов.

Движение «гаечного ключа» (экотаж) является ненасильственным. Движение «гаечного ключа» (экотаж) — ненасильственное сопротивление разрушению природного разнообразия и дикой природы. Оно никогда не направлено во вред людям или другим живым существам. Оно нацелено на неодоушевленные машины и инструменты, которые уничтожают жизнь. Всегда стремятся исключить любую возможную угрозу людям, включая самих саботажников.

Движение «гаечного ключа» не является организованным. В движении «гаечного ключа» не может быть никакого центрального руководства или организации. Любой тип сети

способствует проникновению агентов- провокаторов и репрессиям. Это истинно индивидуальное действие. Из-за этого связь среди участников движения трудна и опасна. Анонимное обсуждение через книгу «Экооборона» и ее будущие приложения представляется самым надежным средством связи для отработки техники, процедур безопасности и стратегии.

Движение «гаечного ключа» является индивидуальным. Движение «гаечного ключа» создано индивидуумами или очень маленькими группами людей, которые знакомы много лет. В таких группах обязательны доверие и хорошие рабочие отношения. Чем больше людей, тем больше опасность проникновения или утечки информации. Участники движения предпочитают не работать с теми, кого они плохо знают, кто не может держать рот на замке и теми, кто имеет грандиозные или насильственные идеи (они могут быть полицейскими агентами или опасными психами).

Движение «гаечного ключа» является целенаправленным. Экозащитники выбирают свои цели. Бессмысленный, беспорядочный вандализм контрпродуктивен и неэтичен. Остановив вырубку леса, участники движения не уничтожают любое лесозаготовительное оборудование, которое попадает под руку. Они удостоверятся, что оно принадлежит настоящему виновнику. Они ищут наиболее уязвимые точки, и наносят удар туда. Бессмысленный вандализм ведет к потере общественной симпатии.

Движение «гаечного ключа» является своевременным. Существует подходящее время и место для саботажа. Бывают моменты, когда движение саботажа может быть контрпродуктивным. Саботажники вообще не должны действовать, когда проводится акция ненасильственного гражданского неповиновения, например блокада, против того же проекта. Саботаж может омрачить вопрос прямого действия, участников акции могут обвинить в экосаботаже и возьмут на заметку в полиции. Участники прямых акций и саботажники обычно не объединяются. Саботаж также неуместен, когда ведутся тонкие политические переговоры по защите определенной области. Воин Земли всегда спрашивает, поможет ли воспрепятствует саботаж защите этого места?

Движение «гаечного ключа» является рассеянным. Движение «гаечного ключа» широко распространилось по всем Соединенным Штатам. Правительственные организации и грабители дикой природы от Штата Мэн до Гавай знают, что разрушение природы может встретить сопротивление. Общественное движение «гаечного ключа» ускорит полное отступление индустрии от диких областей.

Движение «гаечного ключа» является разнообразным. Любой человек в любой ситуации может стать участником движения «гаечного ключа». Кто-то выберет обширную дикую местность, объявит его областью дикой природы в своем воображении и будет сопротивляться любому вторжению в нее. Кто-то специализируется в борьбе против вырубки леса или внедорожных транспортных средств в разных местах. Некоторые могут саботировать определенный проект: гигантскую линию электропередачи, строящуюся дорогу или нефтяную скважину. Кто-то действует на заднем дворе, в то время как в тысяче миль отсюда кто-то лежит дома и планирует свой экосаботаж. Некоторые являются одиночками, а другие работают в маленьких группах.

Движение «гаечного ключа» является забавным. Хотя это серьезная и потенциально опасная деятельность, саботаж является и развлечением. Есть лихорадочное волнение, ощущение свершения и беспрецедентного духа товарищества, когда крадешься ночью, сопротивляясь «чуждым силам из Хьюстона, Токио, Вашингтона, округа Колумбия и Пентагона». Как сказал Эд Эбби: «Наслаждайтесь, товарищи по плаванию, наслаждайтесь».

Движение «гаечного ключа» не является революционным. Оно не стремится свергнуть какую-либо социальную, политическую или экономическую систему. Это просто ненасильственная самооборона дикого. Оно стремится удержать индустриальную «цивилизацию» за пределами природных областей и изгнать из областей, которые должны быть дикими. Это не крупный индустриальный саботаж. Обычно избегают взрывчатых веществ, огнестрельного оружия и других опасных инструментов; они вызывают большее внимание со стороны правоохранительных органов, репрессии и потерю общественной поддержки.

Движение «гаечного ключа» является простым. Используется самый простой инструмент. Используется самая безопасная тактика. Сложных диверсионных операций обычно избегают. Часто самые простые средства являются наиболее эффективными, чтобы остановить разрушение дикого. Порой необходимы более продуманные и сложные действия. Но саботажник спрашивает: как это сделать проще всего?

Движение «гаечного ключа» является обдуманным и этичным. Участники движения вполне осознают серьезность того, что они делают. Они обдуманно идут на такой серьезный шаг. Они вдумчивы, не склонны к опрометчивым поступкам. Саботажники, хотя и противники насилия, являются воинами. Они подвергают себя риску возможного ареста или ранения. Это не случайное или легкомысленное дело. Необходимо сохранить чистое сердце и разум. Необходимо помнить, что защита жизни, оборона Земли самое моральное из всех действий.

Движение, основанное на этих принципах, могло бы защитить миллионы акров дикой природы более эффективно, чем любой акт Конгресса, обеспечить распространение Гризли, и других исчезающих видов лучше, чем армия смотрителей дичи, и заставить отступить индустриальную цивилизацию от больших областей леса, гор, пустыни, прерии, побережья, болота, тундры и лесистой местности, предназначенных для поддержания исконного разнообразия, а не поставлять сырье чрезмерно потребляющему технологическому человеческому обществу.

Если в лесозаготовительных фирмах будут знать, что продаваемая древесина с гвоздями, они не будут ее покупать. Если смотритель леса знает, что дорогу постоянно разрушают, он не будет пытаться построить ее. Если сейсмографические команды знают, что их будут постоянно беспокоить в какой-то области, они не пойдут туда. Если владельцы внедорожников будут знать, что им спустят шины за многие мили от жилья, они не будут там ездить.

Джон Мюир сказал, что если когда-нибудь дойдет до войны между расами, он встал бы на сторону медведей. Этот день настал.

В защиту движения «гаечного ключа»

Мы должны провести черту в нашем доме и нас самих, воткнуть копье в землю и сказать бульдозерам, земляным машинам, правительству и корпорациям: «до этого места и ни шагу далее». Если мы не сделаем этого, то позже вместо гордости будем чувствовать сожаление Торо, этого хорошего, но чрезмерно книжного человека, который в конце своей жизни написал: «Если я и раскаиваюсь в чем-нибудь, так это в моем хорошем поведении». Эдвард Эбби

Неудивительно, что защита и практика движения «гаечного ключа» или экологического саботажа, становились все более и более неоднозначными на протяжении прошлого десятилетия. Движение «гаечного ключа» критиковали все политические силы от представителей лесозаготовительной, горнодобывающей и скотоводческой отраслей до лидеров охраны природы основного направления и мирных активистов. Когда я слышу публичные заявления о движении «гаечного ключа» (экосаботаже), я чувствую себя как койот, бредущий через скотоводческий поселок в Техасе: поджимаю хвост, прижимаю уши к голове и бегу к холмам как можно быстрее.

Однако часто, когда я ожидаю заряда картэчи или, по крайней мере, твердого камня в ребра, я замечаю подмигивание, кривую улыбку, и тогда знаю, что кто-то выносит сор с заднего хода. В этом забавном месте по имени Америка важно различать публичные заявления и то, что тихо скрывается позади пары глазных яблок. Поддержка движения «гаечного ключа», несмотря на все проклятия, проходит сквозь все политические, экономические, образовательные и другие демографические границы. Я знаю агентов по продаже недвижимости, должностных лиц Республиканской партии, семидесятилетних людей, докторов, медсестер, священнослужителей, профессоров колледжей, строительных рабочих, лесорубов, геодезистов, парковых смотрителей, служащих Лесной Службы, миллионеров, юристов, служащих правоохранительных органов, бабушек и штатных сотрудников групп охраны природы основного направления, которые занимались экосаботажем.

Движение «гаечного ключа» — это гордая американская традиция, счастливо существующая в тени, в то время как благопристойные американцы кланяются сияющему Великому Богу Частной Собственности. Все мы серьезно киваем отцам города и гранд-дамам в церкви, но многие из нас прячут смех, когда Том Соьер спускает им шины.

Движение «гаечного ключа», экологический саботаж, экотаж, экооборона или «ночная работа» — все это термины для разрушения машин или собственности, которые используются для того, чтобы уничтожить природный мир. Движение «гаечного ключа»

побуждает снимать геодезическую разметку, насыпать песок в масляные картеры бульдозеров, превращать грунтовые дороги в диких областях в непроходимые для транспортных средств, срезать рекламные щиты и убирать и разрушать капканы. Как отмечено в предыдущей главе, движение «гаечного ключа» является ненасильственным и нацелено только на неодушевленные объекты, а не на физическое причинение вреда людям. Оно является оборонительным в том смысле, что предотвращает разрушительные разработки в диких местах и в наполовину окультуренных областях рядом с городами. Это не крупный индустриальный саботаж и оно не является революционным. Экотаж не обязательно самый важный инструмент у защитников природы; он один из многих подходов, которые могут быть действенными и эффективными, в зависимости от обстоятельств. Цель движения «гаечного ключа» состоит в том, чтобы блокировать экологически разрушительные проекты, увеличивать их стоимость и таким образом делать их экономически непривлекательными и довести до общественного сознания мысль о субсидированном налогоплательщиком уничтожении биологического разнообразия во всем мире.

Движение «гаечного ключа», вопреки общественному мнению, не является недавней причудой, результатом романа Эдварда Эбби 1975 года «Банда гаечного ключа», или моей книги 1985 года «Экооборона: полевое руководство для Движения “гаечного ключа”». В Соединенных Штатах оно имеет длинную и славную историю, восходя еще к Бостонскому чаепитию в 1773 году. Тогда добрые граждане Бостона, оппозиционно настроенные к тирании короля Георга III, поднялись на суда компании «Ост-Индия» и сбросили тюки чая, стоимостью сотни тысяч долларов, в Бостонскую гавань. Лестер Родз указывает в журнале «Земля прежде всего!», что современную практику саботажа для защиты диких экосистем предварили действия Подземной Железной дороги перед Гражданской Войной, когда граждане сознательно нарушали закон, помогая рабам бежать в северные штаты и Канаду.

Так, еще в 1950-е годы защитники природы срезали рекламные щиты, вытягивали геодезическую разметку, выводили из строя бульдозеры и совершали другие, теперь обычные, действия экологического саботажа. «Банда гаечного ключа» Эбби основана на реальной жизни нескольких групп и индивидуумов на Юго-Западе конца 1960-х — начала 1970-х годов. Экотаж был широко распространен до 1985 года, когда была опубликована «Экооборона». Она написана отчасти в попытке установить руководящие принципы движения «гаечного ключа» (саботажа), которые помогли бы ему стать более эффективным, стратегическим, этическим, безопасным и надежным.

Способы защиты легитимности движения «гаечного ключа» различны и зависят от общего мировоззрения и системы ценностей защитника. Для тех, чьи ценности сосредоточены на человеческих существах и экономике, кто считает мир складом ресурсов для людей и не замечает никакой внутренней ценности в природе, не может быть никаких эффективных аргументов в пользу экообороны. Некоторые критики искренне ценят дикую природу, но верят и в верховенство закона. Думаю, что в то время как движение «гаечного ключа» широко осуждается и освещается, многие американцы убеждены в необходимости вдумчивого экотажа только как крайней меры или в тех случаях, где другие методы неэффективны.

Однако те, кто практикует или поддерживает экотаж, не должны легкомысленно отбрасывать аргументы против движения «гаечного ключа», даже при том, что в некоторых вопросах не может быть согласия между людьми, имеющими диаметрально противоположные мировоззрения и системы ценностей. Наиболее серьезные возражения исходят от защитников природы, которые считают его контрпродуктивным для сохранения природного мира. Поскольку экозащитник шагает по темной стороне общества, он должен периодически задавать себе вопросы по поводу своих побуждений и пересматривать эффект своих действий. Мы должны без сомнений противостоять разнообразным возражениям.

Вот аргументы против движения «гаечного ключа» и мои ответы.

Современный менеджмент ресурсов является здравым; не существует никакого биологического кризиса, так что движение «гаечного ключа» не является необходимым. Это утверждение со стороны лесозаготовительной, горнодобывающей и скотоводческой отраслей и их служащих; со стороны некоторых пользователей природной местности, таких как велосипедисты (мотоциклисты) на пересеченной местности, звероловы и охотники; со стороны Лесной Службы и других агентств «менеджмента ресурсов» и со стороны политических деятелей, потворствующих насилующим и грабящим отраслям промышленности — является утверждением веры, невежества или того и другого. Это иллюстрирует толпа лесорубов, которая во время собрания в июле 1989 года в Форкз, Вашингтон («лесозаготовительная столица мира») начали распевать мантру «Нет! Нет! Нет!» на вопрос спикера: «Думаете ли вы, что Пятнистые Совы могут выжить только в старовозрастном лесу?» Забудьте об исследовании, проведенном экологами Лесной Службы, которое убедительно показывает, что Пятнистые Совы зависимы от старовозрастного леса. Примите на веру антропоцентричную доктрину о том, что природные экосистемы всегда улучшаются человеческим менеджментом.

В этой книге я постоянно привожу свидетельства того, как из-за современного «менеджмента ресурсов» биологическое разнообразие Земли попало под угрозу исчезновения. Это подтверждают многочисленные книги и статьи ведущих ученых. Печально то, что безумная вера, что все в порядке в разрушающейся экосистеме, определила историю многих стран, в разные времена. В Греции 2,500 лет назад пренебрегли предупреждением Платона об обезлесивании этого скалистого, но когда-то пышного полуострова. Всего сто двадцать лет тому назад в Соединенных Штатах многие жители приграничья не видели конца бизонам.

Разрушение собственности является неправильным. Здесь содержится конфликт ценностей. Те, кто поддерживают экологический саботаж, в принципе ставят биологическое разнообразие и жизнь выше, чем неодушевленную частную собственность. Мы понимаем, что повреждая частную собственность мы затрагиваем жизнь ее владельцев, как и рабочие места тех, кто работает на этом оборудовании. Тем не менее, вопрос сводится к тому, что более ценно: частная собственность (и те доллары или рабочие места, которые эта собственность представляет) или природные экосистемы. Хотя большинство людей в этой стране (включая меня) уважает концепцию частной собственности, жизнь — биологическое разнообразие этой планеты — является гораздо более важной.

Нарушать закон неправильно. Трудно договориться тем, кто принципиально против нарушения законов государства, и тем, кто полагает, что, когда высшие ценности конфликтуют с политическими законами, нужно нарушать законы. Однако, экосаботажники должны внимательно прислушиваться к этому возражению и не отбрасывать его с ходу. Закон не должен нарушаться по незначительным или преходящим причинам.

Но если быть последовательным, возражая против нарушения закона при любых обстоятельствах, тогда нужно осудить движение «Солидарность» в Польше, Андрея Сахарова в Советском Союзе, народ Румынии, который сверг Чаушеску, и Нельсона Манделу в Южной Африке.

Нужно также помнить, что все движения сопротивления, которые действовали против нацистов в Европе во время Второй Мировой войны, действовали незаконно. Наоборот, нацистские злодеяния были настолько полностью законными, что после Второй Мировой войны союзники должны были спешно писать новые законы для того, чтобы преследовать по суду нацистских военных преступников в Нюрнберге. Существует очевидное различие между этикой и указами правительства при власти.

Движение «гаечного ключа» является недемократичным и навязывает экстремистские представления другим. Вот пример такого аргумента: «Постоянная вырубка древних лесов предопределена демократически посредством нашего политического процесса. Как только это решение вступает в силу, никто не может выступать против него, особенно с позиций вне закона». Этот аргумент игнорирует тот факт, что система далеко не демократична из-за чрезмерной власти, которой обладают богатые корпорации, и допускает влияние на политических деятелей через кампании пожертвований и откровенный подкуп, а также посредством долларов, вложенных в рекламу в средствах массовой информации. Не принимается во внимание и то, что природоохранные группы, используя конституционный политический процесс, порой успешно приостанавливали продажу древесины посредством судебных процессов в федеральном суде, в то время как несколько конгрессменов протолкнули через Конгресс законодательство, которое не позволяет гражданам оспаривать продажу древесины в суде, без публичных слушаний, слушаний в комитетах или обширных дебатов. Такие бюрократические организации, как Лесная Служба Соединенных Штатов, являются, по своей сути, недемократичными, отстаивая свои интересы и независимость от общественного контроля.

Движение саботажа является тактикой бедных неудачников. Этот аргумент тесно связан с предыдущим. Его сторонники говорят, что невелика заслуга пытаться защитить природные области, когда такие усилия потерпели неудачу в результате политического процесса. Опять же я отвечаю, что политический процесс работает на тех, кто поглощает хрупкие природные области ради быстрых долларов. Следует также помнить, что победа защитников природы является всегда временной: «спасенная» река может быть запружена плотиной, «спасенный» лес — вырублен, тогда как запруженная плотиной река или полностью вырубленный лес почти безвозвратно потеряны (по крайней мере, в человеческом масштабе времени).

Речь идет не о футбольной игре или дебатах в средней школе; мы обсуждаем продолжение трех с половиной миллиардов лет эволюции. Мы говорим о том, что эколог Реймонд Дасманн определяет как «Третью мировую войну» — войну между людьми и Землей.

Движение «гаечного ключа» играет не по правилам. Как и два предыдущих аргумента, он свидетельствует об эффективности экосаботажа. В ответ можно спросить: когда это корпорации играли по правилам? Корпорации устанавливают правила политической игры в свою пользу, а когда гражданам удается добиться успеха, те, кто обладает экономической властью, нарушают или меняют правила. Вопрос по теме — астрономический комплекс Аризонского Университета на Горе Грэхем в Аризоне. Практически каждый уважающий себя биолог, изучавший этот проект, согласен с тем, что он причинит большой ущерб реликтовому бору ледникового периода и может привести к исчезновению Рыжей Белки горы Грэхем. Кроме того, существуют и альтернативные участки, такие же хорошие или даже лучшие для астрономии.

В 1988 году группы охраны природы основного направления почти похоронили этот проект, потребовав сформулировать воздействие на окружающую среду и пересмотреть Акт о видах, находящихся в опасности. Но Аризонский университет, стремясь к престижу и финансированию проекта, действуя подобно экономически мощной корпорации, обратился с политическими записками к делегации Аризонского конгресса. Делегация, даже член палаты представителей, крестный отец защиты окружающей среды Моррис Удалл, протолкнула через Конгресс окончательный вариант Акта о видах, находящихся в опасности и Акт о национальной политике в области окружающей среды, который законодательно разрешил строительство обсерватории. Единственной возможностью защитить гору Грэхем и законы о защите окружающей среды стало гражданское неповиновение и саботаж (хотя группы охраны природы и подали притянутый за уши иск).

Движение «гаечного ключа» может нанести людям ущерб или привести к смерти; это — «экоотерроризм». Демагоги, будь они авторами редакционных статей, политическими деятелями или ораторами от промышленности, обнаружили, что это истеричное утверждение пользуется наибольшим успехом. Этот аргумент чаще направлен против шипования деревьев, хотя также используется и против других форм экосаботажа. Участник движения «гаечного ключа» должен очень тщательно просчитывать возможность нанесения вреда человеку в результате любого экосаботажа и должен действовать так, чтобы не причинить вред людям. Экооборона постоянно подчеркивает этот момент и вносит много предложений о безопасности, включая необходимость в ясных, прямых предупреждениях о деревьях с забитыми гвоздями. (Шипование более подробно обсуждается в следующей главе. Оно состоит в заколачивании больших гвоздей, которые могут повредить пилы при вырубке деревьев). Вопреки утверждениям демагогов, никто не был ранен в результате экосаботажа, осуществленного природоохранниками.

Истинные экоотеррористы — те, кто уничтожают планету.

Экосаботаж превращает человека в преступника. В узких глазах закона это верно. Любой, кто собирается снять геодезическую разметку или вывести из строя бульдозер, должен тщательно обдумать свое решение и подготовиться к возможным последствиям, от

испорченной репутации, тюремного заключения и штрафов до прямого физического насилия. Проводник по диким местам и соучредитель «Земля прежде всего!» Хоуви Воулк, снимая геодезическую разметку проектируемой нефтеразведочной дороги в хрупкой среде обитания Лося в Вайоминге, подвергся нападению геодезиста с топориком и мог получить серьезные ранения. Местный шериф отказался рассматривать обвинить геодезиста в нападении, а Хоуви обвинили в правонарушении и приговорили к максимальному наказанию: шести месяцам в тесной камере тюрьмы графства. К счастью, были под арестом очень немногие члены движения «гаечного ключа».

Когда же в тюрьму попадут настоящие преступники? Почему Главный администратор корпорации «Эксон» не находится в федеральной исправительной тюрьме за экономию на безопасности и создание катастрофического нефтяного пятна «Принс Уильям Саунд» на Аляске? Почему промышленник Арманд Хаммер не отбывает пожизненное заключение без права на досрочное освобождение за уничтожение Канала Любви? Почему Индия не начала вторжение в Соединенные Штаты, чтобы захватить высших служащих «Карбид Юнион» и судить их за массовое убийство в Бхопале?

Экосаботаж ведет к вандализму, неуважению к закону и распаду общества. Самоотверженный и серьезный член движения «гаечного ключа» имеет высокие моральные стандарты. Это не противоречит экосаботажу. Однако, вероятность опуститься до бездумного вандализма — серьезный аргумент против движения «гаечного ключа». Любой, кто собирается незаконно защищать дикое, уничтожая собственность, не должен превратиться в заурядного хулигана. Защитники движения «гаечного ключа» должны заботиться о том, чтобы не поддерживать публично глупый или безответственный вандализм, маскирующийся под экосаботаж.

Защищая экосаботаж, каждый отвечает даже за те эксцессы, когда кто-то явно отклонился от его ведущих принципов. Это также вопрос непростой. На ком лежит ответственность, когда что-то идет не так, как надо? Если кто-то пострадает в результате неправильного или необъявленного забивания гвоздей в дерево, будут ли защитники движения «гаечного ключа» нести ответственность? Будут ли они нести ответственность, если будет разрушена собственность невиновной стороны? Как редактор и издатель «Экообороны», я интересуюсь этими вопросами. Независимо от желания предоставить максимум информации и поддержки для этичных и обдуманных действий, нет никакой гарантии, что каждый член движения «гаечного ключа» будет разборчивым в средствах и станет принимать меры безопасности. Я знаю одного высоко принципиального, добросовестного защитника экосаботажа, который больше его не поддерживает, потому что сомневается в том, что все экосаботажники будут мыслить столь же стратегически, как он.

Я верю в индивидуальную ответственность и считаю, что действовал ответственно, подчеркивая в «Экообороне» важность безопасности, обдуманности и стратегических соображений. Я полагаю, что каждый отдельный член движения «гаечного ключа» несет подобную ответственность за свои действия.

Противники вооружения идеями и методами тех, кто может действовать безответственно, глубоко антидемократичны. Они боятся дать людям в руки власть и считают, что она

должна принадлежать только «властям» или «институтам». История показывает, что, хотя индивидуумы способны на отвратительные преступления, институты, власти, и государства совершили гораздо худшие. «Экооборона» вооружает людей инструментами, чтобы устранить несправедливость, совершаемую государством и корпорациями против дикой природы.

Мой опыт свидетельствует о том, что члены движения «гаечного ключа» — вдумчивы и осторожны. За немногими исключениями, экозащитники обдуманно выбирают надлежащие цели, действуют стратегически, принимая во внимание широкую перспективу, и строго следят, чтобы никто не был травмирован природоохранными действиями. Члены движения «гаечного ключа», которых я встречал, производили на меня впечатление высокоморальных и добросовестных людей. Случаи саботажа со стороны нигилистов, слепо нападающих на то, что они считают несправедливым, редки. В этих случаях вандалы вообще не нуждаются в «Экообороне» как полевом руководстве; у них свои методы.

В большинстве известных мне случаев использования опасных методов, антипродуктивного в стратегическом смысле саботажа, неоправданной цели существуют веские доказательства того, что причиной саботажа была не экология, а простой вандализм бесчинствующих детей, создание плохой репутации защитникам природы промышленными структурами, получение страховки владельцем собственности.

Однако, факт остается фактом: описанные способы саботажа возможно использовать для недопустимых целей. Даже если все вышеупомянутое не оправдывает саботажа, мы должны взвесить вероятность злоупотреблений и тот кризис, который волнует большинство экозащитников. Мы должны сравнить потенциальный вред от стратегически неблагоразумного саботажа и вред от прекращения ответственного саботажа. Балансовый лист твердо свидетельствует в пользу проведения ответственного саботажа.

Если Вы занимаетесь саботажем, то должны отвечать за свои действия и принимать наказание, как и все, кто совершают акт гражданского неповиновения. Здесь упускают из виду принципиальные различия между гражданским неповиновением и движением «гаечного ключа». Цель гражданского неповиновения в большинстве случаев состоит в том, чтобы преобразовать общество или некоторые его стороны путем сознательного и ненасильственного нарушения закона (как при блокаде), отстаивая правое дело и свое достоинство перед народом и достаточно справедливыми властями. В других случаях таким образом выражают свой протест и несогласие с совершаемым злом, чтобы вырасти духовно. В обоих случаях арест и наказание неизбежны.

Движение «гаечного ключа» нацелено не на преобразование общества, а на прекращение разрушения. Хотя требуется такое же обдуманное и этичное поведение, духовный рост не является специфической целью экосаботажа (хотя может быть побочным достижением). Важно остановить ущерб; член движения «гаечного ключа», подобно партизану, является наиболее эффективным, когда избегает задержания и может возвращаться снова и снова.

Движение «гаечного ключа» «снижает стандарты вежливости на еще один пункт», «популярность прямого действия свидетельствует о слабой вере в силу разума». Не следует

пренебрежительно отбрасывать это возражение, но вполне можно задать вопрос о том, что принес нам разум. Он принес нам Канал Любви, Экскон Вальдез, Чернобыль, Тримайл Айленд, перенаселенность, вырубку тропических дождевых лесов, «случайное» убийство дельфинов при ловле тунца, разрушение озонового слоя, эпидемию вызванных экологией раковых образований. Экосаботажники сняли белые перчатки и пачкают свои руки. Это грязная работа, но кто-то должен ее делать.

Используя экономический ущерб как средство устрашения, члены движения «гаечного ключа» становятся частью системы. Это рассуждение идет от нескольких чистых душ в контркультуре. Вместо этого я могу заявить, что движение «гаечного ключа» подобно восточному боевому искусству, которое оборачивает превосходящую силу противника против нее самой. Когда вас превосходят численностью и вооружением, вы ищете слабое место вашего противника. Для корпоративной Америки это обычно кошелек.

Разрушение машин является неправильным. Мой друг Гарри Снайдер, поэт-лауреат Пулитцеровской премии, утверждал, что мы должны уважать инструменты и машины как сложные, полезные объекты, почти родственные живым системам. Я согласен с тем, что хороший ремесленник должен уважать свои инструменты и заботиться о них, но когда мы рассматриваем бульдозер, который разрушает биологическое разнообразие, я думаю, что мы должны руководствоваться философией Дзен. Из чего сделан бульдозер? Металл в значительной степени представляет собой железную руду. Откуда эта руда? Из земли. Бульдозер сделан из Земли. Он не хочет носиться, сломя голову и разрушая Землю. Член движения «гаечного ключа» является Бодхисаттвой, выполняющим акт сатья-граха, предоставляя бульдозеру возможность найти его истинную природу дхармы, его принадлежность к Будде, возвращая его Земле в виде глыбы ржавеющего металла.

Саботаж отнимает рабочие места. Этот аргумент используют, прежде всего, большие лесозаготовительные компании, чтобы вызвать слепую ярость легковерных служащих против любых действий защитников природы, включая экосаботаж. Бессмысленный жаргон их агентов по связям с общественностью скрывает статистику. Хотя сбор древесины в Национальных Лесах является постоянно высоким, занятость в этой сфере в последние десятилетия резко уменьшилась.

Занятость стала ниже, потому что большие лесозаготовительные компании заинтересованы в прибылях, а не в числе служащих. Замена людей машинами дает более высокую прибыль; руководство не должно волноваться за выплату пособий по нетрудоспособности, за травмы в торопливых и небезопасных условиях работы, или о том, что машины начнут забастовку. (Однако, они должны волноваться о машинах, подвергающихся саботажу.)

Саботаж гитлеровских лагерей смерти и их закрытие тоже стоили бы рабочих мест (это так и было). Лишение свободы преступников отбирает у них средства к существованию. Однако, некоторые вещи более важны, чем рабочие места; оставшееся биологическое разнообразие Земли — в их числе.

Движение «гаечного ключа» является неэффективным. Это утверждают, возможно, в попытке сохранить лицо, некоторые деятели в промышленности, политике и Лесной

Службе. Это говорят те защитники природы основного направления, которые по разным причинам стремятся прекратить экосаботаж. Эффективность движения «гаечного ключа» трудно измерить. Конечно, не каждый сорванный проект был остановлен. Рост движения «гаечного ключа» (саботажа) не заставил индустриальную цивилизацию отступить из диких областей (что я оптимистично предсказал в первом издании «Экообороны»; но это еще может произойти).

Однако в ряде случаев экосаботаж остановил разрушительные проекты или сыграл свою роль, наряду с другими методами. Приведение в негодность исландского китобойного флота смелыми действиями двух членов Общества охраны природы «Морской пастух» резко уменьшило убийство исландских китов. Тщательно спланированное и массовое шипование древних кедров на острове Меарес в Британской Колумбии стало существенным фактором в предотвращении запланированной там сплошной вырубке. Шипование деревьев в штате Вашингтон, Орегоне, Вирджинии, Нью-Мексико и Монтане, как известно, прекратили продажу древесины. Многие защитники природы полагают, что экосаботаж, включая шипование деревьев, представлял собой существенный фактор в остановке лесозаготовок в Ущелье Боуен в Колорадо в 1990 году. Настойчивый экосаботаж на протяжении нескольких лет привел к прекращению выпаса скота в пустынном регионе в Аризоне. Рейды Фронта освобождения животных по лабораториям, проводящим эксперименты над животными, привели к более серьезным ограничениям на такие проекты и увеличили общественную оппозицию против пыток животных для фальшивой науки. Настойчивый экосаботаж сейсмографического оборудования ускорил прекращение нефте- и газоразведки вокруг скважины Джексон. В 1985 году на Гаваях экосаботажники с помощью бомбы подожгли рубильную машину стоимостью в 250,000 долларов, которая перерабатывала дождевой лес на топливо для электростанции; эта операция обанкротилась. Тщательно нацеленный экосаботаж помог остановить крупное подразделение рядом с критическим ареалом обитания Большерогорого Барана в горах Каталина около Таксона в 1970-х годах; эта область теперь является охраняемым парком штата. Широко применяемый экосаботаж помог увеличить общественную оппозицию против лесозаготовок в древних лесах Соединенных Штатов, Канады и Австралии. Экосаботаж стал особенно эффективным и широко распространенным среди людей, работающих на земле в странах Третьего мира — Таиланде, Бразилии и Малайзии. Саботаж загрязняющих отраслей промышленности более характерен для Европы, чем для Северной Америки.

В 1990 году один исследователь попытался измерить общее воздействие экосаботажа для журнала «Земля прежде всего!». Он сообщает, что специальный агент Лесной Службы, Бен Халл провел опрос среди лесных смотрителей всей страны и после этого отказался обсуждать его результаты: «он не хочет дать экотеррористам удовлетворение от знания того, сколько разорения они причиняют». Ассоциация Орегонских Лесорубов оценивает средний случай экосаботажа в 60,000 \$ в стоимости оборудования и времени простоя. Затраты на охрану порядка и страхование увеличивают эту цифру. Исследователь из «Журнала “Земля прежде всего!”» считает, что экосаботаж только в Национальных Лесах Соединенных Штатов обходится промышленности и правительству 20—25 миллионов долларов ежегодно¹.

¹«Оценка экосаботажа», журнал «Земля прежде всего!», 2 февраля 1990 года.

Самый большой эффект движения «гаечного ключа» состоит в том, чтобы воспрепятствовать проектам, разрушительным для природы, как таковым. Нацеливаясь непосредственно на лесозаготовительное оборудование, используемое против природных лесов, экозащитники поднимают стоимость его страхования. Некоторые подрядчики в настоящее время отказываются финансировать проектирование дорог Лесной Службы или продажу древесины в бездорожных областях из-за возможного повреждения оборудования и, в результате, превышения сметы. Компании, финансирующие строительство дороги для Комплекса астрономической обсерватории на горе Грэхем в Аризоне удвоили стоимость из-за опасений саботажа и потребности в круглосуточной охране стройплощадки.

Движение «гаечного ключа» создает плохую репутацию всему движению защиты окружающей среды и вызывает негативную реакцию на него. Это может быть, наиболее важный и сложный для понимания аргумент против движения «гаечного ключа». В общем, суть аргумента такова: «если ваша тактика или требования могут быть охарактеризованы как «экстремистские», вы запятнаете тех, чья тактика или требования являются более умеренными, и вызовете негативную реакцию, которая перечеркнет все ваши достижения».

Такие предупреждения слышал доктор Мартин Лютер Кинг-младший, когда в 1955 году организовал первую акцию гражданского неповиновения против дискриминации и сегрегации на Юге. Лидеры умеренных групп, борющихся за гражданские права просили не раскачивать лодку чрезмерными требованиями и конфронтационной тактикой. Они убеждали его, что условия жизни улучшились; если он потребует слишком многого или разозлит белых расистов, то можно лишиться скромных достижений времен Второй Мировой войны. Угроза обратной реакции исходила от сегрегационного южного истеблишмента и расистских групп типа Ку-клукс-клана, некоторые угрозы осуществлялись в жестокости полиции, убийствах и нападениях. К счастью, им не удалось уничтожить ни мечту, ни храбрость Кинга и его соотечественников. Если бы они слушали паникеров из умеренных групп и белых расистов, то Акта о гражданских правах 1964 года и Акта о праве голоса 1965 года могло бы и не быть.

В рабочем движении Америки, наоборот, возобладали умеренные и стали добровольными партнерами руководства, чем и объясняется нынешнее состояние профсоюзов.

Радикальные движения против войны во Вьетнаме обвинялись в продлении войны и в нанесении вреда «респектабельной» оппозиции. Однако, есть веские доказательства того, что опасение все более и более воинственных демонстраций удержало Президента Ричарда Никсона от использования ядерного оружия во Вьетнаме, и что именно такая бескомпромиссность в конце концов утомила провоенный истеблишмент.

Много раз за двадцать лет в деле охраны природы приводились аргументы о возможной обратной реакции, чтобы убедить защитников природы уменьшить свои требования. На протяжении 1970-х годов лесная промышленность использовала угрозу обратной реакции, чтобы помешать защитникам природы включить покрытые лесом земли в предлагаемые Области Дикой Природы. Байкеры-внедорожники использовали ее, чтобы не дать защитникам природы ограничить их свободное передвижение по общественным землям. Мастера этого аргумента — горная промышленность, нефтяные и газовые отрасли,

предупреждающие защитников природы, что публика восстанет, если их политика «запирания земли» поднимет цену на энергию или полезные ископаемые. Джеймс Ватт и Рональд Рейган напирала на это в начале 1980-х, когда назвали Общество Дикой Природы и другие группы «экстремистами от окружающей среды». Самой большой ложной обратной реакцией стало так называемое Полынное восстание; его подняли скотоводы, чтобы поддержать свои пошатнувшиеся позиции на Западных общественных землях, когда защитники природы, наконец, начали приводить доводы в пользу сокращения количества домашнего скота.

В течение прошлого десятилетия «Земля прежде всего!» и движение «гаечного ключа» были не раз освистаны как «экстремисты от окружающей среды», не раз предупреждались об обратной реакции и обвинялись в методах, не оправдывающих ожиданий законной защиты окружающей среды. Эти угрозы исходят от лобби противников защиты окружающей среды, робких защитников окружающей среды, боящихся и тени индустрии, и лидеров охраны природы, которые жаждут респектабельности.

Чаще всего порождает угрозу обратной реакции кампания по сохранению рассеянных остатков древних лесов на Тихоокеанском Северо-Западе. Используя эту угрозу, орегонские и вашингтонские делегации конгресса настолько запугали Сьерра-Клуб, что тот помог составить проект законодательной поправки осенью 1989 года. Эта поправка к закону, которая была принята без слушаний и открытого обсуждения, отказывает гражданам в праве подачи судебного иска против продажи древесины и разрешает самый большой за все время сбор древесины в общественных старовозрастных лесах. Группы представителей из народа, включая Орегонский совет природных ресурсов и Совет исконных лесов выступали против этой распродажи как и Фонд юридической защиты Сьерра-Клуба, Национальное общество Одюбон и Национальная федерация диких животных, но безуспешно. Я полагаю, что будущие поколения более резко осудят Сьерра-Клуб за эту жалкую распродажу древних лесов, чем за любую другую отдельную неудачу.

В прошлом подобные угрозы обратной реакции побудили защитников природы вычеркнуть покрытые лесом области из предложенных Областей Дикой Природы. Это привело к тому, что Национальная система заповедания дикой природы охраняет живописные «скалы и лед», подходящие для пешего туризма, и исключает продуктивные леса, необходимые для сохранения среды обитания и биологического разнообразия. Даже члены «Земля прежде всего!» не имеют иммунитета против такой неуверенности. В апреле 1990 года некоторые группы «Земля прежде всего!» из северной Калифорнии, Орегона и Вашингтона отказались от тактики забивания гвоздей в деревья, тщетно пытаясь создать альянс с рабочими лесопилок.

На фоне такой информации мы можем лучше оценить аргумент обратной реакции применительно к движению «гаечного ключа». Невзирая на то, что он постоянно используется политическим истеблишментом, чтобы подавить любой жизнеспособный вызов, он должен быть тщательно проанализирован сторонниками ночной работы. Необходимо обдумать несколько вопросов:

существуют ли доказательства того, что движение «гаечного ключа» портит репутацию защитников окружающей среды? существуют ли доказательства обратной реакции против охраны природы, вызванной движением «гаечного ключа»? если да, то не возникла бы она у некоторых групп (лесорубов, например) в любом случае? не является ли обратная реакция более воображаемой, чем реальной? перевешивает ли обратная реакция (если она существует) достижения экосаботажа? Со стороны промышленности (особенно лесозаготовительной), оппортунистических политических деятелей, некоторых авторов передовых статей и правых противников защиты окружающей среды существуют, конечно, попытки запятнать движение защиты окружающей среды «плохой репутацией» экосаботажа. Но мало доказательств того, что такие попытки преуспели. Так как экосаботаж ассоциируется в общественном мнении с «Земля прежде всего!», его не смогли успешно приписать более умеренным группам. (И здесь я говорю с позиций свидетеля таких попыток, когда группы основного направления, такие как Лига охраны природы Айдахо, Фонд охраны природы Аляски и национальный Сьерра-Клуб приглашали меня выступать на их конференциях.)

Может показаться, что существует обратная реакция против таких мер защиты окружающей среды, как учреждения Областей Дикой Природы и ограничения на заготовку древесины, но не существует никаких убедительных доказательств того, что это является реакцией на движение «гаечного ключа». Фактически, более пристальный анализ показывает, что нет никакой обратной реакции против защиты окружающей среды вообще. За двадцать лет в движении охраны дикой природы я слышал предостережения о так называемой обратной реакции, но она никогда не представляла собой что-нибудь большее, чем обычное противодействие заповеданию Областей Дикой Природы или защите общественной земли от лесной, горнодобывающей, энергетической и скотоводческой индустрии и низкопробных реакционеров, таких как водители внедорожников и грязные охотники. Единственная обратная реакция, которая в действительности имела место — это движение «Земля прежде всего!», которое возникло, когда некоторым когда-то умеренным защитникам природы надоело, что их топчут индустрия и неотесанные рабочие.

Предполагаемая обратная реакция противников окружающей среды у лесорубов на Северо-Западе — просто подражание успешным методам защитников природы со стороны индустрии. Хотя лесорубы считают экосаботаж удобной целью для нападков, с тем же успехом они могли выбрать Пятнистых Сов, Области Дикой Природы и Национальные парки, чтобы оправдать себя и поддержать миф о том, что «старовозрастные леса являются упадочными и потерянными». Это бездумное противодействие защите леса среди лесорубов и их единомышленников в маленьких городках было раздуто большими лесозаготовительными корпорациями, чтобы бороться с запоздалым движением охраны природы, которое пробует защищать остаток древних лесов.

Короче говоря, «обратная реакция против движения «гаечного ключа» является скорее воображаемой, чем реальной. Но это не значит, что реальный гнев или фанатизм лесорубов и других не могут привести к насилию — и мы уже видели, как это приводило к насилию — но экосаботаж является скорее удобной мишенью, чем истинной причиной.

Учитывая все это, польза от экосаботажа, защищающего дикие области, которые нельзя спасти обычными природоохранными методами, значительно перевешивает вред от того, что все движение защиты окружающей среды заслужит плохую репутацию и возникнет эффективная обратная реакция, которая затронет посторонних людей.

В начале 1980-х годов издание «Гранд Джанкшн Сентинел» [Колорадо] в своей редакционной статье высказалось против «Земля прежде всего!» и призвало Сьерра-Клуб, который они восхваляли, предъявить иск «Земля прежде всего!» за действия, порочащие репутацию и имидж групп охраны природы. Но они не упомянули предыдущие редакционные статьи, критикующие Сьерра-Клуб в таких же резких выражениях. Главное достижение «Земля прежде всего!» (и экосаботажа) состояло в расширении спектра защитников окружающей среды до такой степени, что Сьерра-Клуб и другие группы воспринимаются как умеренные. Это более чем компенсировало любые отрицательные моменты объединения всей охраны природы с движением «гаечного ключа».

Теперь перейдем от защиты к нападению и рассмотрим некоторые аргументы в пользу движения «гаечного ключа». Существует множество основополагающих аргументов в пользу экологического саботажа, некоторые из которых имеют широко известные прецеденты в американской истории и идеях Западной цивилизации.

Биофилия. Биолог из Гарварда Э. Вильсон доказывает, что многие защищают природу из-за биофилии, внутренней любви к природе. Экозащитники руководствуются большой любовью к дикой природе, биологическому разнообразию и Земле. Олдо Леопольд написал в предисловии к своему классическому произведению охраны природы «Альманах Песчаного Графства»: «есть те, кто может жить без диких вещей, и те, кто не может. Эти эссе — наслаждение и дилемма для тех, кто не может».

Действия движения «гаечного ключа» представляют собой восхищение и дилемму для тех, кто не может жить без диких вещей, и кто видит себя связанным политической системой, которая обслуживает экономическую элиту.

Самооборона. Олдо Леопольд призывал «мыслить, как гора», а австралиец Джон Сид, архитектор международного движения сохранения дождевого леса, утверждает в эссе «За пределами антропоцентризма», что отождествляя себя с дикой природой, человек становится дикой природой: «я защищаю дождевой лес» развивается до «я — часть дождевого леса, защищающая сама себя. Я являюсь той частью дождевого леса, в которой недавно развилась способность мыслить».

Когда мы полностью отождествляем себя с диким местом, движение «гаечного ключа» становится самообороной, которая является неотъемлемым правом. Важно понять, что этот вид самообороны осуществляется в смирении. Экозащитник не является высшим существом, защищающим что-то меньшее чем он сам, скорее антителом дикой земли, действующим в самообороне, и черпающим из леса, пустыни или моря мудрость, силу и стратегию.

Защита своего дома. Эдвард Эбби развивает этот аргумент в своем эссе «Вперед!» в нашей книге «Экозащита».

Если незнакомец вламывается в ваш дом с топором, угрожает вашему семейству и вам самим и начинает брать в вашем доме все, что захочет, его действия, согласно общепризнанным законам и морали, определяются как преступление. В такой ситуации хозяин имеет как право, так и обязанность защищать себя, свою семью и свою собственность любыми доступными средствами. Это право и эту обязанность признают, оправдывают и даже восхваляют во всех цивилизованных человеческих сообществах. Такая самооборона — один из основных законов не только человеческого общества, но и любой, не только человеческой, жизни.

То немногое, что остается от дикой природы Америки, теперь подвергается точно такому же нападению...

Для многих, возможно для большинства из нас, дикая природа в такой же или в намного большей степени является нашим домом, чем убогие маленькие оштукатуренные коробки, фанерные апартаменты и кооперативное жилье из древесной плиты, в которых большая часть из нас заключены ненасытной, перенаселенной и постоянно расширяющейся индустриальной культурой. Но если дикая природа является нашим истинным домом, если она находится под угрозой вторжения, грабежа и разрушения, как это, несомненно, происходит, тогда мы имеем право защитить этот дом, как мы защищали бы наши частные жилища, всеми необходимыми средствами. (Дом англичанина — крепость; дом американца — любимый ручей для рыбалки, любимая горная цепь, любимый каньон, любимое болото, кусочек леса или созданное Богом озеро.)

Обеспечение защиты, в которой нам отказывает правительство, игнорирующее интересы людей. Опросы общественного мнения постоянно показывают, что люди хотят более эффективной защиты окружающей среды, в том числе чистого воздуха и воды, контроля за токсинами, защиты дикой природы, лесов и диких животных, чем это делает правительство. Причина в том, что наши власти — местные, штатов и федеральные, как выборные представители, так и бюрократы, находятся скорее под влиянием корпораций и богатой элиты, чем народа.

Кроме того, корпоративная Америка владеет электронными и печатными средствами массовой информации, и таким образом контролирует содержание новостей. Рекламный доллар накладывает табу на освещение в новостях некоторых тем и пресекает эффективную критику корпоративного контроля. Тому примером — специальный телевизионный выпуск 1989 года Национального Общества Одюбон о лесозаготовках в древних лесах на тихоокеанском Северо-Западе. Лесозаготовители убедили другие корпорации, включая «Форд Моторз» и «Пиво Стро», убрать свою запланированную рекламу из программы, чтобы предотвратить ее выход в эфир. Только потому, что Тэд Тернер был материально способен представить программу в своей сети без рекламы и компенсировать финансовые убытки, программа вышла в эфир.

Поскольку правительство отказывается защищать землю, как хотят граждане, люди имеют право предотвратить разрушение Земли посредством саботажа, так же, как граждане Бостона имели право сорвать планы английского короля и эксплуататорских британских компаний с помощью Бостонского чаепития.

Расширение прав тех, кто поставлен вне закона. Корпорации, неживые объекты, являются лицами в нашей юридической системе¹, в то время как большинство живых существ и живых сообществ (медведи, птицы, киты, леса, коралловые рифы) не имеет никаких прав как лица. Подобно тому, как некоторые категории людей (чернокожие, женщины, коренные американцы, китайцы) были лишены когда-то в нашем обществе многих человеческих прав, тогда как корпорациям были предоставлены полные права.

¹По крайней мере, корпорации имеют привилегии принадлежности к юридическим лицам; к сожалению они не несут ответственность за свои преступления, как люди.

Экономическая и политическая власть рабовладельцев Юга была наиболее слабым местом в Конституции Соединенных Штатов, которая разрешала институт рабства. «Акт о беглых рабах» позже постановил, что беглые рабы, даже в тех штатах, где рабство запрещено, должны быть возвращены их хозяевам. Аболиционисты, выступавшие против рабства из моральных соображений, сознательно нарушали этот закон, организуя Подпольную Железную дорогу, чтобы помочь рабам бежать, а затем перемещать их через Соединенные Штаты в Канаду или безопасные области на Севере.

Лестер Родз, публиковавшийся в журнале «Земля прежде всего!», утверждает, что эта деятельность была первым примером саботажа. Рабы считались частной собственностью. Помогая рабам убежать, аболиционисты уничтожали или воровали частную собственность и в то же время распространяли права на тех, кто находился вне закона. Точно так же экотажики уничтожают частную собственность (например, бульдозеры, геодезические линии), чтобы распространить права на природу.

В «Альманахе Песчаного Графства» Олдо Леопольд пишет: «Этика земли просто увеличивает границы сообщества так, чтобы включать почву, воду, растения и животных или в целом землю». Леопольд обсуждает то, как вначале в человеческом обществе права не распространялись на женщин, рабов и другие категории людей. Они считались собственностью — именно тем, чем считается сегодня сообщество земли. Он приводит доводы в пользу распространения прав на землю и существа, которые образуют ее.

Доктор Родерик Нэш подробно рассматривает это историческое развитие этики в книге «Права природы» и сравнивает такие группы, как «Земля прежде всего!» и Общество охраны природы «Морские пастухи», с группами аболиционистов перед Гражданской Войной.¹

¹Родерик Нэш «Права природы: история экологической этики» (Мэдисон: Издательство Висконсинского университета, 1989 год).

Политическая тактика. Экосаботаж может рассматриваться и как сложная политическая тактика, которая поднимает экологические вопросы и выносит их на публику, тогда как иначе они бы игнорировались в средствах массовой информации; оказывает давление на ресурсодобывающие корпорации, и правительственные агентства, которые не поддаются «законному» воздействию со стороны законопослушных природоохранных организаций; расширяет спектр деятельности защиты окружающей среды так, чтобы лоббирование

группами основного направления не считалось «экстремизмом».

В отличие от других движений, «гаечный ключ» — не основной метод, кроме как в маккиавелиевском смысле, и является дополнительным средством для достижения цели.

Это крайняя мера. Я ранее упоминал поправку Хатфилда от 1989 года по вопросу древних лесов и горы Грэхем в Аризоне. Это только два примера неудачного применения умеренных методов природоохранников по сохранению биологического разнообразия. Когда система не оставляет честным преданным защитникам природы никакой альтернативы, такие люди становятся экосаботажниками.

Немного отличный подход состоит в том, чтобы видеть ценность движения «гаечного ключа» в спасении важных экосистем до тех пор, пока изменения в обществе не сделают такую защиту ненужной. Экосаботаж может помочь спасти строительные блоки эволюции, которые сейчас находятся под угрозой, и вряд ли будут защищены обычными средствами, пока общество не разовьется до этического уровня, который считает дикую природу важной и достойной сохранения, или пока индустриальное общество не потерпит крах и больше не будет представлять угрозы биологическому разнообразию.

Средство противодействия безразличному правительству. Движение «гаечного ключа» — это больше, чем совокупность инструментов и методов для разрушения машин и прекращения определенной деятельности. Оно может также использоваться для того чтобы воспрепятствовать правительству и промышленности, которая контролирует его. Отцы-основатели Америки верили в определение Джоном Локком правительства как договоренности, в которую добровольно вступают свободные индивидуумы в естественном состоянии ради общего блага. Современный исторический и археологический анализ представляет точку зрения на появление государства и природу правительства сильно отличающуюся от сформулированной Джефферсоном и Мэдисоном¹. Эти исследования ведут к тому, что я называю «Железным законом правительства»: «Государство и все его элементы существуют преимущественно для того, чтобы защищать, с применением крайних мер, если это необходимо, власть и статус экономического и философского истеблишмента». Это не предположение «как должно быть»; это — просто одно из «так есть».

1 Лучший анализ исходит от Льюиса Мамфорда. См. особенно его двухтомное исследование цивилизации: «Миф о машине (техника и человеческое развитие)» и «Пентагон (пятигранник власти)» [Нью-Йорк: Харкорт Брейс Джованович, 1964 г.]. Многие книги Мюррея Букчина также широко затрагивают эту тему. «Подъем Запада» Уильяма Х. Мак Нейлла (Чикаго: Издательство Чикагского университета, 1963 г.) является лучшей всесторонней историей цивилизации.

Таким образом нам остается стратегия движения «гаечного ключа». Не реформировать. Ниспровергать.

В дополнение к нелегальному экосаботажу, движение «гаечного ключа» может быть стратегией, которая включает полностью легальные методы, и которая работает в пределах

системы — она известна как движение «бумажного гаечного ключа».

Наиболее успешным примером движения «бумажного гаечного ключа» был Акт об областях дикой природы 1964 года. Этот значительный законодательный документ не был реформаторской мерой, это был гаечный ключ в шестернях правительства. Когда после Второй Мировой войны Лесная Служба начала крошить на части систему и правила Боба Маршалла, то доказала, что не желает защищать дикую природу в Национальных лесах. Акт об областях дикой природы показал, что Лесная Служба неспособна защитить ценности дикой природы, так что решения по Областям Дикой Природы были выведены из ее компетенции. Акт об областях дикой природы представляет собой обвинительный акт менеджменту Национальных Лесов. Заповедание Областей Дикой Природы является средством не реформировать, а ниспровергать стандартный ведомственный менеджмент. (По общему признанию, вероятно некоторые сторонники Акта об областях дикой природы не понимали, что они занимались саботажем вместо преобразования, но анализируя отчаяние, которое привело защитников природы к предложению Акта об областях дикой природы, мы видим, что это фактически гаечный ключ в шестернях.)

Точно так же наиболее важным результатом Национального акта о политике в области окружающей среды было то, что был создан механизм юридических апелляций и судебных процессов против ведомственных решений. Он открывает защитникам природы дверь в ту часть правительства, которое не является частью бюрократии — суды, — которые могут отменить ведомственные решения. Опять же, это — не реформа, это — саботаж, хотя и законный, бумажный саботаж.

Конечно, когда бумажный саботаж терпит поражение, можно использовать более жесткие виды.

Джордж Вашингтон Гайдук. Приходит время, когда биологический кризис становится настолько серьезным, когда времени настолько мало и когда силы экологического разрушения являются настолько мощными, что любитель дикого не имеет иного выбора, кроме сделанного Джорджем Вашингтоном Гайдуком в «Банде гаечного ключа» Эбби. Бонни Абцуг спрашивает Гайдука, как он предполагает вызвать контриндустриальную революцию.

«Гайдук задумался об этом вопросе. Ему было жаль, что Дока не было здесь. Его собственный мозг работал, как осадок масляного картера в зимний день. Как дерьмо. Как проза председателя Мао. Гайдук был саботажником большой ярости, но малого ума. Джип тем временем углублялся все дальше в Национальный Лес Кайбаб, было далеко за полдень. Сосны возвышались в пыльных солнечных лучах, деревья парили, дрозды-отшельники пели, а над этим все небо (не имея альтернативы) цвело своими заимствованными цветами заката — синим и золотым.

Гайдук задумался. Наконец пришла идея. Он сказал: «моя работа состоит в том, чтобы спасти гребаную дикую природу. Я не знаю чего-либо еще заслуживающего спасения».

Итак, в конечном счете, мы подходим к выбору. Дымящие трубы, открытые карьеры, сплошные вырубki для роскошных домов, ДДТ в пингвином жире, верхние слои почвы,

смываемые в море, китовое мясо на японских тарелках, леопардовые шкуры на тщеславных богачах, ручки кинжала из рога носорога на йеменских поясах, почти четыре тысячи миллионов лет красоты, разнообразия и жизни, уничтоженной на протяжении одного или двух человеческих поколений.

Или гусиная музыка, древние хвойные леса, фонтанирующие киты, богатые тропические дождевые леса, слоны, носороги и львы, коралловые рифы, воющие волки, чистый воздух и чистая вода, почти четыре тысячи миллионов лет красоты, разнообразия и жизни, продолжающей плыть сквозь черноту пространства на протяжении еще четырех миллиардов лет.

Машина. Или Жизнь.

Нельзя ли обойтись без шипования деревьев?

Позвольте вашей жизни быть контр-трением, чтобы остановить машину

Генри Дэвид Торо

Если мы согласимся с тем, что забивание гвоздей в деревья может быть эффективным в остановке лесозаготовки, что это инструмент, который должен быть сохранен в движении «гаечного ключа», необходимо предпринять шаги, чтобы разрядить политическую напряженность вокруг ее.

Во-первых, экозащитники должны признать шипование чрезвычайной мерой, которая должна использоваться только тогда, когда исчерпаны другие средства. Однако, наиболее безопасно забивать гвозди за несколько лет до того, как участок отводится под вырубку. Тогда меньше вероятность столкновения со зрителями леса или покупателями древесины и это позволяет дереву нарастить кору поверх шипа, маскируя его и делая его поиск и удаление более трудным. Поэтому, кто-то может утверждать, что профилактическое забивание гвоздей является наилучшим методом. Если обычные средства позднее остановят вырубку — прекрасно; если этого не произойдет, то можно предупредить, что шипы уже находятся в деревьях. Когда без саботажа не обойтись, необходимо использовать менее сенсационные методы типа уничтожения геодезической разметки, разрушения дорог и выведения из строя тяжелого оборудования. Регулярное разрушение ключевых участков сети грунтовых дорог и новых дорог в Национальных Лесах могло бы сделать больше для прекращения лесозаготовки древнего леса, чем это делает забивание гвоздей.

Во-вторых, те, кто забивает шипы в деревья, должны сделать все возможное для уменьшения потенциальной опасности для людей. Компании, планирующие рубить или пилить древесину, в которую были забиты гвозди, должны быть безошибочно и прямо предупреждены (без угрозы!). Предупреждение должно быть сдержанным, а не язвительным и дерзким.

В-третьих, не следует предавать широкой огласке забивание гвоздей в деревья. Предупреждать Лесную Службу и лесозаготовительные компании необходимо, а средств массовой информации не обязательно. Это дает упрямам-лесорубам возможность тихо отказаться от вырубки, не теряя лица, и не лишаясь поддержки сообщества. Однако, средства массовой информации должны быть обязательно оповещены, если есть подозрение, что Лесная Служба или лесоподрядчики так или иначе продолжают вырубку в расчете на то, что несчастный случай можно будет предать широкой огласке.

В-четвертых, члены движения «гаечного ключа» должны принять во внимание и другую потенциальную проблему шипования деревьев. Много лет спустя бензопила невинного дровосека может наткнуться на шип. Конечно, заготовление дров возможно только там, где есть дороги, поэтому следовало бы забивать гвозди в деревья только в свободных от дорог областях и предупреждать Лесную Службу и потенциальных подрядчиков прежде, чем дороги будут построены в этой области. Возможно, это не главная проблема, но ее следует принять во внимание прежде, чем забивать гвозди в деревья.

Наконец, защитники леса должны ясно сформулировать необходимость в сохранении древних и других природных лесов (включая восстанавливающиеся леса второго роста). Мы должны постоянно стараться донести свою идею до публики понятным способом.

Забивание гвоздей в деревья — чрезвычайная, но необходимая тактика. Соединенные Штаты, Канада и Австралия опустошили древние леса в большей степени, чем это сделало большинство тропических стран в отношении дождевых лесов. Жадные практики лесоводства, вызывающие исчезновение видов, во всех отношениях являются столь же необузданными в наших «развитых» странах, как и в Третьем мире. Сохранилась мизерная доля древнего леса умеренной полосы — возможно, слишком малая, чтобы поддерживать сложные сообщества, которые эволюционировали на протяжении тысячелетий. Но остатки должны быть защищены. Северная Белка-Летяга, Западная Красноспинная Полевка, Северная Пятнистая Сова... согласились бы с этим. Иначе быть не может.

Стратегия движения «гаечного ключа»

Это реальный мир, мучачо, и вы находитесь в нем.

Б. Трейвен

Доберман как ненормальный залаял на весь квартал ни свет, ни заря. Я заткнул уши, перевернулся и погрузился в сон. Через пару часов меня разбудил топот многих ног в зале за спальней и незнакомый, но властный голос, выкрикивающий мое имя.

Сбитый с толку внезапным пробуждением, слабо слыша из-за затычек в ушах, я открываю глаза и вижу трех человек вокруг своей кровати с Магнумами-357, направленными на меня. Мелькнула мысль о скрытой камере. Но нет, эти парни, действительно агенты ФБР, и я нахожусь под арестом.

Человеческий мозг устроен так, что ему требуется хороший пинок несколькими футами ниже, чтобы он осознал новые реалии. Для меня и других экокочитников так было с пониманием того, что реакция правительства и корпораций на движение «гаечного ключа» изменилась за последние два года.

Не то, чтобы нас не предупреждали о том, что для защита и практика движения «гаечного ключа» наступают трудные времена. Несчастный случай на лесопилке Луизиана-Пасифик в 1987 году вызвал дикие вопли по поводу «экоотерроризма» со стороны проституток и сутенеров быстрого доллара индустрии жадности и насилия. Добавление поправки Сенатора Джеймса Мак Клера к многоаспектному законопроекту о наркотиках в конце 1988 года должно было предупредить нас о том, что призраки натягивали свои плащи и точили кинжалы. Но только теперь, когда мы понимаем, что экосаботаж прошел свой переходный период, становится ясной вся картина блиц-крига ФБР против «Земля прежде всего!». Его использование как тактики, стратегии и символа защиты природного разнообразия теперь происходит в новой, более опасной окружающей среде.

Когда я читал документы ФБР по их кампании, сфабрикованной против меня и других активистов, когда я изучал историю операций COINTEL-PRO по уничтожению диссидентских групп двадцать лет назад, через мой толстый череп неандертальца начало доходить, что для того, чтобы движение «гаечного ключа» осталось эффективным инструментом защитников Земли, практикующие его должны приспособиться к новой ситуации. Если они не смогут приспособиться, то быстро исчезнут под давлением власти.

Юношеская бравада и импульсивное вызывающее поведение не принесут пользы в этом столкновении. Храброе сопротивление разрушению планеты крайне важно, но я сомневаюсь, что следует играть роль трагических героев или мучеников. Несмотря на небрежный «радикализм» некоторых, ум, хитрость, обдуманность и зрелость не противоречат бескомпромиссной защите Земли. На самом деле, эти качества являются абсолютно необходимыми. Движение «гаечного ключа» представляет собой непосредственный продукт теории партизанской войны, а хороший партизан — это тот, кто снова и снова возвращается, чтобы бороться.

Для того, чтобы члены движения «гаечного ключа» приспособились к новым условиям, они должны быть открытыми, творческими и более гибкими. В то время как я не стал бы никого агитировать за движение «гаечного ключа» (это всецело личный выбор)¹, в то время, как сам я вынужден был навсегда отложить свой гаечный ключ с перламутровой ручкой, сидя вокруг походного костра в глуши с несколькими старыми друзьями, куря хорошую сигару и размышляя о будущем движения «гаечного ключа» вообще, я мог бы сказать Джорджу и Бонни, что у меня есть несколько идей для тех участников движения, которые хотят быть максимально эффективными, но не хотят быть пойманными.

¹Что еще важнее, я не хотел бы отговаривать кого-либо от участия в движении «гаечного ключа». Те, кто желает совершить экосаботаж нужны сегодня, как никогда. То, что я предлагаю здесь — это просто совет. Я уважаю аргументы тех храбрых душ, которые объявляют, что идти на риск при защите природного разнообразия необходимо, что эта битва гораздо более важна, чем наша личная свобода и безопасность. Моя цель состоит в том, чтобы помочь членам движения «гаечного ключа», которые хотят уменьшить риск и предложить им способы сделать экосаботаж более доступным для широкой публики и уменьшить обвинения в «терроризме».

Займитесь саботажем в одиночку или с немногими абсолютно надежными помощниками. В то время как они могут увеличить эффективность члена движения «гаечного ключа» и позволить ей или ему атаковать большие и более интенсивно охраняемые объекты, и иногда быть в большей безопасности, большую часть экосаботажа может благополучно осуществить один человек. Кроме того, если работать одному, то не нужно волноваться по поводу болтунов, проникновения информаторов или агентов- провокаторов, или предательства со стороны слабых характерных соотечественников, пытающихся спасти собственные шкуры. Однако, если человек решает совершать экосаботаж с партнерами (мы должны признать, что как социальные существа, обычно хотим действовать вместе с друзьями), не должно быть никаких сомнений в том, что они заслуживают доверия. Опытные члены движения «гаечного ключа» работают только с теми, кому доверили бы свою жизнь, потому что именно ее и доверяют. Количество вовлеченных людей должно быть минимальным.

Будьте незаметными. К сожалению, быть активным членом движения «Земля прежде всего!» или даже посещать его мероприятия, значит попасть под подозрение правоохранительных структур, отслеживающих членов движения «гаечного ключа». Подосланные агенты будут нацеливаться на собрания и группы «Земля прежде всего!», чтобы выследить потенциальных экосаботажников. Скучающие полицейские, играющие в

Джеймсов Бондов, фотографируют участников собраний «Земля прежде всего!», или записывают номера транспортных средств возле таких мероприятий. Наиболее эффективными членами движения «гаечного ключа» будут те, кто остается невидимым, кто вроде бы занимается своим делом, кто кажется безразличным и не участвующим в делах.

Учитывая пылкий интерес жандармов к аресту каждого члена движения «гаечного ключа», для активиста небезопасно быть замеченным и в группах основного направления, таких как Сьерра-Клуб.

Не щеголяйте наклейками на бамперах, повязками «Гайдук жив», или другими броскими эмблемами. Любая природоохранная наклейка на бампере в некоторых сельских районах может навлечь на человека подозрение. Осторожные экотажники могут даже закамуфлироваться переводной картинкой американского флага или наклейкой Национальной стрелковой ассоциации.

Держите «Экооборону» вне поля зрения. Иметь эту книгу равносильно признанию вины. Не выставляйте ее напоказ в транспортных средствах, дома или на работе. Не похваляйтесь ею. Читайте ее, изучайте и используйте, но не позволяйте ей навлечь на вас подозрение.

Держите рот на замке. Экотажники не должны никому говорить о своих подвигах. Если и хвастаться, то, по крайней мере, не упоминая имен саботажников. Нельзя никого подставлять ни при каких обстоятельствах!

Опасность, которую многие недооценивают, рассказывая о своих подвигах, состоит в том, что ваших друзей могут вызвать для показаний большому жюри. Если им предлагают защиту от судебного преследования, они не могут воспользоваться своим правом из Пятой Поправки и могут быть вынуждены давать показания о других людях. Если они откажутся, то могут попасть в тюрьму. Если солгут, чтобы спасти друга, то могут быть осуждены за лжесвидетельство и опять-таки попасть в тюрьму. Члены движения «гаечного ключа» никогда не должны ставить друзей в такое положение.

Не привлекайте внимание средств массовой информации. Разумная огласка движения «гаечного ключа» ранее была полезна, чтобы показать другим как широко она распространена и насколько необходима. Это поощряло потенциальных членов движения «гаечного ключа» и запугивало разрушителей дикой природы. Можно утверждать, что движение «гаечного ключа» уже получило адекватное внимание средств массовой информации, и может теперь эффективно продолжаться без огласки. Конечно, предупреждать Лесную Службу или лесоподрядчиков о гвоздях в деревьях необходимо. И в некоторых случаях огласка по-прежнему может послужить достойной цели; это должно определяться в каждом отдельном случае.

Избегайте объектов, связанных с национальной безопасностью или крупными индустриальными структурами. Действия против них повлекут расследование со стороны ФБР или других специализированных подразделений, более серьезные судебные наказания, вызовут большее осуждение общественности и средств массовой информации, потребуют более серьезного планирования и большего числа экотажников и исторически достигли

немногого.

Избегайте тех, кто говорит о саботаже. Если кто-то начинает говорить о конкретном саботаже, уходите или повесьте трубку.

Избегайте или подвергайте остракизму сумасшедших, сторонников насилия или незрелых болтунов-мачо. Это люди, которые подводят под неприятности отдельных членов движения «гаечного ключа» и дискредитируют группы защиты окружающей среды, будь они провокаторами, сумасшедшими или просто дураками. Исключите их из своей собственной жизни и из мероприятий по защите окружающей среды.

Минимально используйте методы движения «гаечного ключа», которые можно охарактеризовать как «насильственные». В широком смысле слова. Осторожные члены движения «гаечного ключа» избегают взрывчатых веществ, огнестрельного оружия и поджога, и ищут альтернативы забиванию гвоздей в деревья всегда, когда это возможно. Они принимают меры безопасности и серьезно заботятся о благополучии тех, кто может соприкоснуться с их деятельностью.

Избегайте публичных заявлений или писем, которые могут выглядеть как защита насилия. Опять же, экозащитники должны определять «насилие» широко. Кстати, нужно избегать таких слов как «они никогда не возьмут меня живым». После них могут не выпустить под залог после ареста.

Будьте готовы отречься от глупых действий. Действия типа поджога сарая для аукциона домашнего скота в Диксоне (Калифорния), саботажа линий электропередачи в День Земли 1990 года в области Санта-Круз (Калифорния) и сжигания американского флага на randevу «Земля прежде всего!» в 1989 году на Раунд Ривер, совершаемые либо дураками, либо людьми, преднамеренно старающимися дискредитировать «Земля прежде всего!» (лесорубами, агентами правоохранительных органов и т.д.), будут множиться. Ораторы от «Земля прежде всего!» и других групп охраны природы должны быть осторожны в комментариях относительно сомнительных событий. Они не должны осуждать хорошо проведенный и должным образом нацеленный акт экосаботажа, и все же они не должны позволять себе быть обманом вовлеченными в поддержку глупости. Лучше отказаться от комментариев, если вы обладаете неполной информацией об обстоятельствах.

Конечно, эти комментарии — всего лишь беседа у костра, кольца дыма, выпущенные в ночной воздух, бессвязный аккомпанемент к крику сов. Своего рода случайный разговор, который вы могли бы услышать в захудалой бостонской прибрежной таверне, скажем, в 1773 году...

Опасности незаконной акции

Несомненно, одной из наивысших обязанностей гражданина является точное выполнение законов нации. Но это не самая высокая обязанность.

Томас Джефферсон

Некоторые из опасностей сознательного неповиновения закону быстро становятся очевидными для любого, кто хочет так действовать. Унижение и скука ареста, лишение свободы и судебные разбирательства могут быть почти невыносимыми. Поединок с юридической системой стоит денег, времени и энергии. Наконец идет наказание с дальнейшей потерей денег (штрафы) или свободы (тюремное заключение). Могут возникнуть и другие опасности. Против группы «Сапфир Шесть», которая оккупировала лесозаготовительный участок в Орегоне, подрядчик подал иск за время простоя. Член «Земля прежде всего!» из Техаса Джеймс Джексон повредил себе ногу, когда офицер Лесной Службы срубил дерево, на котором он сидел. Активист мира Брайен Вилсон потерял ноги под поездом. Студентов, которые проводили кампанию против тирании в Пекине, поставили к стенке. Когда человек участвует в преднамеренном гражданском неповиновении, он быстро начинает понимать принцип Мао, «политическая власть растет из оружейного ствола».

Будучи недавно арестованным в своей кровати вооруженным отрядом агентов ФБР, играющих в грязного Гарри, а теперь столкнувшись с возможным пятилетним заключением в федеральной исправительной тюрьме по сфабрикованному обвинению, я не имею никакого желания преуменьшать эти опасности. Любой, кто хочет противостоять коррумпированному и жестокому истеблишменту, должен принимать то, что он или она могут в конце концов столкнуться с этим крайне тоскливым моментом.

Но есть другие ловушки в нарушении законов, более тонкие, чем вышеупомянутые, но не менее опасные.

Одна из опасностей состоит в том, что сознательно нарушая несправедливые законы или тщательно планируя разрушение собственности, уничтожающей дикую природу, человек противопоставляет себя их создателям, пользователям и защитникам, или владельцам и пользователям этой собственности. Отсюда легко сделать шаг к дуалистическому миру «Мы» против «Них». Когда мы создаем такой мир, наши оппоненты становятся врагами, другими, злыми мужчинами и женщинами вместо мужчин и женщин, которые совершают зло. В таком дихотомическом мире они теряют свою человечность, и мы не видим причин вести себя этично или внимательно по отношению к ним. В этом психологическом состоянии

мы становимся «истинными верующими», и любое действие против врага кажется оправданным. Вспомним только Адольфа Гитлера или Аятоллу Хомейни, чтобы увидеть ущерб для психики, который является результатом таких отношений.

Другой опасностью нарушения закона является потеря фокуса. Для практикующих гражданское неповиновение или экосаботаж в защиту природного разнообразия, фундаментальными вопросами являются дикая природа и дикие животные. Нашими противниками являются федеральные агентства менеджмента земли и ресурсодобывающие отрасли промышленности. Однако, после ареста, лишения свободы и приговора суда легко запутаться и начать рассматривать несправедливость юридической системы как фундаментальную проблему, которой мы должны заниматься, а помощников шерифа, тюремщиков и судей, с которыми мы сталкиваемся, как своих основных противников. Когда это происходит, наше фокусирование на дикой природе рассеивается. Важно сохранить эту фокусировку.

Прилив адреналина от хорошо спланированного действия может показаться эффективным противовесом унылой безопасности и уверенности, обеспечиваемой современным обществом. Некоторые обращаются к экстремальным видам спорта, таким как скалолазание, парашютный спорт или вело (мото) кросс, стремясь к тому же результату. Член движения «гаечного ключа» может оказаться очарованным азартом разрушения машин и безнаказанностью этого. Жажда деятельности может быть оправданной частью вознаграждения за храбрую защиту дикости, но становится опасной, когда превращается в горячку или первопричину нарушения закона.

Часто ключевым элементом гражданского неповиновения или движения «гаечного ключа» является получение признания общественности или осознания ею несправедливости некоторых законов. Если наше этическое неповиновение несфокусированное, неприцельное и этически неоднозначное, то мы становимся для других хулиганами и уголовными преступниками. Если нарушители закона ради благого дела действуют необдуманно, то принижается этическая ценность того, что они делают, а власть предрержащим становится легче восстановить публику против справедливых дел.

Самая большая скрытая опасность нелегального действия состоит в том, что когда человек нарушает, пусть несправедливый, закон регулярно, это может стать соблазном. Нарушение закона становится обычным, даже нормальным.

Хотя законы современного государства созданы экономической элитой и для нее, чтобы поддерживать ее финансовое положение и защищать философскую ортодоксальность, под которой она подписывается, многие законы, тем не менее, необходимы, когда миллионы людей живут в непосредственной близости. Любое человеческое общество имеет обычаи и правила, регулирующие отношения между индивидуумами. Это естественно; им нужно повиноваться. Я верю в законы против насилия, нападения и вторжения в Области Дикой Природы с транспортными средствами или бензопилами.

Чем чаще человек сознательно нарушает закон, будь это ненасильственное гражданское неповиновение или движение «гаечного ключа»,¹ тем тщательнее надо обдумывать свои

действия. Без такой разборчивости рискуешь нанести ущерб собственной душе и своему делу. Когда мы нарушаем несправедливые политические законы, чтобы повиноваться высоким законам этики, мы должны не дать хода привычке пренебрегать нормами вообще. Действительно, когда человек сознательно участвует в гражданском неповиновении, время от времени необходимо относиться к справедливым законам с еще большим чувством ответственности.

1Я должен здесь признать, что общественное гражданское неповиновение и тайное движение «гаечного ключа» обычно считаются совершенно разными стратегиями и участвуют в них очень разные люди. Хотя и то, и другое связано с сознательным нарушением закона, для многих членов движения «гаечного ключа» нарушение закона — побочный эффект. Их цель — остановить разрушительные машины, угрожающие природному разнообразию. Однако, такие действия оказываются незаконными. В этом плане экосаботаж разделяет опасности гражданского неповиновения, обсуждавшиеся здесь.

Кто-то из тех, кто глубоко предан защите Земли и противостоянию тирании, наверняка не согласится с вышесказанным. Некоторые участники акций экозащиты могут доказывать, что они не обязаны уважать правила или обычаи этого общества, что они являются свободными людьми, или создают новое общество с новой моралью.

К сожалению, я не настолько уверен в самом себе. Это был бы более легкий, более простой мир. Он был таким для героев спектаклей-вестернов в пятидесятые годы. Я хотел быть похожим на них — сильным, немногословным, уверенным и цельным.

Но я вижу, что не могу поставить себя вне или выше общества. Как вы измените общество, если вы отделены от него? Как вы поймете себя, если вы отрицаете социальную среду, которая сотворила вас? Как вы получите поддержку своих целей и действий, когда ваше поведение отчуждает потенциальных сторонников?

Мудрые партизаны знают, что они являются частью общества и нуждаются в поддержке со стороны населения. Изолированный, отчужденный партизан также потерян и уязвим, как изолированная, отчужденная Горилла (игра слов англ. guerilla-партизан, gorilla — горилла). Мы, приматы, являемся общественными животными. Наша принадлежность к части племени имеет давние, глубокие корни, мы определяем себя по культурному контексту, в котором родились.

Мы отрицаем экологию человека, когда утверждаем, что можем действовать совершенно независимо от нравов общества, когда определяем себя как этические острова, никому не обязанные, не несущие ответственности перед другими за свои собственные действия. Тут мы входим в неотмеченные на карте воды, за пределами антропологии, за пределами биологии, в модернистское отчуждение и нигилизм, в кошмар Хоббза «все против всех», темное и ужасающее место, настолько далекое от дикой природы, насколько мы можем представить.

Некоторые мысли о нетерпимости, разнообразии... и Эде Эбби

Но я крестоносец на неполный рабочий день, нерешительный фанатик.

Эдвард Эбби

На тропе политического активиста скрывается больше опасностей, чем я могу сосчитать. Одной из них является опасность стать Истинным Верующим. Это, может быть, самая большая и сильная опасность.

Всем знакомы черты Истинного Верующего: он теряет чувство перспективы и верит в то, что его проблема является самой важной; он часто становится эгоцентричным, и, следовательно, слишком критичным и нетерпеливым по отношению к другим; он может впадать в уверенность, что является незаменимым, что никто другой не может сделать его работу. Самой ужасающей чертой Истинного Верующего, тем не менее, является утрата терпимости к другим методам, к любому, чьи идеи не являются «политически правильными». Политическая правильность определяется не только насущным вопросом, но и длинным списком вопросов и позиций. Те, кто не соответствуют по каждому пункту — полностью неуместны. Истинный Верующий верит в то, что его путь единственно правильный. Кто не избрал этот путь, либо глупый простофиля, либо сознательный агент зла.

Именно поэтому наиболее яростные кошачьи драки происходят внутри конкретного дела: Истинные Верующие наиболее часто шипят, плюются и царапают тех, кто демонстрирует незначительную ересь по отношению к раскрытой истине. В истории цивилизации такое пагубное безумие повторяется снова и снова.

Несмотря на убежденность Истинных Верующих в своей правоте, разнообразие в социальных и политических делах является столь же важным, как и в экосистемах. (Например, экосистема только с одним хищником, поедающим крупных травоядных, в целом менее устойчива, чем экосистема с несколькими такими хищниками. Животное, которое зависит исключительно от единственного вида растения, находится в более уязвимом положении, чем то, которое может питаться многими видами.) Чтобы противостоять экстраординарному вызову, который брошен человечеством, разрушающим биоразнообразие, в условиях подавления и эксплуатации людей элитой и жестокой олигархией, разнообразие особенно важно. Проблемы, стоящие перед нами настолько

обширны, настолько многогранны, что нет никакого истинного пути, никакого совершенного ответа. Необходимо много путей; необходимо задать много вопросов. Многие стили доступны и уместны; множество инструментов подходит для различных аспектов каждой проблемы.

Мы создавали «Земля прежде всего!» не с мыслью о том, что наши методы — конфронтационное гражданское неповиновение, движение «гаечного ключа» и бескомпромиссная защита — единственно правильные. Мы основали «Земля прежде всего!», потому что эти конкретные инструменты не использовались в защиту исконного разнообразия. В условиях глобального экологического кризиса такими же важными, как методы «Земля прежде всего!» являются и методы «Охраны природы», Сьерра-Клуба, Общества Одюбон, Общества дикой природы, «Защитников диких животных», Института Острова Земля, Сети действий в защиту тропического леса, Холистических экономических консультантов «Каскад», Общества природоохранной биологии, «Отрицательного прироста населения», Совета защиты природных ресурсов, Гражданского центра обмена информацией по опасным отходам, Института наблюдения за миром, Гринпис, Культурного Выживания, биорегионалистов, партий зеленых и бесчисленных локальных групп. Я могу внести несколько предложений о том, как сделать их более эффективными, но покупка земли в целях охраны природы, лоббирование Конгресса и агентств по экологическим вопросам, подача апелляций и судебных исков по вопросам окружающей среды, проведение научного и экономического исследования ценностей дикой природы и разработка альтернативных неразрушающих способов жизни — действенные и необходимые методы, также как прямолинейные и применяющиеся в крайнем случае методы Общества Охраны природы «Морской Пастух» и «Земля прежде всего!».

Чтобы защитить три с половиной миллиарда лет эволюции от разграбления нашим международным индустриальным обществом, необходимо как можно большее разнообразие методов. Должен использоваться каждый доступный инструмент; должен поощряться каждый подход, от деловых исков и портативных компьютеров до камуфляжа и забивания шипов в деревья. Спектр защитников природы должен быть расширен и полностью заполнен. Следует задавать больше вопросов; предлагать более провокационные, оригинальные ответы.

Однако, с практической точки зрения, разнообразие под одной крышей имеет свои пределы — это одна из причин, почему необходимо много независимых групп. Единогласное принятие решения работает только тогда, когда есть общее согласие в мировоззрении и правильном подходе. Если группа слишком разнообразна, то слишком много времени тратится впустую на дебаты о стратегии и философии и делается слишком мало реальной работы. Например, несмотря на то, что «Охрана природы» и «Земля прежде всего!» имеют общую цель — спасение исконного разнообразия, наши методы настолько различны, наши стили настолько разнятся, что они никогда не смогли бы объединиться в единую организацию!

Иногда, по мере роста группы, она становится все более и более разнообразной, расширяя свою «крышу» все дальше и дальше в сторону, включая большее количество стилей и тактик. Когда это разнообразие становится контрпродуктивным, когда нет общего согласия

относительно философии, стиля, стратегии и тактики, когда различные фракции непрерывно препираются между собой, а внутренние разногласия мешают делать реальную работу — тогда пришло время для развода по взаимному согласию сторон. Они должны идти своими путями без взаимных обвинений, без гнева, признавая достоинства других позиций, но понимая, что существуют реальные различия. Вот конкретный пример. В кампании гражданского неповиновения 1984 года по спасению старовозрастного леса в Орегоне имело место значительное расхождение между сторонниками философского отказа от насилия и буйными членами «Земля прежде всего!». Приверженцы философии Ганди возражали против сжатого кулака на эмблеме движения и клички «Фредди» для агрессивных офицеров Лесной Службы. Члены «Земля прежде всего!» полагали, что заблаговременно информировать правоохранительные органы о запланированных действиях контрпродуктивно, потому что это уменьшает вероятность прекращения лесозаготовки. В результате отделилась группа действия «Соборный лес» и проделала значительную работу. Если бы мы все пытались остаться под знаменем «Земля прежде всего!», то энергия была бы потрачена впустую в бесконечных дискуссиях между людьми, не разделяющими основные принципы.

Но какое отношение все это имеет к Эду Эбби? Эдвард Эбби не был Истинным Верующим.

Старый Кактус Эд имел твердые убеждения, да. Он был дико влюблен в дикое. Он верил в защиту того, что любил, и защищал его в полную силу. Он любил хорошо поспорить, и любил сбивать спесь с напыщенных Истинных Верующих.

Но Эд не воспринимал себя слишком серьезно. Он смеялся над собой так же часто, как и над другими. Он создавал карикатуру на самого себя. И лишённые чувства юмора, убежденные в своей правоте Истинные Верующие с их единственно верным путем никогда не понимали того, что Эд говорил.

Два десятилетия назад я жил в течение нескольких лет в Зуни Пуэбло. Там, в разломах скал и можжевельниковом лесу западного Нью Мексико на закате исчезают стены, в которые заточил нас Рене Декарт. Здесь его границы между разумом и телом, Человеком и природой растворяются.

Из ритуалов зуни я почерпнул больше, чем за все воскресенья, проведенные ребенком в церкви. Больше всего я узнал от Грязногоголовых Качина. В то время как исполнялись наиболее священные ритуалы, «Грязные головы» валяли дурака, высмеивая каждого, как если бы монахини показывали верующим голый зад в то время, когда Римский Папа читал Пасхальное благословение. Это было бы ужасно для хорошего мусульманина, католика или баптиста, но это совершенно естественно для зуни.

Только после смерти Эда я вернулся в памяти к дням, проведенным среди зуни, к морозной ночи в Шалако в начале декабря и к «Грязным головам». Эд Эбби был Грязноголовым Качина движения охраны природы и, возможно, всего проклятого движения социальных перемен в этой стране. Он был Койотом. Пукающим в культурной компании. Приводящим в ярость напыщенных ханжей, педантов и тупиц. Освистывающим Истинных Верующих. Плюющим на то, что является политически правильным.

И таким образом выполнявшим священную работу.

Эд глубоко понимал необходимость равновесия. Он писал: «Будьте, как я крестоносцем на неполный рабочий день, нерешительным фанатиком... Недостаточно бороться за Запад; еще более важно наслаждаться им». Всякий раз, когда мы переутомлены и растеряны, всякий раз, когда мы теряем душевное равновесие и перспективу, мы должны читать этот мудрый совет Эбби.

Но как этот Койот, роющий когтями в пыли, применим к реальному миру активной защиты окружающей среды?

Прежде всего, нужно чаще смеяться над самими собой. Нужно больше юмора в природоохранных публикациях; мы, защитники природы, должны воспринимать себя менее серьезно. Мы должны приветствовать «Грязные головы» и Койотов среди нас.

Все течения в движении окружающей среды должны лучше относиться к другим течениям, другим подходам. Каждый из нас делает важную работу. Каждому из нас необходимо понимать, что наша конкретная группа — не все движение окружающей среды.

Все мы, трудящиеся в области защиты окружающей среды, мира и справедливости должны воспринимать свою философию, свое мировоззрение с зерном соли. Путь, которому я следую — Глубинная Экология: идея о том, что дикая природа имеет ценность в себе и для себя, что Медведь Гризли имеет столько же прав на то, чтобы жить своей жизнью, сколько и человек на то, чтобы жить своей — не является совершенной, отлитой в бетоне догмой. Если когда-нибудь она ею станет, то станет ничего не стоящим, всего лишь еще одним, жестким евангелием. Тем не менее, нам абсолютно необходима мифология, чтобы вести нас в нашей работе. (Мы, в конце концов, всего лишь люди. Давайте не отрицать антропологию.) Моей мифологией и мифологией моих товарищей является Глубинная Экология или биоцентризм. Но, независимо от того, насколько она реальна, насколько глубока, мы должны осознавать, что это всего лишь абстракция. Это хорошая, рабочая гипотеза, чтобы действовать. Но это — не непогрешимое священное писание. Подобно любой абстракции, любому описанию действительности, философия Глубинной Экологии — это всего лишь карта. А карта вовсе не то же самое, что территория.

Наконец, мы действительно должны принять совет Эда Кактуса: спускайтесь по этим рекам, поднимайтесь на эти горы, встречайтесь с Гризли. И мочитесь на могилы застройщиков.

Мечта о Большой дикой природе

Оставьте ее, как есть. Вы не можете улучшить ее. Работа велась веками, и человек может ее только испортить.

Теодор Рузвельт

В 1963 году Мартин Лютер Кинг-младший стоял перед толпой в Вашингтоне, округ Колумбия, и кричал: «у меня есть мечта!». Захваченные его красноречием, мы сделали реальный шаг к его мечте о расовой справедливости год спустя, когда Президент Линдон Джонсон подписал Акт о гражданских правах.

В то лето, когда Акт о гражданских правах стал законом, стала законом и еще одна противоречивая мера, также потребовавшая многолетней смелой кампании. Это законодательство воплотило мечту, не менее благородно или красноречиво сформулированную, чем мечта доктора Кинга:

Для того, чтобы увеличивающееся народонаселение, сопровождаемое расширением населенных пунктов и растущей механизацией, не заняло и не изменило всех областей в пределах Соединенных Штатов и их владений, не оставив никаких земель в их естественном состоянии для заповедания и охраны, настоящим политикой Конгресса объявляется обеспечение для настоящих и будущих поколений Американского народа блага долговременного ресурса дикой природы.

В 1989 году отмечали двадцать пятую годовщину Акта об областях дикой природы. Как и положено, празднования проводились Лесной Службой (которая твердо выступала против этого законодательного документа три десятилетия назад) и группами охраны природы от национального Сьерра-Клуба до Друзей Области Дикой Природы Джила, в Нью-Мексико, по всем Соединенным Штатам. Общество Дикой Природы напечатало юбилейные статьи в своем журнале «Дикая природа» и создало специальную карту Национальной системы Областей Дикой Природы. Теперь, когда вполне заслуженное празднование закончено, было бы хорошо рассмотреть достижения Акта об областях дикой природы более пристально. Пришло время спросить, о том ли мы мечтали. И, что еще более важно, о чем мы мечтаем на следующие двадцать пять лет.

О защите конгрессом Областей дикой природы мечтали многие мужчины и женщины, но двое из тех, кто, возможно, сделал для этого больше всего, Боб Маршалл и Говард Занисер, не дожили до ее воплощения.

Боб Маршалл называл Олдо Леопольда «Командующим сражения за дикую природу». Не сбрасывая со счетов важность Леопольда, описание поля битвы лучше подходит самому Маршаллу. Леопольд был ответствен за первую Область Дикой Природы, административно учрежденную Лесной Службой Соединенных Штатов (Джила, Нью-Мексико в 1924 году); но именно Боб Маршалл (который организовал и финансировал Общество Дикой Природы в 1935 году) в конце 1930-х годов, в качестве Главы отдела рекреации Лесной Службы учредил систему защиты диких земель в Национальных Лесах. В предложениях, обнародованных Маршаллом, заповедалось приблизительно 14 миллионов акров как «Примитивные Области» и формировался процесс их более пристального изучения и установления твердых границ. После такого изучения, площадь более чем 100,000 акров была бы заповедана как «Область Дикой Природы», меньше 100,000 акров — как «Дикая Область». Через два месяца после того, как эти предложения были одобрены Руководителем Лесной Службы Фердинандом А. Силкоксом, в ноябре 1939 года Маршалл, легендарный пеший путешественник на дальние расстояния, умер в поезде от сердечного приступа в возрасте 38 лет¹.

1 Прекрасная биография Маршалла — Джеймс М. Гловер «Оригинал дикой природы: жизнь Боба Маршалла» (Сиэтл: Маунтанриз, 1986 г.). Превосходные истории движения заповедания дикой природы — Родерик Нэш: «Дикая природа и американский разум» (Нью-Хейвен: Издательство Йельского университета, 1982 г. [третье издание]) и «Битва за Дикую Природу» Майкла Фрома (Нью-Йорк: Прэгер, 1974 г.).

После Второй Мировой Войны Лесная Служба продолжила исследования, запланированные Маршаллом, но к этому времени организацию уже поработили лесозаготовки. Новое поколение защитников природы с тревогой наблюдало за расчленением системы Маршалла, когда Лесная Служба предложила Области Дикой Природы меньшие, чем исходные Примитивные Области. В 1951 году призвал к заповеданию Конгрессом Областей Дикой Природы исполнительный секретарь Общества Дикой Природы, Говард Занисер. Занисер составил законопроект и начал претворять его в жизнь. В 1955 году сенатор Хьюберт Хэмфри и член Палаты представителей Джон Сейлор представили первую версию Акта об областях дикой природы. После восьми лет слушаний в Вашингтоне и на Западе, после множества пересмотров, чтобы удовлетворить промышленность и Лесную Службу, и после настойчивого сопровождения «Зани», Акт об областях дикой природы был подписан в виде закона 3 сентября 1964 года президентом Линдоном Джонсоном. Одну из ручек, которой был подписан законопроект, вручили вдове Занисера, Алисе. Зани умер от сердечного приступа тремя месяцами ранее.

Акт об областях дикой природы создал Национальную систему заповедания дикой природы, сначала представленную ранее существующими Области Дикой Природы и Дикими областями в Национальных Лесах. Он предписывал Лесной Службе изучить и дать рекомендации по остающимся Примитивным Области, а Службе национальных парков и Службе рыбы и диких животных США сделать то же самое для свободных от дорог областей на землях, которыми они управляли. Конгресс сохранил за собой власть добавлять области к системе или удалять их из нее. Строительство дорог, использование моторизованных транспортных средств или оборудования и коммерческая вырубка древесины в Области Дикой Природы были запрещены.

Несмотря на смерть Занисера, после принятия Акта об областях дикой природы любящие дикую природу граждане не почтили на лаврах. Они работали, чтобы исправить в очень компромиссном законодательном документе пять упущений, которые стали очевидными в течение следующего десятилетия: свободно текущие реки; дополнительные области Национальных лесов на Западе; области Национальных лесов на Востоке; дикие земли, управляемые Бюро менеджмента земли (БМЗ) и земли Аляски. Каждой из этих кампаний: по Диким рекам, дополнительным Западным землям Национальных лесов, Восточным Национальным лесам, землям БМЗ и землям Аляски, — приближала мечту достойных преемников Боба Маршалла и Говарда Занисера. В 1964 году Актом об областях дикой природы были заповеданы 9 миллионов акров Областей дикой природы; благодаря этим наследникам сегодня охраняются 90 миллионов.

Я не имею никакого желания бросать ложку дегтя в бочку с медом. Я рад за каждый акр, спасенный от бензопилы, буровой установки и бульдозера. Поросшие дубами холмы Иши; дождливые гигантские леса Олимпии; неплодородные секвойи Кранберри, поглощающие старые лесозаготовительные тропы; острый, как нож, хребет Веминуче, разрезающий жирные, черные животы грозовых туч; Журавли Сэндхилла, летящие в дымке сквозь августовскую метель в Денали; переход от Гигантского цереуса к Пробковой ели при подъеме на горный хребет Пуш; кипарисные болота Окефеноки; Лоси, трубящие в Грос-Вентре; бурлящая пенящаяся вода на Безвозвратной реке; вороны, летающие кругами в сюрреалистических пустошах Бисти, — я знаю их все, и я благодарен банде фанатиков, преданных дикой природе, которые воевали за каждую из этих Областей Дикой Природы.

Тем не менее, давайте не будем обманывать самих себя. Под асфальтом и бетоном в континентальных сорока восьми штатах находится больше земли, чем защищается в Облациях Дикой Природы. Из 90 миллионов акров в Национальной системе охраны дикой природы, только 34 миллиона — за пределами Аляски. На каждый акр в континентальных сорока восьми штатах, который мы защитили, начиная с 1964 года, приходится, по крайней мере, акр такой же природной земли, утраченный под сплошными вырубками и дорогами. На каждый заповеданный акр Национальных лесов приходится почти три акра, «освобожденных» для потенциальной разработки. В сердце дикой природы, Йеллоустонском Национальном парке, благополучная в 1964 году популяция Гризли теперь балансирует на грани исчезновения. Потомство Калифорнийских Кондоров, которые свободно летали над Сеспе двадцать пять лет назад, сегодня моргает за решеткой на фоне автомобильных выхлопов. Накануне принятия Акта об областях дикой природы Национальные леса Запада представляли собой, в основном, обширные старовозрастные леса. В 1990-е годы эти леса представляют собой рассеянные островки на фоне уничтоженных, кровотокающих руин, практически неспособные функционировать как нетронутые экосистемы.

Четверть века, с момента принятия Акта об областях дикой природы, защитники природы вели борьбу за то, чтобы сохранить в Соединенных Штатах хотя бы часть оставшихся диких земель. Они не просили об охране всех свободных от дорог или неразработанных областей, даже при том, что эти земли составляют лишь 8 процентов от всей площади земли Соединенных Штатов, за исключением Аляски. Даже в заповедании областей, обсуждавшихся выше (Диких и живописных рек, свободных от дорог областей западного,

восточного Национального леса и областей БМЗ, а также новых Парков и Убежищ на Аляске) компромиссы быстро разрушили первоначальную решимость. Во втором Реестре и оценке свободных от дорог областей Лесной службы (RARE II) в 1978 году, Сьерра-Клуб, Общество Дикой Природы и их единомышленники просили взять под охрану только 35 из 80 миллионов акров свободных от дорог Национальных лесов. Нечто подобное произошло и с исследованиями владений Бюро Менеджмента Земли, рекомендованных в качестве Областей дикой природы; несмотря на то, что Акт Об охране земель Аляски, имеющих национальное значение, был выдающимся достижением охраны природы 1970-х, даже там защитники окружающей среды никогда не пытались предлагать полностью остановить освоение земель, чтобы дикие земли всего штата оставались нетронутыми.

Считалось само собой разумеющимся, что неумолимые силы индустриализации продолжают покорять дикую природу. Защитники окружающей среды, благоразумно не выходя за рамки господствующей тенденции современного общества, свернули с пути, чтобы казаться умеренными и готовыми идти на компромисс. Мы молча согласились на сплошную вырубку древних лесов, на массовое строительство дорог на наших общественных землях, на разработку полезных ископаемых и добычу энергии в девственных областях, и на уничтожение «проблемных медведей». Мы смирились с тем, что некоторые дикие земли должны быть и будут разработаны. Мы просто просили, чтобы пощадили хотя бы некоторые, самые живописные, из них.

За немногими исключениями, мечты заменил политический прагматизм. «Мы живем в мире решений, — говорят нам, — и должны иметь дело с людьми, которые принимают решения». Грезы были забыты, потому что нас засосало «политическое болото», — сожалел Джон Мюир. Безучастная реакция на бюрократические инициативы выдвинулась на передний план.

Короче говоря, начиная с принятия Акта об областях дикой природы, защитники дикой природы не видели общей картины. В большинстве случаев — просто реагировали на ведомственные программы. Мы вели локальные войны, но не сумели ясно сформулировать и провести кампанию за представительскую Национальную систему охраны дикой природы, достойную своего названия. Мы приняли господствующую социальную парадигму неизбежности индустриализации и разработок новых земель. В наших мечтах не было таких благородных, но исчезающих видов, как Калифорнийский Кондор, Медведь Гризли, Серый Волк. Мы пытаемся сохранить их, как за музейные экспонаты, а не как растущие, динамичные, живые части функционирующего мира.

Чтобы Система Областей Дикой Природы стала чем-то большим, чем музей, дразнящий мимолетным видением прошлого Северной Америки, чтобы она была большим, чем гимназия и художественная галерея под открытым небом, чтобы она сохранила жизнеспособные образцы динамично эволюционирующих природных экосистем, мы должны иметь вдохновенную цель вместо подобострастного подбирания тех крошек, которые бросают нам Луизиана-Пасифик, Лесная Служба, Сенатор Марк Хатфилд и Экксон. Защитники природы должны вести, вместо того чтобы вежливо реагировать. Мы должны задавать нашей нации более глубокие вопросы: является ли 2 процента от площади сорока восьми штатов достаточным количеством для Национальной системы охраны дикой природы?

Действительно ли достаточно двадцать пять кондоров? Шестьсот Медведей Гризли? Несколько крохотных остатков соборных старовозрастных лесов Орегона?

Не вырубали ли мы слишком много девственного леса? Не построили ли слишком много дорог? Не запрудили ли слишком много рек? Не выгнали ли Гризли, Серого Волка, Ягуара, Большерогого Барана, Бизона из слишком многих мест? Не осушили ли слишком много заболоченных земель? Не стали ли истребление Странствующего Голубя, Морской Норки, Луговой Куропатки и распашка Великих равнин чудовищными ошибками?

Разве Области Дикой Природы не являются миром жизни: яркими экосистемами, где природные процессы правят по-прежнему, а эволюция идет своим ходом?

Если мы не сможем задать эти вопросы, если не сумеем провозгласить великолепную и благородную мечту, как это сделал Мартин Лютер Кинг-младший, то крестовый поход за дикую природу будет проигран. Будущие поколения увидят только тень того, что когда-то было настоящим — остатки дикости с урезанной флорой и фауной.

Сначала защитники природы увильнули от трудных вопросов. Ловко избежали признания настоящих причин сохранения дикой природы. Мы позволили, чтобы ценности Баббита помешали нам защитить Национальные Парки и Области Дикой Природы. Первые защитники Национальных Парков — те, кто продвигал Йосемит и Йеллоустоун — хотели сохранить не природное разнообразие, не дикую природу, а просто зрелище, курьезы природы. Альфред Рунте в своей книге «Национальные парки: американский опыт»¹, называет этот способ рассуждений «монументализмом». Сторонники Парков нашли аргумент — «беспольные земли». Наша нация может позволить себе охранять Йеллоустонский Парк, — говорили они, — потому что он непригоден для сельского хозяйства, а полезные ископаемые захоронены глубоко под лавой. Даже такие защитники природы, как Джон Мюир, часто возвращались к монументализму и бесполезным землям, как сегодня лоббисты от Сьерра-Клуба, чтобы оправдать новые Парки и Области Дикой Природы или вычеркнуть «противоречивые» части (то есть части с деревьями) из предложений.

1 Линкольн: Издательство Университета Небраски, 1987 г. (второе издание, пересмотренное).

Другие популярные аргументы, издавна использовавшиеся для заповедания, основывались на прагматике и примитивных рекреационных ценностях. Сто лет назад штат Нью-Йорк выделил государственные земли в Адиронаках как «навечно дикие» не из-за внутреннего достоинства дикости, а для того, чтобы защитить водораздел для быстро развивающегося города Нью-Йорка. Первые Примитивные Области в Национальных лесах были учреждены в ответ на вездесущие автомобили Генри Форда — лесники, которые выросли в седлах и с уздечками, не желали потерять навыки первопроходцев. С тех пор защитники дикой природы подчеркивали ценности, предлагаемые человеческим существам, причем защита водораздела и примитивный отдых на открытом воздухе упоминаются наиболее часто.

Вот почему в наших заповедниках охраняют только биологически небогатые земли выше пояса лесов, вот почему новые Парки на Аляске («там, где мы имеем последний великий шанс начать сначала», — как провозглашало объявление Коалиции Аляски) оказались жертвами коммерческих махинаций, как и их родные братья на континенте. Когда вы говорите, что хотите только ничего не стоящих земель, вы получаете ничего не стоящие земли. Монументальные, да. Живописные, действительно. Даже захватывающие дух. Но не богатые, зрелые области, необходимые чувствительным видам. Йеллоустонский национальный парк, каким бы очаровывающим он ни был, не может быть самостоятельным как экосистема. Его границы были проведены не природой, а политическими деятелями, которые поклонялись доллару. Есть причина, почему даже дымящиеся ружья охотников за мясом в Монтане не могут убедить стадо Бизонов оставаться в Парке. Бизон не может есть пейзаж или гейзеры. Неживописные частные земли к северу от Йеллоустона, теперь используемые как ранчо для рогатого скота, являются необходимыми для них, как и тысячелетия назад, зимними пастбищами.

Настоящая дикая природа очень отличается от той, которая формирует нашу современную Национальную систему охраны дикой природы. Большинство областей в системе достаточно небольшие, чтобы пересечь их пешком за один день¹, и почти все потеряли важные компоненты своей исконной фауны. Олдо Леопольд определял, как дикую, такую область, в которой во время двухнедельного пешего похода вы не пересекали собственные следы. Для автора киносъемок Медведей Гризли Дуга Пикока, область является областью дикой природы, если она содержит нечто большее и более огромное чем вы — нечто, что может убить вас. Луи Крайслер написала в «Арктической дикости»²: «Дикая природа без животных мертва — мертвый пейзаж. Животные без дикой природы — закрытая книга».

¹Приблизительные подсчеты показывают, что только 4 процента территорий Национальной системы охраны дикой природы имеют 500,000 акров или больше, в то время как 34 процента имеют меньше 10,000 акров. Область в 500,000 акров эквивалентна квадрату со стороной двадцать семь миль; 10,000 акров эквивалентны квадрату со стороной меньше, чем четыре мили. Центр большей части Областей Дикой Природы находится не больше чем в трех милях птичьего полета от границы, а самая дальняя точка в континентальных сорока восьми штатах находится всего в двадцати одной миле от дороги.

²Луи Крайслер, «Арктическая Дикость» (Нью-Йорк: Бэллантайн Букз, 1973 г.).

Мыслящие биологи и защитники природы за последние двадцать пять лет пришли к пониманию того, что разрушение природного разнообразия Земли вызвано не просто эксцессами индустриальной цивилизации, а внутренними атрибутами общества: чрезмерным потреблением, перенаселенностью и нашим понятием господства над природой. Они теперь понимают, что охраняемые Области Дикой Природы и Национальные парки не могут выжить как эффективные святилища, если остаются островными экосистемами, что острова среды обитания в море развития будут утрачивать ключевые виды (те, которые требуют больших территорий, чтобы поддерживать жизнеспособные воспроизводящиеся популяции). Они с сожалением признали, что такие внешние воздействия, как кислотные осадки, другие формы загрязнения воздуха, токсического и радиоактивного загрязнения могут разрушать естественную целостность охраняемых

областей, что ни в одном заповеднике нельзя защитить воздух, воду и почву Земли от загрязнения индустрией. И с ужасом начинают сознавать, что такие глобальные воздействия, как парниковый эффект и истощение озонового слоя будут разрушать все экосистемы во всем мире, включая экосистемы в святынях. Незначительная реформа нашей экономической системы и лучшее управление не защитят великое разнообразие жизни, произведение почти четырех миллиардов лет эволюции. Долгосрочная защита природного разнообразия и процессов, которые поддерживают его, потребует фундаментальных изменений в роли, которую мы, люди играем на нашей планете.

Для борьбы с этими огромными проблемами жизненно важно создать в Соединенных Штатах Национальную систему охраны дикой природы, которая была бы подлинно национальной, представительной и сохраняла исконное разнообразие. Ясно представляя мечту об экологической дикой природе и проводя кампанию за нее на национальной арене, мы сделали бы для охраны настоящей дикой природы намного больше, чем продолжая бороться только за традиционные парки для пешего туризма, зоопарки на открытом воздухе и пейзажные заповедники. Другое преимущество такой программы состоит в том, что сам процесс борьбы за дикую природу может быть наиболее эффективным средством пересмотреть роль человечества в природе; может быть наилучшим способом вызвать изменение сознания, которые, по словам Олдо Леопольда преобразуют «роль Homo sapiens от покорителя сообщества земли к простому члену и гражданину его». Такое реформирование нашей роли позволило бы нам преобразовать наш ненасытный образ жизни, который вызывает кислотный дождь, парниковый эффект и истощение озонового слоя. И если материалистическое общество Соединенных Штатов сможет найти в себе смирение, чтобы учредить природные заповедники достаточных размеров, то это станет примером для других наций, особенно тропических регионов, где исконное разнообразие особенно обильно и подвергается особенной опасности. Как мы можем поучать Бразилию прекратить разрушение амазонского дождевого леса, в то время как мы изорвали в клочья библиотеку экологического богатства, найденную в древних лесах Тихоокеанского Северо-Запада? Как мы смеем запрещать голодающим племенам Восточной Африки истреблять великие стада, когда не можем предоставить Бизону, Серому Волку и Гризли ареал, в котором они нуждаются?

Создание значимой, но политически возможной Национальной системы охраны дикой природы требует, чтобы мы реально представляли нашу цель и шаги для ее достижения. Я предлагаю следующий проект.

Очертить границы того, что остается диким. Более ни одного акра древнего или преимущественно естественного леса не должно быть вырублено. Более ни одна миля новой дороги не должна врезаться в свободную от дорог область. Более ни один Медведь Гризли не должен быть убит в Йеллоустоне. Более ни одна свободно текущая река не должна быть запружена. Слишком много уже было потеряно.

Восстановить коренные экосистемы. Во многих случаях для возрождения родных экосистем, возвращения истребленных диких животных и восстановления поврежденных ландшафтов необходимо всего лишь закрыть дороги, прекратить разрушительную деятельность и оставить землю в покое. В других случаях может потребоваться незначительное

практическое восстановление: физическое возвращение истребленных видов, удаление нескольких застроек и выполнение небольшого восстановления водораздела. В некоторых областях потребуется более дорогостоящее, долгосрочное и активное управление, чтобы вернуть их в состояние природной дикости. Их нужно определить как Области восстановления дикой природы, где будет предоставлена возможность для более интенсивной реабилитационной работы, пока дикость не будет восстановлена.

Основные и меньшие области Области Дикой Природы, а также Области восстановления дикой природы должны быть связаны с друг другом нетронутыми коридорами. Такие коридоры жизненно важны для обмена генетическим разнообразием между ядрами заповедников. Без таких коридоров заповедники становятся экологическими островами, а популяции видов, имеющих малую плотность, такие как крупные хищники, могут выродиться. Когда восстановлена подходящая среда обитания, должен быть реинтродуцирован искорененный вид, если он не сможет заселить эту область самостоятельно.

Восстановить главные свободные от дорог области на Западе. В настоящее время существует тридцать восемь областей, где закрытие незначительных дорог создало бы центральные свободные от дорог области больше чем в миллион акров. Такие монолиты дикой природы должны стать ядрами для еще больших комплексов дикой природы, связанных с друг другом и с меньшими Областями Дикой Природы дикими коридорами.

Восстановить исконные виды. Чтобы защитить после реинтродуцирования Калифорнийского Кондора, должны быть полностью закрыты для человека полтора миллиона акров Национального Леса Лос-Падрес к северо-западу от Лос-Анджелеса. Должны быть широко распространены в их прежних средах обитания широко распространенные когда-то Большерогий Баран, Бизон, Вилорогий Баран, Речная Выдра, Лесной Карибу и другие.

Прекратить коммерческий выпас домашнего скота на западных общественных землях. Общественные земли поставляют только 3 процента красного мяса, а правительство больше тратит на менеджмент частного выпаса скота, чем получает в виде платы за разрешения на выпас. Выпас скота был одним из основных факторов опустошения межгорных экосистем: повсеместного истребления Медведя, Волка, Пумы, Лося, Вилорогого Барана, Большерогого барана и Бизона; разрушения исконной растительности и серьезного ущерба для систем водораздела и прибрежных систем.

Реабилитировать свободнотекущие реки. Реки и прибрежная среда обитания, возможно, больше чем любая другая экосистема Соединенных Штатов, подвергались злоупотреблениям, изменениям и разрушениям. Высокий приоритет должна иметь реабилитация свободно-текущих рек, устранение, где это возможно, разрушительных экзотических и восстановление исконных видов рыбы и других речных обитателей. Не только не должны строиться никакие новые дамбы, но должна быть начата программа по устранению дамб и восстановлению свободно текущих рек.

Откажитесь от понятия сохранения статического ландшафта. То, что сохраняется в Облaстях Дикой Природы, это процесс эволюции, видообразования, сукцессионных

изменений в экосистемах. Природные ландшафты должны быть большими и разнообразными, чтобы компенсировать такие катастрофы, как обширные лесные пожары, нашествия насекомых и вспышки болезней, временные местные исчезновения и циклические колебания популяции. (В достаточно большом заповеднике или комплексе определенная среда обитания может быть уничтожена стохастическим¹ событием типа Йеллоустонских пожаров 1988 года, но подобная среда будет существовать в других местах области, или в других областях, связанных коридорами.) Защитники дикой природы должны учиться у биологов-природоохранников, а те, в свою очередь, должны рассматривать активистов охраны природы из широкой публики как своих естественных союзников, а менеджмент общественных земель как жизненно важную возможность.

1 Понятие «стохастический» используется экологами для обозначения случайных изменений в экосистеме, вызванных пожаром, ураганом или другим природным явлением.

Сохраняйте дикую природу ради нее самой. Защитники природы должны разработать новые (старые) доводы в защиту дикой природы, новое понимание места людей в природном мире, новую оценку других наций, населяющих эту красивую сине-зеленую живую планету. Мы должны признать, что истинная причина, по которой мы одобряем сохранение дикой природы — это Дикая природа ради нее самой. Потому, что это правильно. Потому, что она представляет собой реальный мир, арену развития. Потому, что это наш дом. Серый Волк имеет право на жизнь ради самого себя, а не ради какой-либо реальной или предполагаемой ценности, которую он может иметь для людей. Пятнистая Сова, Росомаха, грибная сеть в лесной почве следуют своим собственным переплетенным эволюционным путям, как и должно быть. Защитники природы должны признать не только то, что именно внутренняя ценность природного разнообразия является доводом в пользу его сохранения в наших сердцах, но и то, что это наиболее эффективный аргумент в пользу заповедания; мы должны понятно объяснить это и общественности. Если мы не поставим перед нашими собратьями-людьми задачу соблюдать самоограничение, добровольно разделить Землю с нашими дикими собратьями, то крестовый поход за дикую природу превратится в плевок против ветра.

Почему человек с продолжительностью жизни в семьдесят лет думает, что правильно уничтожать двухтысячелетние секвойи, чтобы сделать столы для пикника? Убивать одну из тридцати кормящих Медведиц Гризли в Йеллоустонском регионе за то, что она съела одну из его овец? Ломиться через пятитысячелетний Креозотовый Кустарник на трехколесном мотоцикле ради острых ощущений мачо? Запруживать дамбами Глен Каньон и Хетч-Хетчи ради электричества и воды для лужаек?

Пока мы не научимся уважать этих других, как равных себе, мы будем чужаками и варварами на Земле. Дикая природа — настоящая дикая природа — является дорогой к дому. Формулировка этой истины является жизненной потребностью движения заповедания. Мы не поймем этого, прячась за антропоцентрическими аргументами монументализма, бесполезных земель, утилитаризма или рекреации в первозданной природе. Мы можем сделать это, только провозглашая то, во что мы искренне верим, и бросая вызов человечеству этим этическим идеалом.

Максимальное использование профессионализма

Есть только одна надежда отразить тираническую амбицию цивилизации завоевать каждую нишу на всей земле. Эта надежда состоит в организации энергичных людей, которые будут бороться за свободу дикой природы.

Роберт Маршалл

До 1970 года движение охраны природы занималось, прежде всего, учреждением и менеджментом Национальных лесов, Национальных парков и Областей Дикой Природы; защитой среды обитания и учреждением убежищ для диких животных; разработкой законов о защите дичи и стандартов хорошего спортивного поведения для охотников и рыбаков; предотвращением эрозии почвы и борьбой с дамбами на свободнотекущих реках. Члены групп охраны природы были обычно людьми, проводящими время на открытом воздухе — охотниками, рыбаками, наблюдателями за птицами, путешественниками, каноистами, скалолазами и натуралистами.

Охрану природы в защиту окружающей среды к концу 1960-х годов преобразовало взаимодействие двух факторов. Сначала несколько книг представили вниманию публики проблемы окружающей среды. В то время, когда выросло беспокойство о загрязнении воды и воздуха, «Безмолвная весна» Рэйчел Карсон (1962 г.) высказала крайнее беспокойство по поводу использования пестицидов и гербицидов. Широко популярной, хотя и поверхностной книгой о движении охраны природы, была книга министра внутренних дел Стюарта Удала «Тихий кризис» (1963 г.). В зловещем, пророческом виде показывала угрозу перенаселенности «Бомба народонаселения» Пауля Эрлича (1968 г.). За «Безмолвной весной» с предупреждениями о все более и более ядовитой окружающей среде последовал «Замыкающийся круг» Барри Коммонера (1971 г.).

Во-вторых, изменилась демография тех, кого беспокоили проблемы окружающей среды. «Безмолвная весна», «Тихий кризис», «Бомба народонаселения», и «Замыкающийся круг», так же как амбициозный и дальновидный проект Дэвида Броуэра по изданию книг большого формата с фотографиями Сьерра-Клуба, стали достоянием миллионов граждан среднего класса, которые не обязательно были любителями проводить время на открытом воздухе. К тому же, к 1970 году открыли «экологию» и стали активно участвовать в решении разных вопросов много молодых людей с опытом в антивоенном движении и движении защиты гражданских прав.

Беспокойство защитников природы о диких животных и диких землях обычно не ставило вопросов об общих проблемах индустриального общества. В определенной степени охрана природы действовала в вакууме, отдельно от других социальных и политических движений. «Безмолвная весна» и другие произведения ее жанра создавали более цельную картину, связывая диких животных и другие «сугубо природоохранные» проблемы с проблемами всего общества. Даже при том, что это был гораздо более экологичный подход, а Карсон, Эрлих и Коммонер были биологами (Карсон был провозглашен Биллом Деваллом и Джорджем Сешнзом в «Глубинной экологии»² первым биоцентрическим мыслителем), общее влияние этой тенденции сделало охрану природы — теперь защиту окружающей среды — более антропоцентричной.

1 Рэйчел Л. Карсон, «Безмолвная весна» (Бостон: Хафтон Миффлин, 1962 г.). Стюарт Л. Удал, «Тихий Кризис» (Нью-Йорк: Холт, 1963 г.). Пол Р. Эрлич, «Бомба Народонаселения» (Нью-Йорк: Баллантайн, 1968 г.). Барри Коммонер, «Заключительный круг: природа, человек, технология» (Нью-Йорк: Кнопф, 1971 г.).

2 Билл Девалл и Джордж Сешнз, «Глубинная экология: жить так, как будто природа имеет значение» (Солт-Лейк-Сити: Перегрин Смит Букз, 1985 г.).

Кроме того, молодые люди, которые вступили в движение примерно во время Дня Земли, не обязательно интересовались глубинкой или природой, кроме как в абстрактном смысле. Их беспокойство чаще касалось влияния загрязнения воды и воздуха на человеческие существа, и роли больших корпораций в порождении как проблем окружающей среды, так и социальных проблем, а также их вклад в военно-промышленный комплекс. Эти новички в охране природы призывали «к основательности» и старались перенести фокус с диких животных и диких земель на проблемы городской окружающей среды¹.

1Эти рассуждения очень обобщенные. Многие люди, заинтересованные движением защиты окружающей среды в конце 1960-х — начале 1970-х годов были ориентированы на времяпрепровождение на открытом воздухе, а бум в пешем и водном туризме сыграл существенную роль в привлечении новичков в организации охраны природы. То, о чем я говорю, это направления и тенденции, которые могут объяснять некоторые изменения в движении за последние несколько десятилетий. Эта глава написана в общем, и существуют многочисленные конкретные исключения. Я просто показываю тенденции, чтобы проиллюстрировать свою мысль.

Молодые новообращенные защитники окружающей среды принесли с собой также конфронтационный стиль и антикапиталистический уклон. Ранее группы охраны природы избегали конфронтации везде, где это возможно, предпочитая решать вопросы с такими государственными должностными лицами, как руководитель Лесной Службы или директор Службы Национальных Парков. Одной из ключевых причин увольнения Дэвида Броуэра в 1969 году с должности исполнительного директора Сьерра-Клуба была негативная реакция старой гвардии Клуба на его все более и более конфронтационный подход к правительственным организациям и загрязняющим корпорациям. Охрана природы традиционно не рассматривалась с либеральных или левых позиций. До середины 1970-х годов проблемы окружающей среды были откровенно двухпартийными, причем несколько

самых сильных сторонников движения пришли из Республиканской партии.

Можно спорить, был ли союз защиты окружающей среды с либерализмом в целом положительным изменением. Но это тема, заслуживающая своего собственного анализа. Я дразню здесь другую гремучую змею.

Хотя защита окружающей среды началась с более целостного подхода и лучшего понимания науки экологии, она, к сожалению, привела к тому, что движение охраны природы стало менее сфокусированным на природе и более сфокусированным на человеке. В другом месте я обсуждаю необходимость снова сделать дикую природу краеугольным камнем охраны природы и выбрать более биоцентричный подход к экологическим проблемам. Здесь, однако, я хотел бы повернуть мой прожектор именно на трансформирование самих организаций охраны природы. Прежде, чем я углублюсь в эту тему, я хотел бы в контексте рассказать, как я оказался вовлеченным в дело охраны дикой природы.

Моими любимыми книгами, даже раньше, чем я научился читать, были два тома Американского Музея Естествознания: «Иллюстрированный альбом американских диких животных» и «Иллюстрированный альбом диких животных всего мира». Я помню, как моя мать читала их, когда мне было пять лет; они все еще в моей библиотеке. К сожалению, моя семья была не из лесной глуши; ближе всего мы подошли к опыту дикой природы на пикнике в горах Сандия. Я едва дождался, когда мне исполнилось одиннадцать лет и я смог присоединиться к бойскаутам. В 1962 году в возрасте тринадцати лет я выполнил нормативы на бойскаута Орла и отправился в первый пеший поход в Область Дикой Природы Гласир Пик в Вашингтоне со своим отрядом. То путешествие сделало меня фанатиком дикой природы.

После Дня Земли 1970 года, центром радикальной защиты окружающей среды стал Санта-Фе, где сформировалась эко-анархистская группа под названием Защита Черной Столовой горы, организованная Джеком Леффлером и другими, которые поддержали борьбу Навахо против проекта массовой добычи в резервации угля открытым способом. Через общих друзей я познакомился с некоторыми из участников Защиты Черной Столовой горы и начал навещать туда как доброволец, чтобы наклеивать почтовые марки и вкладывать листовки в конверты. Так как я занимался спуском на лодках через пороги, я особенно заинтересовался ответвлением Защиты Черной Столовой горы под названием Речная Защита.

Как любитель пешего туризма, я смутно знал о существовании Акта об областях дикой природы. Подталкиваемый публикой из Санта-Фе, я написал в Лесную Службу, спрашивая о потенциальной новой Области Дикой Природы в Нью-Мексико. Лесная Служба отвечала, что они начали программу систематического рассмотрения потенциальных новых Областей Дикой Природы — Реестр и оценка свободных от дорог областей (RARE). Они предложили связаться с Комитетом изучения областей дикой природы Нью-Мексико, чтобы найти тех, кто работал над этим вопросом. Я написал туда, получил довольно общий и равнодушный ответ и начал искать белые пятна на топографических картах и картах Лесной Службы.

Комитет изучения Областей Дикой Природы Нью-Мексико в марте 1972 года, наконец, пригласил меня на семинар по дикой природе. В семинаре участвовали Гарри Кранделл из Вашингтонского (округ Колумбия) и Джерри Маллетт из денверского офиса Общества Дикой Природы. Первичным фокусом семинара была программа RARE Лесной Службы. Национальные Леса Нью-Мексико были поделены между различными «шефами» из широкой общественности для организации комитетов по изучению потенциальных Областей Дикой Природы и организации поддержки их охраны. Поскольку никто не вызвался, я предложил стать шефом Национального леса Джила в юго-западном Нью-Мексико, и был неохотно принят старой гвардией Комитета изучения.

Моя работа над исследованием по переклассификации Примитивной области Джила привлекла внимание Общества Дикой Природы, и в январе 1973 года я был приглашен на недельный семинар по лоббированию в Вашингтоне (округ Колумбия). После семинара Гарри Кранделл спросил, не интересуется ли меня работа их полевым консультантом по Нью-Мексико. Меня отправили домой через Денвер (Колорадо), где Западным региональным офисом для Общества Дикой Природы руководил Клиф Мерритт. Клиф прочитал мне краткий курс по тонкостям Акта об областях дикой природы и основным принципам организации охраны природы. Я должен был получать 250 долларов зарплаты, плюс пятьдесят долларов на расходы в месяц. Не много, но это лучше, чем подковыривать лошадей, и теперь мне должны были платить за полную неделю работы по заповеданию дикой природы.

Я рассказываю о моем трудоустройстве по двум главным причинам. Это характерно для многих активистов групп защиты окружающей среды начала 1970-х годов; знание нашей личной истории, как и истории преобразования движения охраны природы в движение защиты окружающей среды, является важным для понимания некоторых текущих проблем движения и для принятия возможных решений.

Одной из отличительных характеристик движения защиты окружающей среды, начиная с первого Дня Земли в 1970 году, было растущее число оплачиваемых членов групп охраны природы, работающих на основе полной занятости. Профессиональный персонал, такой как я, внес большой вклад в успех дела и жизненную силу для предстоящих сражений. Однако, этому растущему профессионализму может быть приписано множество проблем, главной из которых была концентрация принятия стратегических и тактических решений в руках небольшой элиты, и акцент на прагматической политике, а не на основных этических принципах. В то время как сегодня численность профессионального персонала в движении защиты окружающей среды является беспрецедентной, проблемы таковыми не являются.

Как указывает Стивен Фокс в своей книге «Джон Мюир и его наследие: американское движение охраны природы»¹, об истории движения охраны природы конца 1890-х годов, можно говорить как о борьбе между бюрократическими профессионалами и «радикальными любителями» (добровольцы-энтузиасты, которые видели проблему и работали над ней без оплаты).

1Мэдисон: Издательство Висконсинского университета, 1985 г. Следующее обсуждение основано на анализе Фокса

Восемьдесят или девяносто лет назад такие правительственные агентства, как Лесная Служба, являлись ведущими элементами движения охраны природы. Именно Джиффорд Пинчот, как первый Руководитель Лесной Службы Соединенных Штатов, поощрял профессионализм и вначале этого столетия направил движение охраны природы в сторону от радикального любителя Джона Мюира. Но даже Пинчот был бы шокирован, увидев, как выросла его идея профессионализма. В Лесной Службе верховой рейнджер с обветренным лицом был заменен компьютерным техником в кондиционируемом лишенном окон офисе. Символом Лесной Службы является уже не Дымчатый Медведь, наряженный в комбинезон, но Оруэлловский компьютер ФОРПЛАН.

После Первой мировой войны в гражданских группах охраны природы власть захватили профессиональные менеджеры ресурсов, поддерживаемые производителями оружия: был смещен с должности главы Лиги Исаака Уолтона, самой большой группы охраны природы того времени, страстный любитель природы Билл Дилг; со своей должности в зоопарке Бронкса был вынужден уйти участник общественной кампании против охоты Уильям Т. Хорндей, а Национальное Общество Одюбон было кастрировано. Одной из великих глав истории охраны природы, о которой сегодня мало вспоминают, является отважная борьба в 1930-е годы активистки-добровольца Розали Эдж по реформированию Общества Одюбон и возвращению его к искреннему действию. Эдж предвосхитила проблемы профессионализма своим комментарием, «я встречала слишком много обтекаемых и часто ожесточившихся защитников природы на профессиональных рабочих местах».

Можно сочетать лучшие черты радикального любителя и профессионального защитника природы. В 1930—1960-е примерами такого единства профессионала на полную ставку и бескомпромиссного восторженного любителя служили Боб Маршалл, Олдо Леопольд, Олаус и Марди Мурье, Говард Занисер, Сигурд Олсен, Рэйчел Карсон, Дэвид Брауэр, Стюарт Брандборг, Клиф Мерритт, Эрни Дикерман и Силия Хантер. Эти индивидуумы лишили правительственных ведомств и корпораций власти над движением и вернули его на истинный путь. Однако, после увольнения в 1969 году Сьерра-Клубом Дэвида Брауэра, движение защиты окружающей среды медленно поглощалось концепцией профессионализма в ущерб мечте, энергичности, этике и эффективности дела. К тому времени, когда Силия Хантер девятью годами позже (1978 г.) была вынуждена оставить свою должность руководителя Общества Дикой Природы, профессионализм окреп окончательно.

Я вижу многочисленные проявления этой тенденции и подробно рассматриваю ее на следующих страницах.

Много людей, которые сегодня работают на группы охраны природы, являются не защитниками природы, а техниками. Как в большинстве коммерческих, правительственных и общественных организаций, техники — бухгалтеры, юристы, специалисты по связям с общественностью и профессиональные политики — вытеснили идеалистов. Куда сегодня ведут движение великие защитники природы? Мы напрасно ищем у кормила Мюира, Леопольда, Маршалла, Мурье, Карсон или Занисера. Что мы сделали с их живыми наследниками, как Дэвид Броуэр или Силия Хантер? Надо посмотреть на лидеров менее численных групп, как «Земля прежде всего!», вдохновенная «Сеть Действия Тропического

леса», пролетарский «Гражданский центр обмена информацией по опасным отходам», и региональные группы или группы штатов, как Совет охраны природы юго-восточной Аляски и Альянс дикой природы Южного Штата Юта, чтобы найти мечтателей во главе организации. (Есть более молодые Броуэры и Хантеры, работающие для Банды Десяти, но они редко занимают руководящие должности.)

До середины 1970-х годов путь к работе в группах охраны природы состоял в том, чтобы зарекомендовать себя сначала активистом-добровольцем. Академическая подготовка и профессиональный опыт были заслуживающим внимания, но не решающим фактором. Главное — быть трудолюбивым и эффективным защитником природы из народа. Сегодня эти условия изменились на противоположные. Важной является соответствующая степень или опыт работы на правительство. На рабочие места в группах защиты окружающей среды ищут не защитников природы, а политических деятелей. Кажется, что более важно понимать работу правительства, чем чувствовать сердце и душу земли. (Конечно, профессионалы охраны природы должны знать входы и выходы в правительстве, но с опытом такое знание и навыки приходят быстро. Труднее привить страстную любовь к дикому профессиональному политику).

Группы охраны природы ищут потенциальных служащих, которые гладко приспособятся к особенностям их организации. Бизнесмен, который возглавил Общество Дикой Природы в 1978 году, заменил практически весь опытный и эффективный простонародный персонал организации на «профессионалов». В 1980-е годы, по меньшей мере в трех региональных организациях Сьерра-Клуба, наиболее эффективные, опытные и хорошо осведомленные защитники природы уступили должность регионального представителя, потому что не «удовлетворяли требованиям организации».

Все меньше и меньше сотрудников групп охраны природы являются любителями времяпрепровождения на природе. Многие чувствуют себя более комфортабельно на тротуарах Вашингтона (округ Колумбия) или Сан-Франциско, чем на высоких горных хребтах Каскадов, Сьерры, Скалистых или Аппалачских гор; более дома в баре юппи, чем около походного костра. Это относится и к советам директоров. Прочитайте пыльные страницы «Живой дикой природы». Совет Общества Дикой Природы в прошлом всегда собирался в крестьянской обстановке рядом с дикими местами, а потом совершал путешествие в Большое Снаружи. Но не сегодня. Некоторые сегодняшние профессиональные защитники природы когда-то были завсегдатаями скалистой тропы, но слышат не зов неодомашенных холмов, а зов Капитолийского холма. Другие могли бы с такой же легкостью работать на любую либеральную, прогрессивную политическую группу. Некоторые из высшего руководства высоко эрудированы в природоохране, но являются кабинетными защитниками природы, предпочитая видеть Гризли на глянцевых фотографиях на кофейных столиках. Конечно, есть и много исключений, но слишком немногие согласились бы с Маршаллом в том, что «наиболее роскошные моменты жизни — в наслаждении незагрязненной природой».

Сотрудники групп охраны природы сегодня часто ориентированы на карьеру. Многие рассматривают свою работу в группах охраны природы как ступеньку к работе у видных политических деятелей или высоким должностям в следующей президентской

администрации. Слишком многих волнует то, чтобы не нарушать спокойствия, чтобы сохранить для себя возможность назначения на должность Директора Службы Национальных Парков или заместителя министра сельского хозяйства. Стали обычными высокие зарплаты. Руководители некоторых групп зарабатывают более 100,000 долларов в год (Национальная федерация диких животных платит своему руководителю 200,000 долларов в год).

Много людей, работающих для групп охраны природы сегодня более лояльны к политическому процессу, чем охране природы. Они работают на группы охраны природы не из-за ошеломляющей любви к дикой природе, а потому что наслаждаются блеском, суетой и престижем Потوماка. Их гипнотизирует зов голосов в Белом Доме, а не гусиная музыка. Некоторые испытывают сильную личную привязанность к конкретным политическим фигурам, привязанность, которая часто оказывается сильнее приверженности защите дикой природы или повышению качества окружающей среды. Некоторые политические деятели становятся слишком недостижимы для лоббирования или критики. (Когда Таксонская группа Сьерра-Клуба отказалась в 1988 году поддержать переизбрание Удалла из-за предательства по вопросу горы Грэхем, руководство быстро отменило решение местной группы.)

Жизнеспособность самой группы стала более важной, чем ее природоохранная миссия. Даже Гринпис попадает в ловушку превращения организационной поддержки в первичную цель. В этой когда-то идеалистической организации возникает ропот, так как спонтанность, воинственность и гибкость приносятся новыми напластованиями бюрократов в жертву «респектабельности» в залах власти, и так как возведение истеблишментом империи сбора средств становится хвостом, который виляет собакой.

Эффективное действие стало главным предметом заботы групп охраны природы. Когда-то в национальных советах этих групп были ведущие защитники природы в стране. Сегодня кандидаты в совет директоров Сьерра-Клуба подчеркивают свою приверженность гладкому течению бизнеса. Их предвыборные заявления приглушают любой зеленый огонь, горящий в их глазах.

Профессиональный персонал часто незнаком с интеллектуальными дискуссиями, ведущимися внутри движения. Увеличивается пропасть между политическими техниками и мыслителями-философами и мечтателями. (По справедливости, следует признать, что за часть этой неудачи ответственны философы, которые часто погрязают в сложных академических дискуссиях, сильно удаленных от реального мира дикой природы, с которой они якобы имеют дело.)

Существует растущая пропасть между активистами-добровольцами из широкой общественности и профессионалами. Сформировалась оплачиваемая элита, которая ставит себя выше добровольцев. Эти профессионалы говорят сами с собою и часто относятся к широкой природоохранной общественности одновременно настороженно и высокомерно. Это часто подавляет инакомыслие и даже общественное обсуждение стратегии и приоритетов.

Вышеупомянутые тенденции и проявления, возможно, являются общими. Существуют, конечно, исключения. Необходимо продемонстрировать изменения в перспективе, чтобы сделать обобщения. Хотя я сконцентрировался на Обществе Дикой Природы и Сьерра-Клубе (потому что я знаю их лучше всего), это явление охватывает все движение; даже группы в штатах испытывают давление со стороны национального истеблишмента защиты окружающей среды, чтобы стать более профессиональными. Борьба за власть 1985—86 годов внутри «Друзей Земли» имела все отличительные признаки конфронтации между радикальными любителями и профессионалами ресурсов.

Существует ряд выдающихся индивидуумов, работающих на национальные и уровня штата группы охраны природы, которые являются достойными наследниками традиции Маршалла и Броуэра, но они часто походят на обратные водовороты в «профессиональном» течении потока охраны природы.

Профессиональные защитники природы пришли, чтобы остаться. Чтобы предотвратить дальнейшее ослабление движения защиты окружающей среды профессионализмом, лидеры этих организаций должны тщательно изучить внутренние проблемы профессионализма и разработать меры безопасности против них. Я не хочу освободить движение от оплачиваемого штата (я даже согласился бы с тем, что большее количество оплачиваемого персонала будет полезно для дела); я просто хочу видеть, что оплачиваемый персонал функционирует максимально эффективно и без узурпирования надлежащей руководящей роли гражданских активистов. Ниже обрисованы некоторые простые меры, которые можно применить практически сразу, с небольшими затратами, и как я полагаю, с большой эффективностью против ловушек профессионализма.

От всех служащих групп охраны природы (включая тех, кто занимает административные и конторские должности должны потребовать проводить две недели оплаченного отпуска в год в дикой природе. Не должно быть никаких исключений. Это должны быть настоящие путешествия в дикую природу, чтобы одна из них была продолжительностью в неделю. Было бы логично, например, поощрять персонал Сьерра-Клуба посещать национальные пикники Клуба.

Будет немедленно приведен аргумент о том, что штатные сотрудники охраны природы перерабатывают и не имеют времени на отпуск в дикой природе. Это лицемерие. Один из главных аргументов в пользу Областей Дикой Природы в современную эпоху — это их роль как убежища для рекреации, для спасения от стрессов городской цивилизации. Если лоббисты дикой природы говорят, что они не нуждаются в «тонизировании дикой природой», тогда они не верят в дело, которое поддерживают. Из личного опыта я знаю, что могу выполнять большее количество работы быстрее, часто посещая Области Дикой Природы и перезаряжая свой энтузиазм.

Некоторые привели такие аргументы против этого предложения: лоббист или ученый, работающий, например, над кислотным дождем, не имеет необходимости посещать дикое. Мой ответ состоит в том, что такой человек был бы гораздо более эффективным защитником контроля за выбросами плавилен и электростанций, путешествуя в каноэ по озерам и рекам в Адиронаках Нью-Йорка, лесах штата Мэн или восточной Канады и наблюдая за

воздействием кислотных осадков на природные экосистемы.

Каждая группа должна проводить, по крайней мере, одно собрание персонала ежегодно в сельской обстановке (не в шикарном лыжном домике) с экскурсией, по крайней мере, с одним ночлегом до или после собрания. В такой обстановке должны проводиться совместные собрания персонала Сьерра-Клуба, Общества Дикой Природы, Национального общества Одюбон, Защитников диких животных и групп защиты окружающей среды штата.

Региональных представителей Сьерра-Клуба не должна нанимать или контролировать национальная администрация Клуба. Вместо этого национальным клубом должны предоставляться гранты для каждого Регионального комитета охраны природы или филиала, чтобы те сами нанимали и финансировали природоохранный персонал. Эти региональные представители и их помощники были бы служащими Регионального комитета охраны природы (или филиала) и отчитывались бы перед Региональным комитетом охраны природы (или филиалом), хотя тесно сотрудничали бы с национальным природоохранным персоналом.

Национальный совет директоров Сьерра-Клуба в значительной мере занят будничными деловыми вопросами, слишком мало связанными с охраной природы. Это создает вакуум, позволив клике профессионального персонала монополизировать стратегию, приоритеты и выполнение природоохранной работы. Возможно, национальное правление Сьерра-Клуба нужно разделить на два комитета, один — для охраны природы, другой — для административных вопросов. Так или иначе, активистам из широкой общественности в Клубе необходимо предоставить большую свободу в действиях и определении фундаментальной стратегии.

Хотя в совете Общества Дикой Природы есть несколько выдающихся защитников природы, совет кажется в значительной степени составленным из людей с деньгами или доступом к деньгам (который не обязательно несовместим с тем, чтобы быть фанатиком дикой природы). Хотя сбор денег является важным, совет должен тратить больше времени на стратегию охраны природы и повседневные вопросы.

Как и в случае с советом директоров Сьерра-Клуба, возможно, совет Общества Дикой Природы мог бы быть разделен на два комитета, один занимающийся дикой природой, а другой, концентрирующийся на вопросах бизнеса и сборе денег.

В последние годы в масштабах штатов или региональных организаций появился новый вид групп охраны природы, которые работают в рамках законности, но имеют более честолюбивые цели, чем у прагматичных групп основного направления. Они предлагают биологические коридоры, чтобы соединить центральные Области Дикой Природы, области восстановления дикой природы и реинтродуцирование истребленных видов. Такие организации, как Альянс за дикие Скалистые горы, Совет исконного леса, Лесной альянс Кламат, Альянс большой экосистемы [Каскады], Вирджинцы за дикую природу, Сеть действий «Сохраним дикую природу Аппалачей и общественные земли», должны сформировать свободную федерацию, чтобы лучше координировать процесс обсуждения экологических областей дикой природы и бескомпромиссных позиций по вопросам

менеджмента земли. Такая федерация могла заставить Сьерра-Клуб и другие господствующие организации действовать более активно.

Банда десяти и другие большие группы охраны окружающей среды должны совместно основать фонд, чтобы платить по крайней мере миллион долларов в год грантами по 15,000 долларов отдельным активистам охраны природы. Не должно быть никаких оговорок, связанных с этими «мини» грантами, и получатели должны быть вольны работать над тем, над чем пожелают. Поскольку выбирать необходимо опытных, способных, самодостаточных активистов, нет необходимости в надзоре или административной верхушке.

Должен быть установлен потолок зарплат, выплачиваемых группами охраны природы. Это помешало бы многим политическим техникам-летунам-карьеристам претендовать на такие рабочие места и оставило бы должности в руках тех, кто подлинно предан сохранению природного разнообразия. Это давало бы дополнительную возможность для групп нанимать большее количество персонала за те же деньги. В 1979 году региональные представители Общества Дикой Природы предложили сократить зарплаты, чтобы нанять больше представителей.

Первичной предпосылкой трудоустройства в группе охраны природы должен быть опыт в качестве активиста-добровольца из широкой общественности. Оплачиваемые должности на полную ставку в постоянном штате должны быть заработаны стажировкой в качестве общественного активиста охраны природы.

Члены постоянного штата групп охраны природы должны быть хорошо осведомленными о ведущих биологических и философских дискуссиях в движении защиты окружающей среды, изучая важные книги и статьи. Группы охраны природы могли бы покупать важную литературу оптом и распределять ее среди персонала. Должны распространяться и конструктивные журнальные статьи.

Опять же, возникнет возражение о том, что штатные сотрудники охраны природы перерабатывают и не имеют времени, чтобы читать. Медики также перерабатывают, но должны находить время, чтобы читать профессиональную литературу, или они отстанут в своей профессии. Точно также важно для профессионала охраны природы быть в курсе происходящего в областях природоохранной биологии и этики окружающей среды.

От лоббистов природоохраны в округе Колумбия должны требовать, чтобы они совершали, по крайней мере, четыре полевых путешествия ежегодно. Они должны посещать важные конференции, встречаться с лидерами широкой общественности и посещать ключевые области, где возникают национальные вопросы. Например, лоббисты, работающие над Облaстями Дикой Природы, должны побывать в некоторых из предложенных областей в каждом штате.

Считалось, что нет необходимости знать конкретную область, чтобы эффективно за нее бороться. Мой восьмилетний опыт в Обществе Дикой Природы ясно показал, что если бы я лично не знал область, то не боролся бы за нее так упорно, как за ту, которую знаю, что я пошел бы на компромисс по поводу области, которой не знаю. Это просто человеческая

природа. Лоббист может не пойти на дополнительные усилия, необходимые для того, чтобы спасти область, которую он никогда не видел, если для него не существуют Лось, метели и следы медведя, если это просто строка в списке.

Сотрудники постоянного штата должны поощряться лично вовлекаться в проблемы местных групп охраны природы (например, штат Сьерра-Клуба в округе Колумбия должен быть вовлечен в работу Потомакского отделения и, по крайней мере, в одну местную проблему).

Проводящаяся раз в два года Конференция по дикой природе Сьерра Клуба/Общества Дикой Природы должна быть возрождена как форум для всех групп заповедания дикой природы. Должны приглашаться противоречивые ораторы. Между персоналом, добровольцами и академиками должны серьезно обсуждаться разработка стратегий, доводы и организация сетей. Инакомыслие должно не душиться, а скорее поощряться.

Защитники природы из широкой общественности должны быть более воинственными, чтобы управлять движением, потребовать замены профессионального персонала, который стал индифферентным, кооптированным или элитарным, и уверенно выступать за децентрализованное принятие решений.

Могли бы быть приняты другие меры, которые сделают максимально эффективными членов профессионального персонала, но с моих предложений можно начать процесс. Признание проблемы растущей бюрократии в человеческих организациях представляет собой первый шаг в развитии организаций «с человеческим лицом». Я не осуждаю тех преданных людей, которые работают в группах охраны природы (обычно за более низкое жалование, чем они могли бы получать в другом месте), и не утверждаю, что оплачиваемые сотрудники на полную ставку не нужны. Скорее это попытка увеличить эффективность движения, защитить его от кооптирования политическим истеблишментом и от корпоративной бюрократии.

Мы нуждаемся в профессиональных лоббистах, ученых, юристах и бухгалтерях, играющих в нашу игру. Но им необходимо увеличить свой вклад и перейти в наступление. Мы нуждаемся в компетентных администраторах для того, чтобы управлять бюджетами в много миллионов долларов в год и большими штатами. Но они должны руководствоваться мировоззрением Мюира, Эджа, Маршалла и Леопольда — а не мировоззрением Гарвардской школы бизнеса.

Куда ты, «Земля прежде всего!»?

Воинственное меньшинство ориентированных на дикую природу граждан нации должно быть повсеместно начеку и готово к немедленному действию.

Олдо Леопольд

Осенью 1981 года «Журнал Альбукерке» поместил передовицу о многообещающем движении «Земля прежде всего!». Два дня спустя меня разбудил телефонный звонок из Вашингтона (округ Колумбия). Это был Сенатор Соединенных Штатов Пит В. Доменичи из Нью-Мексико.

“ «Дейв! Что это за дерьмо я прочитал в “Журнале”?»

На этот вопрос мне было трудно ответить.

Я радикал по принуждению. Я всегда немного смущался, когда нес плакат на демонстрации. Я никогда не чувствовал себя вполне комфортабельно, сидя перед бульдозером или приковывая себя цепью к дверям центра для посетителей Национального Парка. Я сожалею о необходимости повреждать частную собственность любого вида. Я не люблю занимать бескомпромиссную позицию; я предпочитаю уважительно и рационально обсудить расхождения за столом переговоров. Я чувствую себя более привычно в облике миротворца, чем в облике возбудителя толпы.

«Земля прежде всего!» не задумывалась для беспричинной революции, радикализма ради него самого или восстания против истеблишмента. «Земля прежде всего!» была рождена с горя, от нетвердого понимания опытными, но отчаявшимися активистами дикой природы того, что вежливых, «бизнес как водится» методов недостаточно, чтобы спасти «вещи, природные, дикие и свободные» Олдо Леопольда от человеческой жадности¹.

1 Несмотря на отсутствие склонности к радикальным действиям, существовала уверенность в том, что биоцентрическое значение заповедания дикой природы — Земля не только для людей — являлось полностью радикальной концепцией, противоречащей бряцающему стержню цивилизации. Мы, основатели «Земля прежде всего!», понимали это не потому, что были необыкновенно умными; революционное значение идеи дикой природы для защитников природы давно было очевидным. Многие женщины и мужчины, которых волнует зов дикого, поняли, что они стоят не в стороне от прогресса в час пик, а прямо на его пути. Конечно, многие призывали к заповеданию дикой природы с антропоцентрической точки зрения, что дикая природа предоставляет людям возможность рекреации, науки,

созерцания, эстетики, защиты водоразделов и т.д.

Мои старые товарищи по «Земля прежде всего!» и я являемся радикалами, потому что времена требуют этого. Подобно доктору Бенджамину Споку во время Вьетнамской войны, мы призваны действовать из-за большой несправедливости. Подобно Томасу Джефферсону, Джорджу Вашингтону и Джону Адамсу, мы жертвуем своей жизнью, своим состоянием и своей священной честью, потому что мы находимся внутри кризиса. Действительно, биологический кризис, с которым сталкиваемся мы, является не менее серьезным, чем политический кризис, с которым столкнулись они. Подобно Преподобному Мартину Лютеру Кингу-младшему, мы нарушаем закон, потому что закон оправдывает угнетение.

Мы делаем это с нежеланием и сожалением. Мы делаем это, всякий раз соглашаясь с Томом Пейном, что «сейчас времена, которые испытывают души людей».

Мы участвуем в радикальном действии не ради оппозиции власти, не потому, что мы нигилисты, а потому что защищаем нечто — красоту, мудрость и изобилие этой живой планеты.

За десять лет «Земля прежде всего!» выполнила многое из того, для чего она первоначально создавалась (хотя сделать нужно гораздо больше). В то время как наша деятельность практически завершилась с остановкой нескольких вредных проектов, таких как лесозаготовительная дорога на Лысой Горе, в Национальном Лесу Сискийу в Орегоне, большая часть нашего успеха состояла в оказании влияния и укреплении движения защиты окружающей среды. В 1980 году «Земля прежде всего!» впервые потребовала полностью остановить заготовки старовозрастного леса в Национальных Лесах. Настойчивость и храбрость активистов Тихоокеанского Северо-Запада, Северных Скалистых гор и Юго-Запада не только приостановили разрушение древних лесов, но и поставили вопрос в центре внимания нации и убедили такие группы основного направления, как Национальное общество Одюбон и Общество Дикой Природы сделать сохранение древнего леса приоритетом. Вдохновенные демонстрации «Земля прежде всего!» против Бургер Кинг и Мирового Банка помогли привлечь международное внимание к сохранению тропических дождевых лесов. С 1980 года «Земля прежде всего!» возглавила действия по превращению вопроса сохранения дикой природы из эстетического и прагматического в экологический, фокусируя внимание не на пейзажах и рекреации, а на биологическом разнообразии.

Подобным же образом мы вырвались за пределы ограниченной повестки дня групп охраны природы основного направления, призывая к реинтродуцированию истребленных видов и восстановлению обширных массивов дикой природы. Мы вынесли обсуждение биоцентрической философии — глубинной экологии — за пределы пыльных академических журналов. Мы эффективно внедрили ненасильственное гражданское неповиновение в актив защитников диких земель. Мы также помогли вывести движение охраны природы из его летаргии среднего возраста и снова вдохнуть в него страсть, радость и юмор. Делая все это, «Земля прежде всего!» реструктурировала движение охраны природы и пересмотрела параметры дебатов по экологическим вопросам.

Конечно, никто не может заварить такую кашу без того чтобы оказаться в заголовках газет. По причине известности «Земля прежде всего!» каждый, кажется, хочет изменить нас. С одной стороны, предпринимаются организованные усилия, чтобы сделать нас умеренными, смягчить и оздоровить наши взгляды; с другой — усилия, чтобы сделать нас радикальными в традиционном левацком смысле; помимо этого, власть имущие постоянно стремятся уничтожить нас совсем.

Как и следовало ожидать, основное давление на «Земля прежде всего!» оказывал политический истеблишмент и господствующие группы охраны природы. Это типичный прием нашей системы: радикалов эффективно поглощают, давая им место внутри структуры.

Тем не менее, удивительно, что наиболее страстно отвергают фундаментализм дикой природы те, кто несет свою «радикальность» как знамя. С момента основания «Земля прежде всего!» привлекала некоторых людей, потому что они видели в ней реинкарнацию стиля и агрессивности Новых Левых. Вначале мы получали письма с упреками всякий раз, когда отклонялись от левой, «политически правильной» линии, в них нас призывали вести «более глубокую критику капитализма». Вопрос перенаселенности — особое пугало для левых, и любая статья в журнале «Земля прежде всего!» по этой запутанной проблеме была обречена на немедленный, хотя и небольшой град упреков. С ростом нравочений слева совпал приток в «Земля прежде всего!», в основном, молодежи с неопределенными «анархистскими» идеями и образом жизни.

То, что совершила «Земля прежде всего!» частично объясняется разнообразием способностей, образа жизни, талантов, личностей и даже идей. Также, как более устойчива разнообразная экосистема, так же разнообразие усиливает социальное движение. Но в то же время, слишком много разнообразия может раздробить и обездвижить его. Увеличение популярности «Земля прежде всего!» сделало ее «модной» группой, привлекая азартом и славой людей, которые совсем не понимают, что такое биоцентризм. В результате движение стало разнородным, появились разногласия по вопросам философии и стиля, что поставило под угрозу наши основные принципы и ослабило нас.

Когда создавалась «Земля прежде всего!», она не была ни среди левых, ни в Племени Радуги (откуда хиппи попадали к нам). Мы не были среди движений за права животных, анархистов, пацифистов, общественной справедливости, антиядерного, ненасильственного, неоязыческого, прав туземцев или зеленых. За эти годы мы в различной степени сроднились с некоторыми из них, но никоим образом им не подчинялись. Мы были движением «Земля прежде всего!». Мы не были также всецело радикальным движением защиты окружающей среды или движением глубинной экологии. Среди непокорных Сьерра-Клубу места под солнцем хватит для всех групп охраны природы, его гораздо больше, чем нужно для Гринпис, Института острова Земля, Сети действий в защиту дождевого леса, «Морского Пастуха» и «Земля прежде всего!». Если бы «Земля прежде всего!» попыталась возглавить слишком много «радикального движения защиты окружающей среды» мы бы потеряли свое лицо.

Очень важно понять, что «Земля прежде всего!» не появилось из анархистского или левого движения. Мы также не родились из морской пены, как Венера. «Земля прежде всего!» вышла непосредственно из движения охраны общественных земель — из Общества Дикой Природы, Сьерра-Клуба, Друзей Земли и Национального Общества Одюбон. С момента нашего формирования самыми важными для нас были вопросы общественных земель и дикой природы. Некоторые, конечно, приходили в «Земля прежде всего!» из других движений, некоторые его члены непосредственно связаны с другими движениями, и «Земля прежде всего!» сотрудничает с другими движениями по некоторым вопросам; но они не были ни нашим источником, ни нашей первопричиной.

Однако, в последние годы, практически каждое большое собрание «Земля прежде всего!» порождало споры о стиле и содержании. Все больше и больше старых членов «Земля прежде всего!» не посещают ежегодное Рандеву у Круглой реки, они чувствуют, что оно превратилось в тусовку хиппи/панков. Некоторые ведущие активисты «Земля прежде всего!» перешли от защиты дикой природы к штурму баррикад капитализма. Нацеленные на охрану природы члены «Земля прежде всего!» из Вашингтона и Нью-Мексико, обеспокоенные скандалистами «революции ради революции», перегруппировались под другими названиями. Анархистская фракция, разочарованная скучным для них журналом «Земля прежде всего!», теперь выпускает «панк-журнал», который стремится культивировать неуловимую «дикость вынутри». Даже их более здравомыслящие товарищи по прямому действию критикуют журнал «Земля прежде всего!» за выделение места под статьи о природоохранной биологии и биоцентрической философии, когда там могли бы напечатать больше фотографий и новостей об их действиях. Многие члены «Земля прежде всего!» начали задаваться вопросом, сохранится ли движение под этим названием.

Я не уверен, что это имеет значение.

Томас Джефферсон высказал предположение, что революция желательна в каждом поколении, дабы предотвращать бюрократию и застой.

Чтобы понять происходящее с «Земля прежде всего!», давайте вспомним эволюционную экологию и рассмотрим генеральный вид в новой среде обитания с многими доступными нишами скажем, зяблик, унесенный ветром из Южной Америки на Галапагосские Острова. Постепенно различные популяции этого генерального вида адаптируются, чтобы более эффективно эксплуатировать различные ниши и эволюционировать в отдельные виды. Часто стрессы со стороны окружающей среды подталкивают генеральный вид к более быстрому дифференцированию в отдельные, специфически адаптированные сестринские виды.

Вот это и произошло с «Земля прежде всего!». С самого начала движение имело три главных направления: движение «гаечного ключа» (экотаж); биоцентризм и экологическое заповедание/восстановление дикой природы; конфронтационное прямое действие, как законное (демонстрации), так и нелегальное (гражданское неповиновение). Каждое из этих направлений «Земля прежде всего!» привлекало своих сторонников. Те, кто стремился к более интенсивной эксплуатации ниш саботажа, прямого действия и природоохранной биологии в последнее время значительно разошлись. Постоянное давление, проникновение

левых (сторонников классовой борьбы/социальной справедливости) и репрессии со стороны ФБР только ускорили это расхождение. Если мы не сможем приспособиться к изменившейся окружающей среде и расщеплению нашего генетического фонда, мы выйдем.

Один потенциальный лидер «новой» «Земля прежде всего!» сказал, что суть движений в том, чтобы двигаться. Он прав. В последние годы на Западном Побережье возникла сильная фракция, которая ближе к левым, чем к движениям охраны природы, и вдохновленная скорее произведениями Эбби Хоффмана, чем Эдварда Эбби. Это прекрасно. Если в движении «Земля прежде всего!» возрождаются Новые Левые, сфокусированные на защите окружающей среды, то пусть так и будет. Такая группа ударных отрядов является необходимой. Проблема возникает тогда, когда чрезмерные внутренние дебаты о стиле, стратегии и сущности удерживают всех из нас от реальной работы — борьбы с вандалами, грабителями богатства нашей Земли. Что касается меня, то я руководствуюсь биоцентристскими принципами, предложенными в Гранд-Каньоне в 1987 году, и не вижу способа защищать дикую природу в движении, которое попало во власть антикапиталистической демагогии и делающего акцент на прямом действии, забыв о других традиционных методах «Земля прежде всего!». Я не анархист, и не хиппи. Я — защитник природы. Я полагаю, что перенаселенность Земли представляет сегодня фундаментальную проблему¹. Хотя я, по-прежнему, приветствую храбрые акции тех, кто действуют под именем «Земля прежде всего!», мне придется разложить свой походный костер в другом месте.

1 Уильям Р. Кэттон-младший сформулировал изречение Мальтуса с экологических позиций так: «кумулятивный биотический потенциал любого вида превышает несущую способность его среды обитания». Именно это происходит сегодня с людьми на этой планете. Я не думаю, что верить в это означает быть расистом, фашистом, империалистом, сексистом или мизантропом, даже если это политически неприемлемо для левых, правых и центристов. Я убежден, что книга Кэттона «Избыточная стрельба: экологическое основание Революционного изменения». (Урбана, 111., и Чикаго: Издательство Университета Иллинойса, 1982 г.) является наиболее важной книгой, изданной за последние сорок лет. Ее должен прочесть любой, кто хочет что-то понять или, что более важно, сделать в отношении экологического кризиса, который мы, люди создали на этой планете.

Другими словами, я больше не являюсь частью движения «Земля прежде всего!». Я больше не представляю его, и оно больше не представляет меня.

Есть разные варианты того, что может произойти с «Земля прежде всего!» под тройным давлением преследования ФБР, призыва к умеренности со стороны истеблишмента и внутренней раздробленности. С движением происходит то, что случилось с зелеными в Западной Германии — общими усилиями экологическую группу превращают в левую. Я не отрицаю вероятности поворота к стилю контркультуры/антиистеблишмента и отказа от биоцентризма в пользу гуманизма.

Наиболее вероятно, что тот, кто наиболее заинтересован в природоохранной биологии и большой дикой природе, включая меня, будут выдвигать свои идеи под другим названием, поскольку имя «Земля прежде всего!» запятнал бесцельный вандализм, детские трюки

(типа сжигания флага и облевывания торговых центров), акции в стиле хиппи и лозунги классовой борьбы. Мудрые экосаботажники смогут более безопасно практиковать свое полуночное искусство, не привлекая внимания к себе как к известным активистам в любой группе, особенно «Земля прежде всего!». Приверженцы конфронтационного гражданского неповиновения могут прийти к выводу, что они будут в большей безопасности, если воздержатся от разрушения собственности. «Земля прежде всего!» может исчезнуть как конкретный центр, или может оказаться под возрастающим влиянием защитников прямого действия из левых противников капитализма.

Что бы ни произошло, работа продолжится.

В этом красота «Земля прежде всего!», и причина того, почему ее не уничтожить, даже если она перестанет существовать как отдельная структура. Ее дело продолжают бесстрашные, непреклонные, никогда не отчаивающиеся люди, лазающие на деревья и блокирующие бульдозеры; активные биологи-биоцентристы, работающие для блага других видов; все большее число более сильных, более смелых, менее склонных к компромиссу активистов основного направления; и еще большее число анонимных защитников природы, творящих разруху в больших желтых машинах в темноте новолуния.

Что бы ни случилось, горячая острота первоначальной «Земля прежде всего!» останется постоянной частью движения охраны природы. Ни дикие подростки, ни поглощающий водоворот господствующих течений, ни даже Федеральное Бюро Расследования нас остановить не смогут.